

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

КАБИНЕТ (ЛАБОРАТОРИЯ) ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ КОРЕИ ИВ РАН

РУССКИЕ В КОРЕЕ

сборник статей

МОСКВА
ИВ РАН
2021

УДК 316.7
ББК 65.88(2Р+5)
Р89

Ответственный редактор и составитель:
д. и. н. Б. Б. Пак

Рецензенты:
д. и. н. К. В. Орлова, к. полит. н. Р. Л. Казарьян

Утверждено к печати
Издательской комиссией Ученого совета
Института востоковедения РАН

Р89 **Русские** в Корее : сб. ст. / отв. ред. и сост. Б. Б. Пак; Ин-т востоковедения РАН. — М.: ИВ РАН, — 220 с., ил.

ISBN 978-5-907543-12-6

В данном сборнике приведены статьи, посвященные российско-корейским отношениям конца XIX–XX веков, преимущественно людям, которые представляли интересы России в этом регионе. Герои настоящего сборника — российские дипломаты, путешественники, военные инструкторы, православные миссионеры — люди, при содействии которых были заложены традиции добрососедства и сотрудничества, положившие начало систематическому научному знакомству со страной и ее усиленному изучению в различных областях, оказавшие огромное влияние на образование, военное дело, архитектуру Кореи, ее знакомство с европейской культурой, сделавшие так много для сближения и укрепления связей двух народов.

Любое использование или воспроизведение в любой форме, включая копирование, сканирование, дублирование и размещение в любом хранилище информации или в Интернете, полностью или частично, без согласия правообладателя, является незаконным. Самовольное копирование материалов книги, за исключением обложки, считается коммерческим использованием и регулируется частью 4 Гражданского кодекса Российской Федерации

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means without prior permission in writing from copyright holder

© Авторы, 2021
© Пак Б. Б., составление, 2021
© ФГБУН ИВ РАН, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Foreword	12
Б.Б. Пак Вклад К.И. Вебера в упрочение независимости Кореи и укрепление российско-корейского сотрудничества в период пребывания Коджона в русской миссии.....	19
И.В. Лукоянов Концессия Бринера как зеркало русской политики в Корее конца XIX века	46
Б.Б. Пак Русско-японские переговоры по корейским делам (1902 – октябрь 1903 г.)	62
Р.С. Авилов Через Корею в Порт-Артур: военно-исследовательская экспедиция подполковника В.А. Орановского в 1898–1899 гг.	98
А.Ю. Ручкина Первые проекты обучения корейской армии русскими военными инструкторами.....	147
А.В. Пак Религиозный фактор в российско-корейских отношениях в конце XIX – начале XX вв.	175
С.К. Колтунова Российская духовная миссия в Корее и политика России на Дальнем Востоке (1897–1917)	193
Abstracts	213
Об авторах	217
General data about the authors	218

CONTENTS

Предисловие	5
Foreword	12
<i>Bella B. Pak</i>	
Karl I. Waeber's contribution in the strengthening of Korea's independence and enhancement of Russo-Korean cooperation during Kojong's sojourn in the Russian Mission.....	19
<i>Igor V. Lukoianov</i>	
Briner's concession as the mirror of Korean policy of Russia in the end of XIX century.....	46
<i>Bella B. Pak</i>	
Russo-Japanese negotiations on Korean affairs (1902 – October 1903).....	62
<i>Roman S. Avilov</i>	
Crossing Korea to Port Arthur: the military investigative expedition of Lieutenant colonel Vladimir A. Oranovskiy in 1898–1899	98
<i>Alexandra Yu. Ruchkina</i>	
First training projects for the Korean army by Russian military instructors.....	147
<i>Alexander V. Pak</i>	
Religious factor in Russian-Korean relations in the late 19th – early 20th centuries	175
<i>Svetlana K. Koltunova</i>	
The Russian Orthodox Mission in Korea and Russia's Policy in the Far East (1897–1917).....	193
Abstracts	213
Об авторах	217
General data about the authors	218

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник составили статьи, посвященные российско-корейским отношениям конца XIX – XX веков, преимущественно людям, которые представляли интересы России в этом регионе. Герои настоящего сборника – российские дипломаты, путешественники, военные инструкторы, православные миссионеры – люди, при содействии которых были заложены традиции добрососедства и сотрудничества, оказавшее огромное влияние на образование, военное дело, архитектуру Кореи, ее знакомство с европейской культурой, сделавшие так много для сближения и укрепления связей двух народов. В сборнике освещены различные аспекты их взаимодействия – экономические, социальные, военно-политические, духовные, их видение корейской проблемы.

История российско-корейских отношений имеет давние корни. С тех пор как в начале 60-х гг. XIX в. Россия и Корея обрели общую границу по нижнему течению реки Туманган, российское правительство проводило политику, направленную на поддержание дружественных, добрососедских отношений с Кореей. Это отвечало интересам национальной безопасности России и в то же время способствовало обеспечению мира и стабильности в регионе. Лейтмотивом политики России в отношении Кореи являлась в силу ряда объективных причин (военная и финансово-экономическая слабость на Дальнем Востоке, огромные затраты на хозяйственное освоение дальневосточных владений, отвлеченность на другие внешнеполитические цели и др.) борьба за сохранение статус-кво на Корейском полуострове, стремление не допустить захвата Кореи враждебными России державами и превращения ее в базу для наступления на российскую дальневосточную периферию. При этом предметом особой заботы российской политики вплоть до аннексии Кореи Японией были

ее северные районы, которые могли быть использованы другими державами во враждебных для России целях. Рассмотрение истории российско-корейских отношений в последние годы XIX – начала XX столетия позволяет проследить основные этапы процесса постепенного возрастания роли и места Кореи во внешней политике России на Дальнем Востоке, деятельность русских дипломатов по нейтрализации политики агрессивных держав в Корее и сохранению самостоятельности корейского государства.

Главную свою задачу российская дипломатия видела в сохранении независимого статус-кво в Корее. Установление же контроля России над Кореей не входило в ее намерения. В дипломатических кругах России не имелось никаких планов территориальных притязаний на Корею, в том числе и приобретения там незамерзающего порта.

Год пребывания вана Коджона в Российской миссии – время максимального подъема российско-корейских отношений. В 1896 г. Японии пришлось подписать соглашения, уравнивавшие ее в экономических и политических правах в Корее с Россией, вывести из Кореи большую часть своих войск и прекратить таким образом сохранявшийся там после войны с Китаем оккупационный режим. Российские дипломаты стали ближайшими советниками вана. Из России по просьбам корейского правительства прибыли финансовый советник и военные инструкторы, российские купцы и предприниматели получили дополнительные возможности для деятельности в Корее. Благодаря стараниям русских военных инструкторов был обучен батальон дворцовой охраны, обеспечивавший безопасность Коджона во дворце. После отозвания инструкторов корейские офицеры были уже способны самостоятельно провести батальонное учение.

Статья Б.Б. Пак «Вклад К.И. Вебера в упрочение независимости Кореи и укрепления российско-корейского сотрудничества в период пребывания Коджона в русской миссии», открывающая сборник, посвящена действиям первого российского

дипломатического представителя в Сеуле К.И. Вебера, направленных на нейтрализацию посягательств Японии, Китая и других держав на корейский суверенитет, установление самых тесных дружеских отношений между Россией и Кореей, получивших наибольшее развитие в период пребывания Коджона в русской дипломатической миссии (с 30 января 1896 г. по 8 февраля 1897 г.).

Корею посетило несколько русских экспедиций, организованных офицерами Генерального штаба и Русским Географическим обществом. Путевые дневники, очерки и воспоминания, оставленные российскими путешественниками, положили начало систематическому научному знакомству со страной и ее усиленному изучению в различных областях.

Важным шагом в развитии духовных связей с корейским народом стало открытие в Сеуле Российской Духовной миссии. Основателем Духовной миссии в Корее архимандритом Хрисанфом была проделана огромная работа по организации школ, началу перевода богослужебных текстов. Был воздвигнут первый в Корее православный храм, освященный в 1903 г.

В предлагаемом вниманию читателя сборнике представлены материалы статей, посвященные вкладу русских военных исследователей, путешественников в изучение страны, организацию экспедиций, военных в обучение корейских войск, православных священников – членов Российской Духовной миссии в Сеуле в распространении православия в Корее.

Статья Р.С. Авилова «Через Корею в Порт-Артур: военно-исследовательская экспедиция подполковника В.А. Орановского в 1898–1899 гг.» рассказывает об одной из таких экспедиций в Корею – благодаря ему июне 2017 г. в фондах ОР РГБ найдены уникальные материалы русской рекогносцировочной экспедиции в Корею и Маньчжурию в 1898–1899 гг. проведенной под начальством подполковника В.А. Орановского.

Статья А.В. Ручкиной «Первые проекты обучения корейской армии русскими военными инструкторами» посвящена

первым проектам обучения корейской армии при помощи русских инструкторов.

А.В. Пак в своей статье «Религиозный фактор в российско-корейских отношениях в конце XIX – начале XX вв.» освещает особенности деятельности Российской Духовной миссии в Сеуле в конце XIX – начале XX вв.

В статье С.К. Колтуновой «Российская Духовная миссия в Корее и политика России на Дальнем Востоке (1897–1917)» исследуется деятельность миссии, вписанная в общий геополитический контекст отмеченного периода и описывается в контексте влияния на внешнюю политику России на Дальнем Востоке и отношения с Кореей и другими странами региона.

С конца XIX в. интересы России в Корее столкнулись с интересами других империалистических держав, прежде всего Японии, опиравшейся на поддержку США и Великобритании. В этой обстановке Российская империя, стремясь сохранить свои экономические и политические позиции на Корейском полуострове, оказывала противодействие агрессивным устремлениям Японии и вплоть до Русско-японской войны являлась главным внешнеполитическим препятствием на пути японской агрессии.

Основательно потесненная Японией, она, тем не менее, продолжала ощутимо влиять на Корею. Император Кореи и его ближайшее окружение, а также население страны хранили веру в способность России противостоять захватническим планам Японии.

Росту напряженности на Дальнем Востоке способствовали некоторые непродуманные шаги правителей России, предпринятые по настоянию влиятельной сановной группировки во главе с статс-секретарем А.М. Безобразовым, с целью расширить и упрочить позиции России в этом регионе путем интенсивной эксплуатации природных богатств Маньчжурии и Северной Кореи. В планы России, как и прежде, не входило подчинение в какой-либо форме Кореи. Самое большее, речь

могла идти о намерении потеснить Японию в корейской экономике, помешать ей захватить Корею и превратить ее в плацдарм для дальнейшей агрессии на Азиатском материке, прежде всего против России и ее интересов в Маньчжурии. Последующие события показали, что и для этого у нее не было достаточного экономического и военного потенциала.

Статья И.В. Лукоянова «Концессия Бринера как зеркало русской политики в Корее конца XIX века» посвящена истории получения владивостокским купцом Ю.И. Бринером концессии на разработку леса на корейском берегу реки Ялу. Концессия и её дальнейшая судьба оказались тесно переплетены с русско-корейскими отношениями и политикой России в регионе. Если её предоставление было связано с попыткой Коджона привлечь русских предпринимателей в Корею в 1896–1897 г., то позднее судьба предприятия отразила изменение политики России в Корее. В конечном итоге она стала поводом для формирования влиятельной неофициальной группы, получившей название по фамилии своего лидера «безобразовцы», которая своими агрессивными действиями способствовала началу Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Россия еще предпринимала попытки экономической экспансии в Корее: с середины 1903 г. между Россией и Японией прошла серия переговоров, в ходе которых Россия вынуждена была пойти на уступки Японии в корейских делах, чтобы избежать военного столкновения. Чувствуя свое военное превосходство и поддержку из-за рубежа, Япония преднамеренно выдвигала неприемлемые для России требования.

В частности, они настаивала на предоставлении ей не только полной свободы действий в Корее, но и равных с Россией прав в Маньчжурии. Позиция же России исключала Маньчжурию из сферы интересов Японии и предполагала отказ обеих сторон от использования Кореи в стратегических целях и объявление ее территории к северу от 39-й параллели нейтральной зоной, предоставлении Японии возможности давать «советы» корейскому правительству лишь

по вопросам улучшения гражданского управления, вводить в Корею войска только с согласия России.

В статье Б.Б. Пак «Русско-японские переговоры по корейским делам в 1902 – октябрь 1903 гг.» на основе неопубликованных архивных документов, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи, наиболее полно прослежен еще недостаточно изученный ход русско-японских переговоров по корейским делам, представлена позиция российского МИД и дипломатов в Сеуле и Токио по корейскому вопросу, японский и российский проекты соглашения.

Несмотря на все возможные уступки со стороны России Япония добилась срыва переговоров и объявила о разрыве с ней дипломатических отношений. Не уведомив российское правительство о том, что «разрыв дипломатических сношений знаменует собой открытие военных действий», японское правительство отдало приказ своим миноносцам внезапно атаковать русскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде крепости Порт-Артур. Так началась Русско-японская война 1904–1905 гг.

Потерпев поражение в ходе Русско-японской войны, Россия не имела возможности помешать осуществлению аннексионистских планов Японии и была вынуждена примириться с потерей последних остатков независимости и суверенитета корейского государства.

Население Кореи в основной своей массе сочувствовало России, надеясь, что она одолеет в войне Японию и избавит от нее Корею. Выступления России против агрессивных устремлений японской военщины в отношении Кореи вызывали симпатии и со стороны корейских патриотических сил. Участники освободительного движения, охватившего после японо-китайской войны самые различные слои населения, – от конфуцианских ученых, недовольных наступлением колонизаторов на национальные традиции, и разорившихся дворян, – до крестьян и ремесленников, имели в целом верное представление о политике России в Корее. Их настроение хорошо выразил кунсу г. Ыйджу в беседе с русским писате-

лем-гуманистом, путешественником Н.Г. Гариным-Михайловским в 1898 г.: «Имя русского в Корее священо. Слишком много для нас сделала Россия и слишком великодушна она, чтобы мы не ценили этого. Русский – самый дорогой наш гость. Мы между двумя пастями: с одной стороны – Япония, с другой – Китай. Если нас ни та, ни другая пасти не проглатывают, то, конечно, благодаря только России»¹.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что Россия сейчас, как и в конце XIX в., выступает за расширение добрососедских отношений с корейскими государствами, мир и стабильность в регионе и мирное урегулирование на Корейском полуострове.

Б.Б. Пак

¹ Н.Г. Гарин. Из дневников кругосветного путешествия. (По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову). М., 1949. С. 256.

FOREWORD

This collection consists of the articles dedicated to Russian-Korean relations at the end of the 19th – 20th centuries, mainly to people who represented Russia's interests in this region. The heroes of this collection are the Russian diplomats, travelers, military instructors, Orthodox missionaries – people with whose assistance the traditions of good-neighborliness and cooperation were laid, which had a huge impact on education, military affairs, architecture of Korea, its acquaintance with European culture, who have done so much to bring closer and strengthen the ties between the two peoples. The collection highlights various aspects of their interaction – economic, social, military-political, spiritual, their vision of the Korean problem.

The history of Russian-Korean relations has the long roots. Since the beginning of the 60-s XIX century, when Russia and Korea acquired a common border along the lower reaches of the Tumangan River, the Russian government pursued a policy aimed at maintaining friendly, good-neighborly relations with Korea. This was in the interests of Russia's national security and, at the same time, contributed to ensuring peace and stability in the region. The leitmotif of Russia's policy towards Korea was due to a number of objective reasons (military and financial and economic weakness in the Far East, huge costs for the economic development of Far Eastern possessions, abstraction for other foreign policy goals, etc.) the struggle to maintain the status quo on the Korean Peninsula, the desire to prevent the seizure of Korea by powers hostile to Russia and its transformation into a base for an attack on the Russian Far Eastern periphery. At the same time, the Korean northern regions, which could be used by other powers for purposes hostile to Russia, were the subject of special concern of Russian politics up to the annexation

of Korea by Japan. An examination of the history of Russian-Korean relations in the last years of the XIX – early XX centuries allows us to trace the main stages of the process of a gradual rising of the role and place of Korea in the foreign policy of Russia in the Far East, the activities of Russian diplomats to neutralize the policy of aggressive powers in Korea and preserve independence of the Korean state.

Russian diplomacy saw its main task in maintaining the independent status quo in Korea. The establishment of the Russian control over Korea was not part of its intentions. In diplomatic circles of Russia, there were no plans for territorial claims to Korea, including the acquisition of an ice-free port there.

The year of Kojong's stay in the Russian mission is the time of the maximum upsurge in Russian-Korean relations. Japan had to sign agreements in 1896 that equalized it in economic and political rights in Korea with Russia, withdraw most of its troops from Korea and thus end the occupation regime that remained there after the Sino-Japanese war. Russian diplomats became Kojong's closest advisers. A financial advisor and military instructors arrived from Russia at the request of the Korean government, and the Russian merchants and entrepreneurs received the additional opportunities to operate in Korea. Thanks to the efforts of the Russian military instructors, the battalion of the palace guard was trained, which ensured the safety of the Kojong in the palace. After the instructors were recalled, the Korean officers were already able to conduct battalion exercises on their own.

An article by Bella B. Pak (Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences) «The contribution of Karl I. Waeber in strengthening the independence of Korea and enhancement of the Russian-Korean cooperation during Kojong's stay in the Russian mission», which opens the collection, is dedicated to the actions of the first Russian diplomatic representative in Seoul, K.I. Waeber, aimed at neutraliz-

ing the encroachments of Japan, China and the other powers on Korean sovereignty, establishing the closest friendly relations between Russia and Korea, which were most developed during Kojong's stay in the Russian diplomatic mission (from January 30th, 1896 to February 8th 1897).

Korea was visited by the several Russian expeditions organized by the officers of the General Staff and the Russian Geographical Society. The travel diaries, essays and memoirs left by the Russian travelers laid the foundation for a systematic scientific acquaintance with the country and its intensive study in various fields.

An important step in the development of spiritual and cultural ties with the Korean people was the opening of the Russian Orthodox Mission in Seoul. The founder of the Orthodox mission in Korea, an Archimandrite Khrysanth, did a tremendous amount of work to organize schools and start translating liturgical texts. The first Orthodox church in Korea was erected, consecrated in 1903.

In the collection offered to the reader's attention, the materials of the article are presented on the contribution of the Russian military researchers, the travelers to the study of the country, the organization of expeditions, the military's role in the training of Korean troops, Orthodox priests – members of the Russian Spiritual Mission in Seoul in the spread of Orthodoxy in Korea.

An article by Roman S. Avilov (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB Russian Academy of Sciences) «Through Korea to Port Arthur: the military research expedition of Lieutenant Colonel V.A. Oranovsky in 1898–1899» tells about the one of such expeditions to Korea. Thanks to him, in June 2017, the unique materials of the Russian reconnaissance expedition to Korea and Manchuria in 1898–1899 were found in the Manuscript department of the Russian State Library. The expedition was conducted under the command of Lieutenant Colonel V.A. Oranovsky.

An article by Alexandra V. Ruchkina «The first projects of Training the Korean Army by Russian Military Instructors» describes the initial stage of military cooperation at the end of the XIX century between Russia and Korea, namely the first Russian training projects for the Korean army. A detailed analysis of unapproved but partially implemented projects of sending Russian military instructors to Korea was conducted. For the first time, attention was paid to the plan of V.P. Karneev.

Alexander V. Pak (Institute of Oriental Studies, of the Russian Academy of Sciences)'s article «The religious factor in Russian-Korean relations in the late 19th – early 20th centuries» highlights the special aspects of the activities of the Russian Orthodox Mission in Seoul in the late 19th – early 20th centuries.

In the article by Svetlana K. Koltunova (Higher School of Economics in St. Petersburg) «The Russian Orthodox Mission in Korea and Russia's Policy in the Far East (1897–1917)» examines the activities of the mission, inscribed in the general geopolitical context of the noted period and is described in the context of the influence on Russian foreign policy in the Far East and relations with Korea and other countries of the region.

Since the end of the XIX century Russia's interests in Korea clashed with the interests of other imperialist powers, primarily Japan, which relied on the support of the United States and Great Britain. In this situation, The Tsarist Russia, striving to preserve its economic and political positions on the Korean Peninsula, resisted the aggressive aspirations of Japan and, up to the Russo-Japanese war 1904–1905, was the main foreign policy obstacle on the path of Japanese aggression.

Thoroughly ousted by Japan, it nevertheless continued to significantly influence Korea. The Emperor of Korea and his closest entourage and many people in all strata of society retained faith in Russia's ability to resist the aggressive plans of Japan.

The growth of tension in the Far East was facilitated by some ill-considered steps of the rulers of Russia, taken at the insistence of an influential high-ranking group headed by State Secretary A.M. Bezobrazov, in order to expand and strengthen Russia's position in this region by means of intensive exploitation of natural resources of Manchuria and North Korea. The plans of Russia, as before, did not include subjugation of Korea in any form. At the most, it could be about the intention to squeeze Japan in the Korean economy, prevent her from seizing Korea and turning it into a springboard for further aggression on the Asian continent, primarily against Russia and its interests in Manchuria. Subsequent events showed that for this it did not have sufficient economic and military potential.

An article by Igor V. Lukoyanov «Briner's concession as the mirror of Korean policy of Russia in the end of XIX century» deals with the history of the receipt by the Vladivostok merchant Yu.I. Briner a forestry concession on the Korean bank of the Yalu River. The concession and its further fate were closely intertwined with Russian-Korean relations and Russian policy in the region. If its provision was associated with an attempt by the Kojong to attract Russian entrepreneurs to Korea in 1896–1897, then later the fate of the enterprise reflected the change in Russian policy in Korea. Ultimately, it became the pretext for the formation of an influential unofficial group, named after the name of its leader, «Bezobrazovtsy», which, with its aggressive actions, contributed to the start of the Russo-Japanese War of 1904–1905.

In early 20th century Russia is still making attempts at economic expansion in Korea. Since mid-1903, a series of negotiations took place between Russia and Japan, during which Russia was forced to make concessions to Japan in Korean affairs in order to avoid a military clash. Japan, feeling its military superiority and support from abroad, deliberately put forward demands that were unacceptable to Russia.

In particular, they insisted on giving her not only full freedom of action in Korea, but also equal rights with Russia in Manchuria. The position of Russia excluded Manchuria from the sphere of interests of Japan assumed that both sides would refuse to use Korea for strategic purposes and declare its territory to the North of the 39th parallel as a neutral zone, presenting Japan with the opportunity to give «advice» to the Korean government, only on the issues of improving civil administration, to send troops to Korea only with the consent of Russia.

In the article by Bella B. Pak (Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences) «Russian-Japanese negotiations on Korean affairs in 1902–October 1903» the still insufficiently studied course of Russian-Japanese negotiations on Korean issues is most fully traced. On the basis of unpublished archival documents stored in the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, the position of the Russian Foreign Ministry and diplomats in Seoul and Tokyo on the Korean issue, Japanese and Russian draft agreements are presented.

Despite all possible concessions from Russia, Japan successfully manage to achieve the breakdown in negotiations and announced the severance of diplomatic relations with Russia. The Japanese government, without notifying the Russian government that «the rupture of diplomatic relations marks the opening of military operations», ordered its destroyers to suddenly attack the Russian squadron stationed on the outer roadstead of the Port Arthur fortress. This is how the Russo-Japanese War of 1904–1905 began.

Having suffered defeat during the Russo-Japanese War, Russia did not have the opportunity to interfere with the implementation of Japan's annexationist plans and was forced to come to terms with the loss of the last remnants of the independence and sovereignty of the Korean state.

The people of Korea for the most part sympathized with Russia, hoping that it would defeat Japan in the war and rid

Korea of it. Russia's actions against the aggressive aspirations of the Japanese military towards Korea aroused sympathy on the part of the Korean patriotic forces. participants in the liberation movement, which engulfed the most diverse strata of the population after the Japanese-Chinese war, from Confucian scholars, dissatisfied with the colonialist attack on national traditions, and ruined nobles, to peasants and artisans, had a generally correct idea of Russia's policy in Korea. Their mood was well expressed by Uiju's Kunsu in a conversation with the Russian humanist writer and traveler N.G. Garin-Mikhailovsky in 1898: «The name of the Russian is sacred in Korea. Russia has done too much for us and she is too generous for us not to appreciate it. Russian is our dearest guest. We are between two jaws: on the one hand – Japan, on the other – China. If neither one nor the other is swallowing us, then, of course, thanks only to Russia».

In conclusion, I would like to emphasize that Russia now, as well as at the end of the 19th century advocates the expansion of good-neighborly relations with the Korean states, peace and stability in the region and a peaceful settlement on the Korean peninsula.

Bella B. Pak

Б. Б. Пак

ВКЛАД К. И. ВЕБЕРА В УПРОЧЕНИЕ
НЕЗАВИСИМОСТИ КОРЕИ И УКРЕПЛЕНИЕ
РОССИЙСКО-КОРЕЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
В ПЕРИОД ПРЕБЫВАНИЯ КОДЖОНА
В РУССКОЙ МИССИИ

Bella B. Pak

KARL I. WAEBER'S CONTRIBUTION
IN THE STRENGTHENING OF KOREA'S INDEPENDENCE
AND ENHANCEMENT OF RUSSO-KOREAN
COOPERATION DURING KOJONG'S SOJOURN
IN THE RUSSIAN MISSION

Аннотация. В статье анализируются действия первого российского дипломатического представителя в Сеуле К.И. Вебера, направленные на нейтрализацию посягательств Японии, Китая и других держав на корейский суверенитет, установление самых тесных дружеских отношений между Россией и Кореей, получивших наибольшее развитие в период пребывания Коджона в русской дипломатической миссии (с 30 января 1896 г. по 8 февраля 1897 г.), где он нашел спасение от угрозы лишения трона и непосредственно его жизни со стороны японцев. Находясь в стенах русской миссии, Коджон более года управлял оттуда страной, что представляло собой небывалый случай в мировой истории. Эти 375 дней пребывания корейского монарха на «русской территории Сеула» ознаменовались также наивысшим подъемом в российско-корейских отношениях как в области политики и экономики, так и культурных связей.

Ключевые слова: К.И. Вебер, суверенитет Кореи, российско-корейские отношения, русская дипломатическая миссия, Коджон, японская агрессия, стабилизация, займ, русские инструктора, охранный отряд короля

Abstract. The article analyzes the actions of the first Russian diplomatic representative in Seoul K.I. Weber, aimed at neutralizing the encroachments of Japan, China and other powers on Korean sovereignty, establishing the closest friendly relations between Russia and Korea, which were most developed during Kojong's stay in the Russian diplomatic mission (from January 30, 1896 to February 8, 1897), where he found salvation from the threat of being deprived of the throne and directly from his life by the Japanese. Being within the walls of the Russian mission, Kojon ruled the country from there for more than a year, which was an unprecedented event in world history. These 375 days of the stay of the Korean monarch on the «Russian territory of Seoul» were also marked by the highest upsurge in Russian-Korean relations, both in the field of politics and economy, and cultural ties.

Key words: K.I. Waeber, Korean sovereignty, Russian-Korean relations, Russian diplomatic mission, Kojong, Japanese aggression, stabilization, loan, Russian instructors, the king's security detachment

2 февраля 1896 г. корейский ван Коджон, находившийся фактически на положении пленника, над которым явно нависала угроза физического устранения во дворце японцами, обратился к российскому поверенному в делах о своем желании искать защиты в стенах русской миссии. Вебер, убежденный в том, что для короля не было другого выхода, согласился на это. 11 февраля 1896 г., обманув бдительную дворцовую охрану, ван Коджон вместе с наследником прибыл в русскую миссию, где пробыл до 20 февраля 1897 г.¹ Главную оценку того, что произошло тогда дали сами корейцы, достаточно много документальных подтверждений того, что бегство вана в российскую миссию было с воодушевлением воспринято корейцами². Они были уверены, что, предоставляя убежище королю, Россия освобождала его из-под гнета Японии и давала возможность при-

¹ О роли К.И. Вебера в этом уникальном событии см.: Пак Б.Б. Российский дипломат К.И. Вебер и Корея. М.: ИВ РАН, 2013. С. 211–237.

² См: Пак Б.Д. Россия и Корея. М., 1979. С. 127.

ступить к организации государственного управления страной. Подобное настроение, царившее в Корее, нашло отражение на страницах корейской печати. Журнал «Korean Repository» писал, что переезд Коджона в русскую миссию стал проявлением желания России «видеть короля совершенно свободным в управлении делами, относящимися к его королевству, введении реформ с помощью министров, набранных им самим»³.

Одно из несчастий того периода в истории Кореи было в том, что правящие верхи не имели опоры в обществе и искали ее только во внешних силах.

Вебер понимал, что своим вмешательством он рисковал вызвать осложнение, но пошел на этот риск, полагая, что положение дел здесь не позволяет отказаться от активной роли, если Россия не желает совершенно уступить Корею Японии. В телеграмме А.Б. Лобанову-Ростовскому 14 января Вебер и Шпейер изложили план свержения правительства министров-изменников и восстановления власти вана Коджона: «Решение корейского вопроса одними переговорами невероятно. Япония не прогонит нынешних министров и отца короля, так как это равносильно отречению от Кореи. Мы добьемся этого, только имея в Сеуле отряд войск, равный японскому»⁴.

События 1896 г. явились «мирным переворотом», в результате которого пал контролируемый японцами кабинет Ким Хонджипа, было образовано новое правительство из сторонников русской ориентации. Влияние Японии и непосредственная опасность ликвидации независимости корейского государства были ослаблены. Это была настоящая победа российской дипломатии. Что касается вана

³ См.: McCune G. Russian Policy in Korea: 1895–1898 // Far Eastern Surveys. Vol. XIV, No 19, 1945. P. 274.

⁴ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 5. Л. 69–70. Цит. по: Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. 1888–1897. Книга вторая. С. 168–169.

Коджона и поддерживавших его сановников, то прибегнув к покровительству России, они избавились от опеки со стороны Японии, вернулись к власти и начали расправу со своими политическими противниками. Для достижения этих целей Коджон и сторонники погибшей королевы использовали царившую в стране всеобщую ненависть к японцам и их ставленникам. Новое правительство прекратило переговоры с Японией о предоставлении займа и уволило японских военных инструкторов.

Находясь в стенах русской миссии, Коджон более года управлял оттуда страной, что представляло собой небывалый случай в мировой истории. Эти 375 дней пребывания корейского монарха на «русской территории Сеула» ознаменовались также наивысшим подъемом в российско-корейских отношениях как в области политики и экономики, так и культурных связей.

С переездом вана Коджона в здание русской миссии, а затем размещением там же и кабинета министров в Корее возникла совершенно новая политическая ситуация. Отныне всё, что совершалось в стране, происходило под покровительством России⁵.

А.Н. Шпейер и К.И. Вебер верно оценили сложившееся положение и вели себя сдержанно. Однако на пути дальнейшего укрепления позиций в Корее Россию ожидало и немало трудностей. Прежде всего, нельзя было не учитывать того, что японское правительство и иностранные державы будут всячески стремиться не допустить безраздельного господства России на Корейском полуострове; что любые попытки установления Россией протектората в Корее встретят противодействие со стороны Японии, к военному столкновению с которой до окончания строительства Сибирской железной дороги Россия была

⁵ К.И. Вебер. Записка о Корее до 1898-го года и после»// АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 14. Л. 123–140 (Впервые введена в научный оборот Б.Д. Паком в книге «Россия и Корея» (М., 1979. С. 127, 140)).

не готова. В условиях нахождения вана в русской миссии со стороны российских дипломатов требовались недюжинный такт, щепетильность и самообладание, чтобы, оказывая влияние, воздерживаться от любых проявлений вмешательства в корейские дела, не ограничивая ни в чем независимость Коджона. Будучи близким другом короля Коджона, Вебер играл важную роль в установлении самых теплых и доверительных отношений между российским и корейским монархическими домами.

Пребывание вана Коджона и его правительства в русской миссии поставило Россию перед непростым выбором: либо воспользоваться создавшимся в Корее положением и принять ее под свое покровительство, без оглядки на Японию, решившись в этом случае на обострение конфликта, в первую очередь с Японией, либо отказаться от активной политики в Корее и постараться урегулировать корейский вопрос мирным соглашением с Японией, не отказываясь от сохранения позиций и влияния в Корее. Несмотря на поступившие от корейского вана просьбы об установлении фактического протектората России над Кореей, царская дипломатия, не отказываясь от сохранения и дальнейшего укрепления позиций России в Корее, предпочитала хотя бы ценой известных уступок достигнуть соглашения с Японией по корейскому вопросу. При этом необходимо учитывать, что именно в это время интересы России на Дальнем Востоке все более и более сосредотачивались в Китае. Последнее не могло не вызвать спада активности русской политики в Корее.

В первый же день пребывания в стенах русской миссии ван Коджон осуществил ряд мер, которые призваны были стабилизировать политическое и экономическое положение страны, тем самым успокоив население. Он сформировал новое правительство, куда вошли исключительно анти-японски настроенные либеральные и прогрессивные дея-

тели: Ли Джесун – министр Двора, Ким Бёнси – первый министр, Пак Чонъян – министр внутренних дел, Чон Бён-джик – министр юстиции, Ли Ванъён – министр иностранных дел, Юн Ёнхо – управляющий министерством народного образования, Ко Ёнхы – управляющий министерством торговли и земледелия, Юн Ёнгу – министр финансов, Ан Кёнсу – начальник полиции, Ли Юньён – военный министр. В последующие дни ван Коджон издал еще ряд обращений к народу и войску, чтобы расположить их к себе. Кроме того, он устроил на территории русской миссии смотр корейских войск и чинов сеульской полиции, во время которого солдатам были вручены денежные награды. Он также принял меры к тому, чтобы обещанное в королевском объявлении 30 января освобождение народа от накопившихся по 1 июля 1894 г. недоимок было осуществлено, освободил заключенных и сосланных министрами-изменниками. Коджон приказал вернуть в Сеул войска, направленные прежним правительством против участников патриотического движения и отрядов Ыйбён. Кроме того, в первые же дни после свержения кабинета министров-заговорщиков по приказанию вана было начато расследование убийства Мин Мёнсон 26 сентября 1895 г. Дело в том, что прежний кабинет министров во главе с Ким Хонджином (под негласным руководством японской миссии в Сеуле) в свое время произвел уже судебное следствие по этому вопиющему делу, причем судом были приговорены к смертной казни три корейца: один за то, что, переодевшись в японское платье, ворвался с заговорщиками во дворец и там собственноручно убил будто бы супругу Коджона, другой за то, что, по-видимому, предводительствовал ворвавшимися во дворец заговорщиками и третий, наконец, только за то, что осмелился прикоснуться к останкам Мин Мёнсон и похоронил их.

Добытые в ходе судебных расследований материалы полностью защищали японцев от предъявленных им обви-

нений в убийстве, но как только постановление суда было обнародовано, оно вызвало взрыв негодования по всей стране. Поэтому ван Коджон считал своей обязанностью вновь безотлагательно расследовать все происходившее во дворце утром 26 сентября. Новое следствие завершилось в марте 1896 г. Оно установило неопровержимое участие японцев в убийстве королевы. Корейское правительство опубликовало официальный отчет о следствии в журнале «Korean Repository»⁶.

Особую остроту в связи с побегом Коджона из своего дворца приобретал вопрос о сроке его пребывания в русской миссии. Вебер и Шпейер прекрасно понимали, что длительное пребывание вана в иностранной миссии вызовет недовольство со стороны корейцев, которые обвинят своего властелина в пренебрежении интересами своей страны и ее подданных. Поэтому сразу же после формирования нового правительства они дали понять Коджону о желательности скорейшего его возвращения в свой дворец. Корейский ван соглашался с Вебером и Шпейером, но заявлял, что, опасаясь вероломства японцев, он пока оставить миссию не может и просит их ходатайствовать перед своим правительством о назначении в Корею русского главным советником правительства и об отправке в Корею русских военных инструкторов⁷. В середине февраля новое корейское правительство начало предпринимать меры по прекращению Кореей финансовой зависимости от Японии. С этой целью оно предписало корейскому посланнику в Токио приостановить начатые прежним кабинетом переговоры о получении у Японии займа в 5 млн долл. Новое правительство не могло согласиться

⁶ См.: Пак Б.Б. Российский дипломат К.И. Вебер и Корея. М.: ИВ РАН, 2013. С. 233–234.

⁷ Донесение Поверенного в делах в Сеуле А. Шпейера министру иностранных дел А.Б. Лобанову-Ростовскому. Сеул, 7-го февраля 1896 г. № 12 //АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 5. Л.45–46.

на те условия займа, которые были признаны возможными прежним японофильским правительством.

Ван Коджон решил не покидать русскую миссию, пока не получит от русского правительства положительного ответа на его просьбы о помощи. Эти просьбы были изложены им 2 февраля 1896 г. Веберу и Шпейеру, которых он пригласил к себе:

«Сознавая безусловную для себя необходимость руководствоваться во всех важных государственных делах советами и указаниями одной России, Его Величество желал бы, чтобы Императорское Правительство вверило роль руководителя и наставника корейских министров какому-нибудь доверенному лицу, которое в качестве главного советника кабинета присутствовало бы при всех его заседаниях и направляло бы деятельность корейских сановников на пути справедливости и разумного прогресса. Особенно драгоценны будут для неопытного корейского правительства указания вашего советника в области финансовой политики, стоящей ныне в стране на совершенно ложных основаниях.

Не менее важна и необходима для Кореи и правильная организация военного дела. Его Величество желал бы организовать у себя надежный и хорошо обученный корпус войск численностью на первое время до 3 тысяч человек... для того, чтобы обезопасить страну как от внутренних неурядиц, так и от внешних посягательств на ее независимость.

Король был бы счастлив, если бы Россия взяла на себя хлопоты по устройству военного дела в Корее, наше согласие позволило бы ему безбоязненно взирать на будущее и дало бы ему возможность под охраною создаваемого нами войска всецело посвятить себя развитию богатых ресурсов страны»⁸.

⁸ Пак Б. Б. Российская дипломатия и Корея. 1888–1897. Книга вторая. С. 176.

Следуя советам представителя в Токио, министр иностранных дел А.Б. Лобанов-Ростовский телеграммой от 6 февраля дал Шпейеру указание «воздержаться от всякого повода к столкновению с Японией, продолжая покровительствовать корейскому королю и заботиться о его безопасности»⁹. А телеграммой от 12 февраля передал ему, что русское правительство готово «преподать советы Королю, но ввиду настоящего тревожного положения вещей находит преждевременным возбуждать вопрос об официальном советнике и военных инструкторах»¹⁰. Таким образом, министерство иностранных дел России, не отказываясь от сохранения и дальнейшего укрепления позиций России в Корее, но опасаясь осложнений в отношениях с ней, стало склоняться к мирному соглашению с Японией по корейскому вопросу. С таким решением Вебер и Шпейер не были согласны и продолжали отстаивать свою точку зрения о необходимости проведения в Корее активной политики.

В это же время интенсивно велось благоустройство помещений на территории русской миссии для вана Коджона и нового корейского правительства. Любопытное описание своеобразного «нового королевского дворца» на территории русской миссии в Сеуле оставил секретарь миссии Е.Ф. Штейн: «Король занимал в миссии две прекрасные высокие комнаты, снабженные такою обстановкою и такими удобствами, которые он, конечно, никогда не имел и не будет иметь в своем дворце. Рядом был выстроен большой барак под королевскую кухню, а двор миссии весьма застроен корейскими домами самых разнообразных фасонов, в которых были канцелярии главных министров. Тут

⁹ Телеграмма министра иностранных дел А.Б. Лобанова-Ростовского российскому Поверенному в делах в Сеуле А. Шпейеру от 6 февраля 1896 г. // АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 5. Л. 87.

¹⁰ Телеграмма министра иностранных дел Лобанова-Ростовского Поверенному в делах в Сеуле Шпейеру от 12 февраля 1896 г. // Там же. Л. 8.

министры ожидали своей очереди для докладов и тут же велись текущие дела. Незадолго до переезда короля к нему даже был проведен телефон от министерств двора и военного, с которыми он мог сноситься в любой момент. Сонм придворных лиц, евнухов и гаремных дам наполнили миссию, ожидая приказа своего властелина. Десантный отряд – 80 человек – охранял неприкосновенность высокого гостя, из своего окна он ежедневно мог видеть образцовое строевое учение наших храбрых моряков, на площади перед главным входом красовалась пушка; караульные посты расставлены были вдоль всей ограды миссии. Что больше мог желать несчастный король?»¹¹.

После отъезда в Токио А.Н. Шпейера для принятия дел в русской миссии от уезжающего в отпуск М.А. Хитрово К.И. Вебер с февраля 1896 г., уже в звании Чрезвычайного Посланника и Полномочного министра¹², принял управление миссией в Сеуле. Он продолжал ставить перед министерством иностранных дел вопрос о «прочном утверждении и обеспечении» за Россией «законной доли участия в судьбах Кореи». Особенно решительно Вебер ставил этот вопрос в донесении от 21 февраля 1896 г. А.Б. Лобанову-Ростовскому:

«Крайнее раздражение и ненависть всего народа к японцам давно уже грозили стране опасностью самых серьезных волнений. После 26-го сентября, когда японцам удалось составить кабинет из своих клеветников, запятнанных изменой, убийством и открытой враждой к Королю, положение еще более обострилось, и незадолго до переворота 30 января достигло высшего напряжения по поводу указа о срезании волос... Печальное дело японцев, по-видимому,

¹¹ Выписка из частного письма состоящего при миссии в Сеуле Штейна. Сеул, 20-го февраля 1897 г. // АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 7. Л. 32–33. Цит. по: Пак Б. Б. Российская дипломатия и Корея. 1888–1897. Книга вторая. С. 173–174.

¹² Осенью 1895 г. К.И. Вебер получил звание Чрезвычайного Посланника и Полномочного министра в Мексике; Ку Хангук *вегё мунсо* (舊韓國外交文書: Сборник дипломатических документов старой Кореи). Т. 17. Часть 1. Сеул, 1964. С. 361.

рушится с бóльшим успехом, чем ожидалось... Японский сеттльмент приведен в осадное положение; ...японские войска отовсюду стянуты для наблюдения за порядком из портов, многие японцы высылают свои семьи на родину... Имея на своей совести бесконечный ряд неблагоприятных интриг, вдруг получивших мировую огласку, Японское Правительство, как будто...уже отрекается от своего прежнего исключительного задора и как бы, негласно признает за нами (Россией. – Б.П.) права если не всецело, то хотя совместно с нами урегулировать корейский вопрос. Таким образом, само собою создается ныне для России положение, о котором вряд ли когда-либо мы и думать могли.

Не возбуждая ничьей подозрительности и не увлекаясь излишней торопливостью в изгнании отсюда всех не русских или в навязывании одних наших наставников, советников и проч., мы можем прочно утвердить и обеспечить за собою законную долю участия в судьбах Кореи. И первый вопрос, который представляется нам сейчас же с фатальной неизбежностью, это – вопрос о материальной поддержке Кореи. Страна разорена. Восстание тунхаков, японо-китайская война, анархия, внутренние смуты и, наконец, открытые грабительства нахлынувших сюда японских торговцев – все это истощило народ до крайности. Доходы в государственную казну поступают... очень скудно... Отдаться высокодружественной Японии, конечно, было бы и скоро и легко. Но за услугой японцев встают гарантии, проценты, оккупация, концессии, права разных дельцов и тех самых цивилизаторов, которые так быстро довели страну до столь угрожающего разорения и административного упадка.

Король прекрасно сознает все опасности вторичного подпадения под ферулу¹³ японцев и в этом именно следует видеть объяснение его неоднократных и неотступ-

¹³ Розга, хлыст.

ных просьб о покровительствах. Не подлежит сомнению, что дав ему убежище в миссии и тем самым ... сбросить наконец то рабство, в котором его держали изменники-министры, Россия доказала всей стране, что относится к ней небезучастно»¹⁴.

Это донесение Вебера подверглось обсуждению в военном министерстве. 5 апреля 1896 г. было созвано совещание под председательством начальника Главного штаба В.А. Обручева. Принципиально не возражая против отправления в Корею русских военных инструкторов, окончательное решение этого вопроса совещание при определенных условиях отложило на будущее. Что касается формирования охранного батальона для обеспечения личной безопасности короля, то этот вопрос был решен.

Для урегулирования наиболее острых вопросов, возникших в связи с переходом вана Коджона в русскую миссию, были начаты переговоры К.И. Вебера с японским представителем в Сеуле Д. Комурой. Приступая к переговорам, японское правительство стремилось уменьшить возросшее в результате перехода корейского вана в русскую миссию влияние России и, кроме того, восстановить свое утраченное положение: вернуть вана Коджона в свой дворец, реорганизовать созданное им новое правительство и сохранить жизнь японских ставленников, замешанных в организации заговора против Мин Мёнсон. В то же время в японских предложениях вначале намеренно замалчивался вопрос о пребывании японских войск в Корее, а позднее внесено добавление о необходимости содержать японские войска в Корее для охраны телеграфной линии Пусан – Сеул. Россия в свою очередь желала удерживать завоеванные позиции и заставить Японию отказаться от особых прав в Корее.

¹⁴ Донесение К. И. Вебера князю А. Б. Лобанову-Ростовскому. Сеул, 21-го февраля 1896 г. // АВПРИ. Ф. «Миссия в Сеуле». Оп. 768. Д. 365. Л. 42–45.

К.И. Вебер занял непримиримую позицию в отношении предложений, изложенных в меморандуме японским представителем. Он считал, что согласие на возвращение корейского короля (не считаясь с его волей), смена состава правительства и узаконенное пребывание японских войск на корейской территории неизбежно приведет к изменению соотношения сил в пользу Японии. В ответном меморандуме, переданном Комуре Дзютаро 1 апреля 1896 г., Вебер напомнил японскому представителю, что бегство корейского короля из своего дворца было следствием узурпации его власти кабинетом министров-изменников, в состав которого входили виновники убийства королевы. Поэтому главным условием возвращения короля во дворец К.И. Вебер называл обеспечение его безопасности и предлагал указать, что решение вопроса о возвращении предоставляется на усмотрение самого короля, который может принять такое решение, «как только будет уверенность, что его безопасность там будет обеспечена». Со своей стороны, Вебер соглашался дать королю совет о возвращении в свой дворец лишь по выполнении последнего условия¹⁵. Относительно пункта предложений Комуры, который настаивал на замене министров прорусской ориентации, пришедших к власти в результате событий 30 января, новыми «умеренными» лицами, что, несомненно, подрывало бы влияние России Вебер предложил ограничиться утверждением, что члены корейского правительства были назначены королем из числа лиц, известных своими либеральными и прогрессивными взглядами. Кроме того, они неоднократно являлись членами правительства и раньше. В вопросе о телеграфной линии Вебер считал, что принятие предложения Комуры Дзютаро означало бы признание со стороны России права Японии на сохранение линии

¹⁵ Ответный меморандум Вебера // АВПРИ. Ф. «Миссия в Сеуле». Оп. 768. Д. 81. Л. 35–37.

за собой. Поэтому в своем ответном меморандуме он поднимал вопрос о продаже японским правительством этой телеграфной линии или полном ее уничтожении, называя сохранение японским правительством телеграфных линий в независимой стране ненормальным¹⁶. Реакция со стороны японского правительства последовала незамедлительно. 19 апреля 1896 г. Шпейер телеграфировал Лобанову-Ростовскому, что Муцу Мунэмицу жалуется на «несговорчивость Вебера в самых незначительных вопросах»¹⁷. Несмотря на сделанную Николаем II помету на телеграмме Шпейера «Не беда», Лобанов-Ростовский дал указание Веберу «вести переговоры в Сеуле в самом дружеском смысле», сносясь все время с русской миссией в Токио, так как «это необходимо для избежания весьма нежелательных в настоящее время осложнений»¹⁸.

2 мая между К.И. Вебером и Комурой Дзютаро был подписан русско-японский Сеульский меморандум¹⁹. Окончательный текст меморандума значительно отличался от проекта соглашения, который 10 марта был предложен Комурой Дзютаро К.И. Веберу в качестве основы. Японский представитель отступил почти по всем пунктам. К.И. Веберу же удалось добиться признания Японией сложившегося в Корее после перехода в русскую миссию вана Коджона порядка в Корее. Япония вынуждена была признать также преобладающее влияние России в Корее, ибо она согласилась предоставить Коджону «по собственному усмотрению» решение вопроса о его возвращении в свой дворец, а министров нового правительства считать назначенными по «собствен-

¹⁶ См.: Текст предложений Вебера. Приложение к донесению Шпейера князю А. Б. Лобанову-Ростовскому от 11 апреля 1896 г. // АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 901. Л. 107–108.

¹⁷ Телеграмма Шпейера Лобанову-Ростовскому от 19 апреля 1896 г. // Там же. Л. 15.

¹⁸ Телеграмма А. Б. Лобанова-Ростовского Веберу от 21 апреля 1896 г. // Там же. Л. 15.

¹⁹ Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1892–1905 г. СПб., 1906. С. 146–148.

ному выбору Его Величества». Большой заслугой Вебера стало и признание за Россией права содержать в Корее вооруженную охрану в равном количестве с Японией и в тех же местах, где Япония содержала свои воинские гарнизоны.

Однако меморандум Вебера и Комуры носил все же компромиссный характер, так как Япония сохранила за собой некоторые преимущества в Корее, которые она имела до 30 января 1896 г. Статьей III Комура Дзютаро добился официального согласия на пребывание в Корее японских войск и отряда жандармерии для охраны японских поселений и телеграфной линии. Выдвинутое Вебером предложение об уступке японским правительством Кореи телеграфной линии Сеул – Пусан было отвергнуто.

С именем К.И. Вебера связаны многие важные инициативы русской дипломатии в установлении добрососедских отношений России с Кореей. К числу последних следует отнести: поездку специального корейского посольства в Западную Европу и Россию для участия в коронационных торжествах 1896 г. и для переговоров об отправке в Сеул русских военных инструкторов для обучения корейских вооруженных подразделений и, в особенности охранного отряда короля, предоставлении Россией займа для погашения Кореей японского займа и соединении телеграфных линий между Россией и Кореей, кроме того, увеличение штата русской миссии, назначение вице-консула и военного агента и приезд в Сеул чиновника министерства финансов Д.Д. Покотилова и последующее открытие правлением филиала Русско-китайского банка в Корее, создание в Сеуле русской школы.

Корейское правительство получило из Петербурга официальное приглашение на коронационные торжества по случаю восшествия на престол императора Николая II вскоре после перехода вана Коджона в русскую миссию. К.И. Вебер принял непосредственное участие в подготовке корейского

посольства в Россию, члены посольства подбирались Коджонном либо по рекомендации Вебера, либо с его согласия из лиц, расположенных к России. 20 марта 1896 г., К.И. Вебер телеграфировал в Петербург: «Сегодня выступило Корейское Посольство, состоящее из Чрезвычайного Посланника Мин-юн-г-хуана, Советника Юн-чи-хо, Секретаря, Драгомана. Всего [из] четырех человек, кроме Штейна. Едут через Америку, надеясь прибыть в Москву восьмого мая. Прошу оказать содействие на границе и приготовить квартиру в Москве»²⁰. Посольство это должно было убедить правительство России в необходимости для Кореи русской помощи.

Прибыв в Москву, корейское посольство приняло участие в коронационных торжествах, а затем отправилось в Петербург для переговоров с русским правительством, которые начались 5 июня. В первый же день переговоров с министром иностранных дел Мин Ёнхван вручил ему Памятную записку, к которой были приложены пять пунктов с просьбами корейского правительства к России:

1. Охранять короля русскими силами вплоть до создания подготовленной корейской армии.
2. Прислать достаточное число инструкторов для обучения войск и полиции.
3. Прислать трех советников для Министерства Двора, для кабинета министров и по руководству промышленными и железнодорожными предприятиями.
4. Предоставить заем в 3 млн иен.
5. Установить телеграфную связь между Кореей и Россией²¹.

В ходе переговоров в Петербурге А.Б. Лобанов-Ростовский передал корейскому посольству ответные пункты на предъявленные им ходатайства. Из этого документа можно

²⁰ Телеграмма д. с. с. Вебера. Сеул, 20-го марта 1896 г. // АВПРИ. Ф. «Китайский стол». Оп. 491. Д. 3258. Л. 125.

²¹ Меморандум Мин Юнг Хуана от 24 мая 1896 г. // АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 147. Л. 1–4.

было понять, что в министерстве иностранных дел не сочли возможным приступить к немедленному осуществлению пожеланий корейского правительства и были вынуждены некоторые из них отклонить. В ответ на просьбу корейского посланника отправить в Сеул русских инструкторов по военной и полицейской частям, назначить несколько русских советников и открыть корейскому казначейству кредит в три миллиона долларов в виде займа российская сторона ограничилась обещанием отправить в Корею в скором времени доверенных лиц с поручением вступить в переговоры об организации корейских военных сил, в особенности охранного отряда короля, и выяснить экономическое положение страны для принятия соответствующих финансовых мер²².

К.И. Вебер не был согласен с половинчатым решением корейского вопроса. Но он, как российский посланник в Корею, сделал все возможное, чтобы Россия оказала Корею действительную помощь, стремился реализовать содержащиеся в ответных пунктах обещания. Он выступал за безотлагательное предоставление займа²³, настойчиво добивался быстрого отправления в Корею русских инструкторов для подготовки охранного отряда короля из корейских солдат, так как не мог ручаться за безопасность короля вне миссии и при переезде короля из миссии в свой дворец, не охраняя его караулом²⁴. Он связывал стабилизацию ситуации с приездом инструкторов для подготовки охранного батальона», названного впоследствии «русским батальоном».

²² Проект доверительного письма [министра иностранных дел] к Поверенному в делах в Сеуле. Петергоф, 2-го июля 1896 г. // АВПРИ. Ф. «Секретный архив министра иностранных дел». Оп. 467. Д. 153/159. Л. 41–44. Цит. по: Россия и Корея... Документы и материалы. С. 376–378.

²³ Конфиденциальное донесение Посланника в Корею д. с. с. Вебера Его Превосходительству Н. П. Шишкину. Сеул, 1 декабря 1896 г. // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 560. Оп. 28. Д. 20. Л. 175–178 = об.

²⁴ Телеграмма д. с. с. Вебера от 31 октября 1896 г. // АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 144. Л. 91.

К.И. Вебер доказывал необходимость для Кореи постепенного формирования собственного, хорошо обученного войска численностью на первое время в 6 тыс. человек. Он утверждал, что войско это нужно для усиления власти вана, для охраны северной границы страны, где китайские бандитские отряды хунхузов часто совершают набеги, для борьбы против японцев²⁵. План реорганизации корейской армии, экономической и военно-политической систем Кореи, как и все другие договоренности, достигнутые в ходе визита в Россию первой корейской миссии во главе с Мин Ёнхваном, реализация которых потребовала от Вебера громадных усилий, не был реализован до конца. Помешали этому многие факторы, такие как противодействие Японии; изменение международной обстановки на Дальнем Востоке во второй половине 90-х гг. XIX века и перемещение центра российской политики на Дальнем Востоке из Кореи в Маньчжурию, возвращение в феврале 1897 г. в свой дворец вана Коджона.

Общественность Кореи высоко оценивала сам факт отправки корейского посольства в Россию²⁶.

К.И. Вебер, которого отличали глубокое знание местных условий и обычаев, помогал русским исследователям, путешественникам в изучении страны, организации экспедиций, военным в обучении корейских войск, предпринимателям в осуществлении их миссии в Корее, защите их прав в стране. Таким образом К.И. Вебер оказал заметное влияние на все области взаимоотношений России и Кореи – экономику, культуру, образование, военное дело.

К.И. Вебер снискал доверие и уважение к себе не только корейцев, но также и членов дипломатического корпуса и миссионеров в Сеуле. Его тесные контакты с Коджо-

²⁵ См. подробно: Пак Б. Д. Россия и Корея. Издание второе, дополненное. М., 2004. С. 279.

²⁶ См. подробно: Пак Б. Б. Российская дипломатия и Корея. 1888–1897. Книга вторая. С. 186–198.

ном и его двором, западными дипломатами, советниками, его личная дружба со многими из них и с важными корейскими сановниками сделали его одной из наиболее авторитетных и влиятельных фигур в иностранной дипломатической колонии в Сеуле. Среди представителей других иностранных государств в Корее, с которыми К.И. Веберу удавалось наладить отношения дружественного сотрудничества, были дипломаты США, Франции и Германии, которых он сумел привлечь на свою сторону для борьбы против посягательств Китая и Японии на суверенитет Кореи. Однако были среди них и открытые противники, как, например, китайский представитель в Сеуле Юань Шикай и часто сменявшиеся японские представители. Веберу приходилось отдавать много сил и энергии и для нейтрализации действий прояпонски настроенных политических и государственных деятелей Кореи и укрепления позиций прорусской группировки (так называемой русской партии) в правящих кругах корейского общества.

Поскольку Россия придерживалась политики сохранения неприкосновенности Кореи, постольку деятельность К.И. Вебера в Сеуле на ближайшие годы была нацелена на то, чтобы содействовать извлечению Кореи от международных или внутренних осложнений и направить главное внимание корейского правительства на укрепление экономического положения страны. Таким образом, он стал важным союзником Коджона в его политике модернизации и реформ в Корее для сохранения ее независимости и целостности.

Действия Вебера способствовали установлению в стране спокойствия. Примечательно в этом отношении письмо начальника эскадры в Тихом океане контрадмирала Алексева, в Азиатский департамент МИД в ноябре 1896 г.: «Восстановление спокойствия в Корее, упрочение власти Короля, приведение в порядок финансов, несомненно, состав-

ляют результат русского влияния на ход событий в Корее со времени перехода Короля в нашу миссию. Такое положение вещей достигнуто спокойными, но последовательными действиями г. Вебера, его знанием страны и людей и, наконец, особым и широким доверием к нему короля. В этом факте я имел случай убедиться из моих троекратных посещений Сеула и при представлениях королю. Он прямо выказывает свое доверие к нашему представителю и ценит его образ действий при всех происходивших трудных обстоятельствах для Кореи. Обращение ко мне с этим заявлением имело цель быть доложенным Его Величеству Государю Императору. При последнем моем представлении Король в убедительных словах просил довести до сведения Его Величества, что слухи об отозвании из Сеула г. Вебера весьма его огорчают и, если это неизбежно, то король будет просить разрешения пригласить г. Вебера к себе в качестве советника»²⁷.

Алексеев писал также, что обо всем этом он считает долгом сообщить, руководствуясь тем сознанием, что «пребывание нынешнего нашего посланника в Сеуле во всех отношениях полезно для России и наше влияние будет постепенно увеличиваться, не вызывая нежелательных для правительства осложнений»²⁸.

За период с 11 февраля 1896 г. до 20 февраля 1897 г. в Корее были предприняты шаги по наведению порядка, прежде всего, в финансовой системе и по реорганизации корейской армии. Ради соблюдения крайней экономии в расходах, были проведены реформы в министерстве финансов. В результате уже к концу 1896 г. было сэкономлено средств на сумму 1600 000 иен. Для обеспечения безопасности вана после предстоящего переезда его в стро-

²⁷ Копия письма начальника эскадры в Тихом океане контр-адмирала Алексева от 14 ноября 1896 г. за No 2143 // АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 7. Л. 173–175.

²⁸ Там же.

ившийся поблизости от миссии новый дворец, большую работу проделали и русские военные инструкторы. В результате, по словам Вебера, в Корее, «после тревожных эпизодов китайского и японского владычества и разыгравшихся затем на корейской территории военных действий между соперничающими соседями, наступили тишина и спокойствие. Королю более не нужно было бояться за свою жизнь, придворным интригам, столь обычным на Востоке, не было места в нашей миссии, корейским сановникам не надоедали настойчивыми требованиями, и они, проникнутые смутным сознанием необходимости реформ, сами принялись за их проведение»²⁹.

Из предпринятых в период пребывания вана Коджона в русской миссии преобразований и нововведений при поддержке Вебера были осуществлены следующие: учреждение 12 сентября 1896 г. Государственного совета (Ыйджонбу), (устроен по образцу русского Государственного совета); введение нового губернского административного устройства и деления страны на 13 провинций и 342 округа и уезда; пересмотр выработанного под японским руководством положения о судопроизводстве и введение уложения о наказаниях; устройство первых современных почтовых станций в Корее и исправление разрушенных во время Японо-китайской войны телеграфных линий от Сеула на север, к реке Ялу, и в Вонсан и Пусан; открытие в Сеуле русской школы, преподавателем которой был приглашен из Владивостока Н.Н. Бирюков; предоставление концессий некоторым иностранцам (не японцам) на постройку железных дорог и разработку горных и растительных богатств страны (из них две концессии на эксплуатацию каменноугольных залежей в северо-восточной Корее и на рубку леса в бассейнах рек Туманган и Амноккан были даны русским компаниям);

²⁹ К. И. Вебер. Записка о Корее до 1898-го года и после»// АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 14. Л. 123–140 (Впервые введена в научный оборот Б.Д. Паком в книге «Россия и Корея» (М., 1979. С. 127, 140)).

назначение С.П. Ремнева помощником корейского управляющего арсеналом в Сеуле; расширение и приведение в порядок главных улиц в столице и её окрестностей.

За время пребывания Коджона в русской миссии в Корее был осуществлен также целый ряд серьёзных мер, призванных подчеркнуть дарованную ей Симоносекским мирным договором независимость. 21 ноября 1896 г. состоялась закладка «Арки независимости», сооруженной на месте «Ворот приветствия и благословения», где корейский ван прежде встречал послов китайского богдыхана, и которые, таким образом, напоминали о подчиненном положении Корее. Весной 1896 г. возникло в Сеуле общество под наименованием «Тоннип хёпхве» («Общество независимости»), начавшее играть довольно видную роль в общественно-политической жизни страны. Летом 1896 г. корейское правительство впервые отправило в Европу посольство во главе с Мин Ёнхваном.

С точки зрения внешнеполитического положения Корее, противодействия японской агрессии и сохранения независимости корейского государства пребывание вана Коджона в русской миссии было явлением безусловно положительным. В этот период японское влияние в стране в значительной степени было подорвано, был ослаблен военно-оккупационный режим Японии. Россия получила право содержать в Корее одинаковое с Японией количество войск, охранять вана и усилить, в случае надобности, свой десант в Сеуле, что было подкреплено Сеульским меморандумом 14 мая 1896 г. и Московским протоколом 9 июня 1896 г. Укреплению международного положения Корее способствовал и русско-китайский союзный договор от 4 июня 1896 г., который предусматривал военную поддержку Россией и Китаем Корее в случае нападения Японии.

Один только перечень преобразований и нововведений говорит о гигантской работе, проделанной российским

дипломатом всего лишь в течение немногим более одного года. Эта работа касалась почти всех сторон социально-экономической, общественно-политической, военной и культурной жизни Кореи. Разумеется, не может быть и речи о коренном экономическом и политическом переустройстве корейского общества. Такая задача не ставилась российским правительством перед Вебером. Но меры, проведенные в жизнь по советам российских представителей, сыграли заметную роль в упорядочении финансов, наведении порядка в системе управления страной, укреплении вооруженных сил. Но самое главное заключалось в том, что в результате этих мер значительно упрочилось международное положение Кореи, уменьшилось влияние Японии на политическую жизнь страны, а развитие русско-корейских отношений достигло своей наивысшей точки³⁰.

То, что влияние России в Корее долго оставалось еще довольно сильным – заслуга Вебера. Охрана вана находилась под командованием русских инструкторов, ван и значительная часть министров по-прежнему видели в России заступницу, достаточно могущественную, чтобы помешать проискам Японии. Российское правительство и российская дипломатия продолжали считать своей главной задачей в корейском вопросе обеспечение независимости Кореи от Японии, для чего стремились сохранить за собой политическое влияние в Корее.

Однако действия Вебера летом 1897 г., направленные к скорейшему отъезду в Корею русских военных инструкторов для немедленной реорганизации вооруженных сил Кореи и создания корейской армии, вызвали серьезное недовольство в МИД и дальнейший отзыв его из Сеула для последующей отправки в Мексику. Приказание Веберу срочно выехать в Петербург и замена его новым Поверенным в делах в Сеуле в свете тех задач, которые сто-

³⁰ См.: Пак Б. Б. Российский дипломат К. И. Вебер и Корея. С. 297–298.

яли перед русской дипломатией на Дальнем Востоке осенью 1897 г., когда уже наметились контуры перемещения в ближайшем будущем главного центра дальневосточной политики России из Кореи в Маньчжурию, было, думается, не самым удачным шагом руководства российского внешнеполитического ведомства. Тактичность, доброжелательность, выдержка, особый талант общения, присущие Веберу, способствовали установлению доверительных отношений не только с ваном Коджоном, но и со многими придворными сановниками, на которых он оказывал сильное влияние, и с иностранными представителями в Сеуле. Действия Вебера в Корее, как правило, встречали одобрение западных дипломатов.

После отзыва из Сеула в 1897 г. первый российский поверенный в делах и генеральный консул в Корее К.И. Вебер вернулся в Петербург, где проживал по адресу: Васильевский остров, 3-я линия, д. 20, кв. 5.

За преданность отечеству и высокий профессионализм, проявленные К.И. Вебером на протяжении всей его дипломатической деятельности на посту российского представителя в Корее, 27 марта 1898 г. он был награжден орденом Св. Анны I степени. (фото ордена). Поскольку получившие такую награду автоматически становились потомственными дворянами, 5 ноября того же года «определением Правительствующего Сената Действительный статский советник Карл-Фридрих-Федор-Иванов Вебер, с женою Евгениею-Алидою, рожденною Маак, и с сыновьями Эрнестом-Карлом-Эдуардом и Евгением-Албертом, признан в потомственном Дворянстве, с правом на внесение в третью часть Дворянской родословной книги»³¹.

В дошедшем до нас официальном описании герба рода дворян Вебер записано: «В лазуревом щите, серебря-

³¹ Выписка из решения Правительствующего Сената 5 ноября 1898 г. о признании в потомственном дворянстве // Из архива Вальтера Вебера.

ный дракон, червлеными глазами и таковым же пламенем, извергающимся из пасти. В червленой главе щита, восходящее золотое солнце. Щит увенчан Дворянским коронованным шлемом. Нашлемник – два черных орлиных крыла, между коими круг улиткообразно разделенный лазурью, червленью и золотом. Намет: справа лазуревый с серебром, слева – червленый с золотом»³². На наш взгляд, видоизмененный герб призван указать на глубокую связь Вебера не только с Кореей, но и с другими двумя странами Дальнего Востока – Китаем и Японией, где он служил в качестве дипломата на протяжении 31 года. Дракон, как нам кажется, в данном случае символизирует Китай, восходящее солнце – Японию, а эмблема «Инь-ян» – центральный элемент корейского национального флага – Корею.

Герб этот, единственный в своем роде в русской геральдике, напоминает об особом вкладе выдающегося дипломата в становление процесса многостороннего взаимодействия и укрепления международной безопасности между Россией, Кореей, Японией и Китаем.

Источники и литература

Архивные источники

1. Выписка из решения Правительствующего Сената 5 ноября 1898 г. о признании в потомственном дворянстве // Из архива Вальтера Вебера.

2. Герб рода дворян Вебер // Из архива Вальтера Вебера.

3. Донесение Поверенного в делах в Сеуле А. Шпейера министру иностранных дел А.Б. Лобанову-Ростовскому. Сеул, 7-го февраля 1896 г. № 12 // АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 5. Л. 45–46.

4. Донесение К.И. Вебера князю А.Б. Лобанову-Ростовскому. Сеул, 21-го февраля 1896 г. // АВПРИ. Ф. «Миссия в Сеуле». Оп. 768. Д. 365. Л. 42–45.

³² Герб рода дворян Вебер // Из архива Вальтера Вебера.

5. К.И. Вебер. Записка о Корее до 1898-го года и после» // АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 14. Л. 123–140.

6. Конфиденциальное донесение Посланника в Корее д. с. с. Вебера Его Превосходительству Н.П. Шишкину. Сеул, 1 декабря 1896 г. // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 20. Л. 175–178 об.

7. Копия письма начальника эскадры в Тихом океане контр-адмирала Алексеева от 14 ноября 1896 г. за No 2143 // АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 7. Л. 173–175.

8. Меморандум Мин Юнг Хуана от 24 мая 1896 г. // АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 147. Л. 1–4.

9. Ответный меморандум Вебера // АВПРИ. Ф. «Миссия в Сеуле». Оп. 768. Д. 81. Л. 35–37.

10. Приложение к донесению Шпейера князю А.Б. Лобанову-Ростовскому от 11 апреля 1896 г. // АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 901. Л. 107–108.

11. Проект доверительного письма [министра иностранных дел] к Поверенному в делах в Сеуле. Петергоф, 2-го июля 1896 г. // АВПРИ. Ф. «Секретный архив министра иностранных дел». Оп. 467. Д. 153/159. Л. 41–44.

12. Текст предложений Вебера. Приложение к донесению Шпейера князю А.Б. Лобанову-Ростовскому от 11 апреля 1896 г. // АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 901. Л. 107–108.

13. Телеграмма д. с. с. Вебера от 31 октября 1896 г. // АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 144. Л. 91.

14. Телеграмма министра иностранных дел А.Б. Лобанова-Ростовского российскому Поверенному в делах в Сеуле А. Шпейеру от 6 февраля 1896 г. // АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 5. Л. 87.

15. Телеграмма министра иностранных дел Лобанова-Ростовского Поверенному в делах в Сеуле Шпейеру от 12 февраля 1896 г. // АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 5. Л. 8.

16. Телеграмма Шпейера Лобанову-Ростовскому от 19 апреля 1896 г. // АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 901. Л. 15.

17. Телеграмма А.Б. Лобанова-Ростовского Веберу от 21 апреля 1896 г. // АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 901. Л. 15.

18. Телеграмма д. с. с. Вебера. Сеул, 20-го марта 1896 г. // АВПРИ. Ф. «Китайский стол». Оп. 491. Д. 3258. Л. 125.

19. Частное письмо состоящего при миссии в Сеуле Штейна. Сеул, 20-го февраля 1897 г. // АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 7. Л. 32–33.

Литература

1. История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Т. 1. М., 1974.

2. Ку Хангук вёгё мунсо. (舊韓國外交文書 Сборник дипломатических документов старой Кореи). Т. 17. Сеул, 1964.

3. Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895. М., 1956.

4. Нихамин В.П. Дипломатия русского царизма в Корею после японо-китайской войны (1895–1896) // История международных отношений. История зарубежных стран. М., 1957.

5. Пак Б.Б. Российский дипломат К.И. Вебер и Корея. М.: ИВ РАН, 2013. С. 211–237.

6. Пак Б.Д. Россия и Корея. М., 1979; Издание второе, дополненное. М.: ИВ РАН, 2004.

7. Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. 1888–1897. Книга вторая. М., 2004.

8. Россия и Корея. Некоторые страницы истории (конец XIX века). К 120-летию установления дипломатических отношений. Документы и материалы. М.: МГИМО (У) МИД России, 2004.

9. Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1892–1905 г. СПб., 1906.

10. McCune G. Russian Policy in Korea: 1895–1898 // Far Eastern Surveys. Vol. XIV, No 19, 1945. С. 274.

И. В. Лукоянов

КОНЦЕССИЯ БРИНЕРА
КАК ЗЕРКАЛО РУССКОЙ ПОЛИТИКИ
В КОРЕЕ КОНЦА XIX ВЕКА

Igor V. Lukoianov

BRINER'S CONCESSION
AS THE MIRROR OF KOREAN POLICY
OF RUSSIA IN THE END OF XIX CENTURY

Аннотация. Статья посвящена истории получения владивостокским купцом Ю.И. Бринером концессии на разработку леса на корейском берегу реки Ялу. Концессия и её дальнейшая судьба оказались тесно переплетены с русско-корейскими отношениями и политикой России в регионе. Если её предоставление было связано с попыткой Коджона привлечь русских предпринимателей в Корею в 1896–1897 г., то позднее судьба предприятия отразила изменение политики России в Корее. В конечном итоге она стала поводом для формирования влиятельной неофициальной группы, получившей название по фамилии своего лидера «безобразовцы», которая своими агрессивными действиями способствовала началу Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Ключевые слова: концессия Бринера, русско-корейские отношения, политика России в Корее, «безобразовцы»

Abstract. The article deals to the history of the receipt by the Vladivostok merchant Yu.I. Briner a forestry concession on the Korean bank of the Yalu River. The concession and its further fate were closely intertwined with Russian-Korean relations and Russian policy in the region. If its provision was associated with an attempt by the Kojon to attract Russian entrepreneurs to Korea in 1896–1897, then later the fate of the enterprise reflected the change in Russian policy in Korea. Ultimately, it became the pre-

text for the formation of an influential unofficial group, named after the name of its leader, «Bezobrazovtsy», which, with its aggressive actions, contributed to the start of the Russo-Japanese War of 1904–1905.

Key words: Briner's concession, Russian-Korean relations, Russian policy in Korea, bezobrazovtsy

История появления концессии Бринера связана с событием, не имеющим, на первый взгляд, прямого отношения к ней – это попытка государственного переворота (?) в Корее, предпринятого японцами в октябре 1895 г., сопровождавшегося убийством королевы Мин и помещения короля Коджона под «охрану» японцев. Опасаясь за свою жизнь (для чего имелись серьёзные основания), в феврале 1896 г. корейский монарх бежал в российскую дипломатическую миссию. Пребывание Коджона там в течение года (до 8 (20) февраля 1897 г.) существенно изменило положение русских в королевстве. Сеул стремился вовлечь Петербург в корейские дела в максимальной степени, несмотря на явно демонстрируемое нежелание России. Одним из инструментов этого курса явилась концессионная политика.

Не секрет, что корейское руководство в этом вопросе брало пример с Китая, где выдача концессий иностранцам проводилась с осторожностью, сопровождалась массой оговорок, а успех дела часто прямо зависел от суммы взятки, которую концессионеры обещали чиновникам. Но в случае сильной заинтересованности короны эти моменты отступали на задний план, и концессии давались быстрее и проще. Впрочем, их коммерческая составляющая не являлась очевидно выгодной для предпринимателей. Именно с такой ситуацией столкнулись русские в 1896 – начале 1897 гг. Результаты не замедлили сказаться.

Так, 10 (22) апреля 1896 г. благовещенский мещанин М.Д. Нищенский стал обладателем обширной концессии

на 15 лет на разработку золота и других полезных ископаемых в части провинции Хамгёндо при условии выплаты королю 25% от добытого. В тексте соглашения оговаривалась также возможность для М.Д. Нищенского вести монопольную разработку золота, серебра и каменного угля по всей Корее, если ему удастся обнаружить новые месторождения (коварная статья, поскольку корейцы могли объявить любое из них давно известным). Кроме того, концессионер получал широкие права по заготовке необходимого ему леса, право приглашать специалистов из России в неограниченном количестве (только чернорабочих следовало набирать обязательно из корейцев), иммунитет от вмешательства чиновников и разрешение на беспрепятственный вывоз добытых благородных металлов¹. Предоставление заурядному авантюристу столь обширных полномочий носило, без сомнения, политический характер. Однако, как оказалось, текст концессионного договора был составлен с большим коварством, так как предписанные в нём отчисления в пользу корейской казны делали само предприятие невыгодным. Впрочем, он так и не приступил к использованию полученных им прав из-за отсутствия денег. М.Д. Нищенский обратился за ссудой в Русско-Китайский банк (он просил всего 75 тыс. руб. на 5 лет), однако А.Ю. Ротштейн решил денег не давать, так как не усмотрел возможность получить прибыль². Действительно, при ближайшем рассмотрении оказалось, что условия концессии невыгодны (в частности, отчисление 25% добытого металла в пользу короля), а район разработок был выбран крайне неудачно.

Можно привести и другие примеры. В частности, это деятельность отставного генерала С.А. Соломко, помогав-

¹ Концессионный договор (копия) // АВПРИ. Ф. 191. Оп. 768. Д. 73. Л. 3, 5; Д. 107. Л. 12–16.

² Правление КВЖД – С.Ю. Витте 2 октября 1898 г. // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 529. Л. 31.

шегося целого ряда концессий (преимущественно угольных) с монопольными правами³. Эти факты нельзя рассматривать как движение российского капитала в королевство: ходатаями за концессиями выступали, как правило, люди с авантюристическими наклонностями, не имевшие ни личной деловой репутации, ни достаточных средств для реализации полученных прав. Конечно, они рассчитывали выгодно продать данные им возможности.

Однако одной концессии оказалась уготована иная судьба. 28 августа (9 сентября) 1896 г. владивостокский купец I гильдии Ю.И. Бринер получил от корейского короля право на разработку лесных массивов площадью около 5000 квадратных вёрст на севере Кореи в бассейне пограничной реки Ялу сроком на 20 лет под залог всего в 15 тыс. руб. Концессионеру также давались широкие права: строить заводы и мастерские, прокладывать шоссейные и железные дороги и т.п. Со своей стороны Ю.И. Бринер обязывался начать рубку леса не позже, чем через пять лет после выдачи концессии, в противном случае она аннулировалась⁴. Такой широкий объём прав свидетельствовал, что эта концессия была выдана явно с политическими целями. Но при беглом ознакомлении она обещала стать прибыльным предприятием.

Владивостокский купец первой гильдии Ю.И. Бринер был заметной фигурой в деловом мире российского Дальнего Востока. В последние годы его фигура, а также история его большого семейства привлекли внимание исследователей. Семейное предание сообщает, что 16-летний юноша отправился из дома (благополучного) в Швейцарии путешествовать, он добрался на судне до Шанхая, а затем до Иокогамы, где быстро стал преуспевающим коммерсан-

³ Д.Д. Покотилов – П.М. Романову 25 сентября 1896 г. // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 24. Л. 55–57.

⁴ Текст концессии впервые опубликован в книге: Гиппиус А.И. О причинах нашей войны с Японией. С приложениями (документы). СПб., 1905. С. 52–55.

том⁵. Такая биография – хороший сюжет для авантюрного романа, но насколько она соответствовала действительности? Даже потомки Бринера сомневаются в этом. К сожалению, документально подтвердить или опровергнуть ранние вехи его жизненного пути затруднительно, тем больший интерес представляют сведения, которыми располагали хорошо знавшие его люди. В частности одним из них был Н.Г. Матюнин, пограничный комиссар на Дальнем Востоке с конца 1870-х гг. Он сообщил своему близкому другу П.Я. Дашкову, что Ю.И. Бринер начал заниматься торговлей в Париже в большом комиссионерском доме, затем перебрался в Шанхай, оттуда в Японию, и, наконец, в Россию⁶. Знание европейских языков, а также китайского и японского делало коммерсанта весьма ценным сотрудником, чем не замедлили воспользоваться российские власти. По поручению Н.Г. Матюнина *globe-trotter*, как он его называл, совершил несколько разведывательных поездок в Китай. К концу 1880-х гг. Бринер зарабатывал во Владивостоке «хорошие деньги», занимаясь разгрузкой приходящих в порт судов⁷. Вряд ли в это время у него уже не просто был «Торговый дом Бринер и К°», ещё и тесно связанный с английским и немецким капиталом⁸. Российские предприниматели в регионе испытывали острый дефицит капитала, даже сумма в 100 тыс. руб. казалась им весьма значительной, искать которую приходилось на стороне.

⁵ По другим сведениям, в Японии Бринер оказался 14-летним подростком, «его воспитанием занимался богатый англичанин» (Бабцева И.И. Из истории семьи Бринеров (по материалам фондов музея) // Янковские чтения. Материалы конференций 1992, 1994, 1996 гг. Владивосток, 1996. С. 59–63).

⁶ Точное время его появления на русском Дальнем Востоке неизвестно, но речь идёт о второй половине 1870-х гг. (Клименко И.Н. Новые материалы о деятельности Ю.И. Бринера из фондов ПГОМ им. В.К. Арсеньева (URL: <https://web.archive.org/web/20131216213840/>; URL: <http://www.arseniev.org/content/?a=141&s=41&p=2>). Дата обращения: 21.12.2018 г.).

⁷ Н.Г. Матюнин – П.Я. Дашкову 7 марта 1888 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 910. Оп. 1. Д. 156. Л. 17–17 об.

⁸ Бабцева И.И. Указ. соч. С. 59–63.

Собрав во время поездок по Маньчжурии огромный материал, касающийся торговли, Ю.И. Бринер использовал его в коммерческих целях. Он занялся импортом риса из Кореи во Владивосток и экспортом из России керосина. Ещё в 1889 г. Ю.И. Бринер заинтересовался корейским лесом, тогда же он обратился за содействием к Н.Г. Матюнину⁹. Вскоре его предприятие по перевалке леса стало самым крупным и высокорентабельным в регионе: акции фирмы номиналом в 100 руб. вскоре после выпуска трудно было достать за 250 руб. И не удивительно, поскольку они приносили дивиденд в 26–34%¹⁰. Агент министерства финансов в Китае Д.Д. Покотилов высоко оценил коммерческие способности предпринимателя, отметив его наблюдательность и практичность¹¹.

Для освоения лесной концессии на р. Ялу Ю.И. Бринеру не хватало капитала. В конце 1896 г. он обратился в Санкт-Петербургский Международный коммерческий банк к А.Ю. Ротштейну за деньгами, представив свои расчёты и обоснования¹². Осторожный банкир, не имея согласия С.Ю. Витте, не взял на себя ответственность и предложил создать международный синдикат для освоения концессии¹³. Ю.И. Бринер последовал его совету и в 1897 г. пытался учредить акционерное общество с основным капиталом в 250 тыс. руб. при поддержке Русско-Китайского и Русско-Корейского банков, а также ряда известных финансистов: А.Ю. Ротштейна, Е.М. Эпштейна, Корелина, Д.А. Нератова и др.¹⁴ Но план не был осуществлен, и купец,

⁹ Записка Ю.И. Бринера об истории концессии на р. Ялу // РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 1020. Л. 14–21.

¹⁰ А. Масленников – А.Ю. Ротштейну 2 янв. 1898 г. // РГИА. Ф. 632. Оп. 1. Д. 182. Л. 1–14.

¹¹ Д.Д. Покотолов – П.М. Романову 25 сентября 1896 г. // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 24. Л. 55–57.

¹² РГИА. Ф. 626. Оп. 1. Д. 605. Л. 8–23.

¹³ Вонлярлярский В.М. Корейское дело. I часть. Экспедиция в Северную Корею в 1898/9 гг. // Научно-исторический архив СПбИИ РАН. Ф. 121. Оп. 1. Д. 109. Л. 7.

¹⁴ Проект договора – РГИА. Ф. 626. Оп. 1. Д. 605. Л. 32–41.

по-видимому, решил выгодно продать концессию. Для этого он приехал в Петербург во второй половине 1897 г.

В поисках компаньона или покупателя Ю.И. Бринер в столице обращался, по-видимому, ко многим. В частности, он искал партнёров среди финских лесопромышленников. Об этом стало известно Н.Г. Матюнину, чья карьера складывалась в это время не вполне удачно. Ему пришлось отказаться от службы в Министерстве финансов и вернуться в Петербург. Столичные связи помогли Н.Г. Матюнину устроиться в МИД¹⁵. По дороге с Дальнего Востока он познакомился с неким представителем европейской фирмы, который выразил желание сотрудничать с Русско-Китайским банком в Корее и Маньчжурии. С этим предложением Н.Г. Матюнин явился к А.Ю. Ротштейну, от него он, по-видимому, и узнал о существовании «концессии Бринера».

Для неудачливого чиновника подвернувшийся случай оказался как нельзя более кстати. До этого Н.Г. Матюнин неоднократно высказывался за проведение Россией активной политики в королевстве, как раз осенью 1897 г. он писал об этом в министерство иностранных дел¹⁶. Возможно, благодаря протекции 24 ноября 1897 г. Н.Г. Матюнин был назначен поверенным в делах в Корее и перед отъездом на Дальний Восток в начале 1898 г. он обсудил со своим давним знакомым ещё по Александровскому лицу В.М. Вонлярляским¹⁷ идею создать на основе концессии Бринера «большую русскую промышленную компа-

¹⁵ Н.Г. Матюнин – А. М. Абазе 25 октября 1905 г. // АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 53. Л. 79–87.

¹⁶ Его записка М.Н. Муравьеву датирована 12 сентября 1897 г., затем Н.Г. Матюнин по предложению В.Н. Ламздорфа дополнил её соображениями о посылке в Корею русских военных инструкторов и о развитии миссионерской деятельности (Н.Г. Матюнин – А. М. Абазе 25 октября 1905 г. // АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 53. Л. 81).

¹⁷ Вонлярляский В.М. Мои воспоминания 1852–1939 гг. Берлин, [1939]. С. 127, прим. О Вонлярляском подробнее см.: Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. СПб., 2008. С. 501–504.

нию по образцу *Chartered Companies*¹⁸ и таким путем вернуть России утраченное положение её в Корее, а затем уже перенести деятельность последовательно на Приморскую область и Сибирь»¹⁹. Выдвигая идею *Chartered Company*, В.М. Вонлярлярский и Н.Г. Матюнин отказались от подхода Ю.И. Бринера – А.Ю. Ротштейна: вместо участия иностранного капитала предлагалось использовать частный российский, но опираясь преимущественно на поддержку государства, в том числе и финансовую (т. е. создавать частную компанию на казённые деньги).

Однако время для разработки концессии Бринера было уже неподходящим. После возвращения Коджона в свой дворец положение русских в Корее тут же начало «сильно портиться». Ряд российских коммерсантов, давно хлопотавших в Сеуле о крупных концессиях, немедленно получили отказ. Так, концессию, аналогичную правам М.Д. Нищенского – на разработку золота и каменного угля в одном из округов провинции Хамгёндо и вдоль реки Тюмень – хотели получить серьёзные предприниматели – владелец пароходства М.Г. Шевелёв и влиятельный тяньцзинский купец А.Д. Старцев. Дело было поставлено значительно шире, чем у М.Д. Нищенского или Ю.И. Бринера (в нём участвовало 11 «русских капиталистов», в том числе трое из Петербурга). Но они, в отличие от предшественников, озаботились получением концессии слишком поздно –

¹⁸ Это характерная для Англии и других стран форма колониальной экспансии, связывавшая капитал и государство. Хартия выдавалась английским правительством, в ней фиксировались, с одной стороны, особые обязанности компании перед короной (нацеленность на территориальные приобретения), с другой стороны, британское правительство обязалось всячески содействовать её деятельности. *Chartered Companies* кроме коммерции занимались административным управлением через специальные соглашения с местными правителями. По крайней мере по двум основным параметрам (опора на частный капитал и минимально необходимое участие государства) *Chartered Company* значительно отличались от того, что предложили в 1898 г. «безобразовцы» (использование казённых средств и полное руководство деятельностью компании со стороны государства).

¹⁹ Вонлярлярский В.М. Корейское дело. I часть. Экспедиция в Северную Корею в 1898/9 гг. // Научно-исторический архив СПбИИ РАН. Ф. 121. Оп. 1. Д. 109. Л. 9.

в феврале 1897 г., когда король уже находился в своём дворце²⁰. Но здесь опять сыграл роль политический фактор, на сей раз – в России. Концессии Бринера придали политическое значение.

Инициаторы идеи – Н.Г. Матюнин и В.М. Вонлярлярский – искали поддержки, поэтому в идею Восточно-Азиатской компании и «концессию Бринера» оказался посвящён отставной гвардейский полковник А.М. Безобразов²¹. Концессионерам он был нужен прежде всего своими связями с бывшим министром двора И.И. Воронцовым-Дашковым, что обещало прямой путь к императору. 26 февраля 1898 г. И.И. Воронцов-Дашков втайне от С.Ю. Витте представил Николаю II составленную ими записку о создании для эксплуатации концессии специальной Восточно-Азиатской компании: «Не для обогащения только отдельных лиц нужны русские люди в Корею, но <...> для самого насаждения русских идей»²². Т.е. вместо предпринимательской деятельности предполагалось создать на казённый счёт псевдокоммерческую структуру для достижения военно-политических целей.

Для «разведки на местности» конкретных обстоятельств ведения дела в 1898–1899 гг. в Корею были направлены две «секретные» экспедиции. Несмотря на бросающуюся в глаза сомнительность всей затеи, Николай II повелел миристру двора барону В.Б. Фредериксу выдать 100 тыс. рублей из средств Кабинета Его императорского величества на всё предприятие, в том числе и на приобретение концессии Бринера. Однако в новых условиях их усилия остались безрезультатными: так, попытка Н.И. Непорож-

²⁰ АВПРИ. Ф. 191. Оп. 768. Д. 103. См. об этом также: Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. Кн. 2: 1888–1897. М., 2004. С. 219–220.

²¹ Подробнее о нём см.: Лукоянов И.В. Указ. соч. С. 495–500.

²² РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 3–5 об.; Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928. С. 387.

нева приобрести право эксплуатации королевских рудников была отвергнута Коджоном как несвоевременная²³. Уклончивость корейского монарха и сопротивление чиновников объяснялись тем, что незадолго до появления экспедиций в Корею в начале 1898 г. Петербург отклонил его просьбу о поддержке против японцев. Выдавать новые концессии вроде той, которую получил Ю.И. Бринер, и почти даром, не имело для него смысла.

Несмотря на политические перемены, предприимчивые В.М. Вонлярлярский и Н.Г. Матюнин добились передачи концессии Бринера в их руки 26 июня 1899 г. Владивостокскому купцу уплатили 65 тыс. руб. Всего же концессия обошлась Кабинету Его императорского величества в 93153 руб., а все мероприятия, включая экспедиции, в 250 тыс. руб. согласно отчёту В.М. Вонлярлярского²⁴. Сначала Вонлярлярский и Матюнин раздробили концессию и попытались отдельно реализовать право заготовки древесины на корейском острове Дажалет. Оказалось, что лес там уже в основном истреблён японцами и остался лишь в труднодоступных местах. Позднее, в августе 1903 г., это подтвердила специальная экспедиция, установившая, что несмотря на немалое количество деловой древесины на острове (красное дерево и кедр), старые, крупные деревья были уже в большинстве вырублены и сохранились лишь на склонах гор²⁵. Тем не менее концессионеры планировали вывозить древесину на русских военных кораблях (!) и продавать её морскому министерству по рыночной цене. Четверть прибыли предполагалось перевести корейскому королю согласно условиям концессии, остальное – забрать себе. Кабинет Его императорского величества, на чьи деньги была приобретена концессия, ничего не получал. Комби-

²³ Подробнее см.: Лукоянов И. В. Указ. соч. С. 427.

²⁴ Краткий денежный отчёт // РГИА. Ф. 468. Оп. 46. Д. 57. Л. 31–32.

²⁵ Лебедев Е. Остров Дажалет // Известия Восточного института. Т. XI. Владивосток, 1904. С. 163, 168–172.

нация сорвалась из-за того, что моряки отказались участвовать в коммерческой операции: командование считало недопустимым приказывать строевым офицерам действовать в интересах частной компании²⁶. После этого в январе 1900 г. Н.Г. Матюнин пытался сдать Дажалет в аренду японцам за 200 тыс. руб., но неудачно²⁷. Н.Г. Матюнин спешил ещё и потому, что по условиям концессии Бринера приступить к добыче леса следовало до осени 1901 г. К счастью для «безобразовцев», им удалось отдалить срок начала работ до 1 января 1904 г., а завершение самой концессии – до 1 января 1920 г.²⁸

Для освоения концессии 31 мая 1903 г. было учреждено «Русское лесопромышленное товарищество», которое фактически приступило к работе с 1 января 1903 г. Для обеспечения его деятельности Николай II распорядился открыть А.М. Безобразову в начале 1903 г. специальный счёт в Русско-Китайском банке, на который было положено 2 млн руб.²⁹

Однако работа товарищества выглядела совсем не блестяще. На первых порах вместо рубки деревьев лесопромышленники собирали на берегу р. Ялу лес из разбившихся плотов, заготовленный корейцами и японцами. Его находили много, так как корейцы плохо связывали

²⁶ Я.А. Гильдебрандт – Е.И. Алексееву 21 марта 1900 г. // Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 467. Оп. 1. Д. 56. Л. 10–11.

²⁷ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 134. Л. 108.

²⁸ Копия ноты корейского МИД 29 марта 1901 г. // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 759. Л. 68.

²⁹ Из 2 млн руб. 520,8 тыс. были взяты по распоряжению Николая II из так называемого 12 млн фонда, предусмотренного на разные сверхсметные выдачи лично царю; 1227,06 тыс. руб. – из прибыли Иностранного отделения при Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов и, наконец, 256,64 тыс. руб. – из секретного фонда, находившегося в Русско-Китайском банке и предназначенного на дачу взяток китайским сановникам (Справка о суммах, выплаченных Русско-Китайским банком А.М. Безобразову // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 336. Л. 1). Только в феврале – марте 1903 г. с этого счета в Русско-Китайском банке А.М. Безобразов снял 710 тыс. руб.: 515 тыс. руб. в январе – марте 1903 г. он выдал подполковнику А.С. Мадритову, еще 100 тыс. – А.Л. Животовскому, а 20 тыс. – комиссару М.Ф. Квецинскому (Свод сумм, выданных А.М. Безобразовым на Дальнем Востоке. 6 сентября 1903 г. // РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2865. Л. 47). Именно эти люди занимались организацией лесного предприятия на р. Ялу в начале 1903 г.

стволы. По сведениям одного из сотрудников предприятия Ф.А. Львова, такой древесины уже весной 1903 г. концессионеры набрали на 100 тыс. руб. На деревьях срезалось прежнее клеймо и ставился знак принадлежности к «Русскому лесопромышленному товариществу». Воровство оказалось заразительным – вскоре концессионеры начали просто отнимать у корейцев и целые плоты³⁰. В свою очередь местный китайский даотай оперативно организовал грабёж сплавляемого товариществом леса: он беззастенчиво вылавливал бревна, вторично срубал с них клеймо и продавал. По подсчету русского чиновника, уже к октябрю 1903 г. китайцы похитили свыше 40 тыс. бревен³¹. Собственную добычу леса товарищество сумело начать лишь 15 ноября 1903 г.³² На первых порах из-за отсутствия хотя бы примитивной лесопилки сплавляемые брёвна оказались «никуда не годных размеров», тем не менее, такого леса удалось продать на 300 тыс. руб.³³ На берегах же р. Ялу лежали горы срубленных деревьев.

Вскоре выяснилось, что «заготовка товара обходится дороже, чем его можно продать». Воровство, судя по просачивавшимся сведениям, было масштабным³⁴. Однако угрозы А.М. Безобразова покарать виновных остались пустым звуком: уволен был лишь А.Л. Животовский. А.М. Безобразов выразил доверие руководителю предприятия И.П. Балашёву

³⁰ Львов Ф.А. Лиходеи бюрократического самовластья как непосредственные виновники первой Русско-японской войны. СПб., 1906. С. 48–49.

³¹ Копия донесения Г. Веселовского 1 октября 1903 г. // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 14378. Оп. 1. Д. 130. Л. 563–564.

³² Акт о начале рубки леса Русским лесопромышленным товариществом 5 декабря 1903 г. // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 336. Л. 24.

³³ К.И. Вогак – А.М. Безобразову 18 октября 1903 г. // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 761. Л. 153–154.

³⁴ Лесной частью компании заведовал некий Скидельский (человек, от которого отрёкся отец), он злоупотреблял если и не на сотни тысяч руб., то на десятки – несомненно (выписка из частного письма директора отделения Русско-Китайского банка в Мукдене 26 октября 1903 г. (копия) // Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 444. Оп. 1. Д. 94. Л. 113).

и считал, что в коммерческом отношении оно «выдерживает полную критику»³⁵.

Спустя несколько месяцев стало очевидно, что это далеко не так. Предварительное совещание для обсуждения вопросов о финансовых, промышленных и хозяйственных предприятиях России на Дальнем Востоке (февраль – май 1904 г.) проанализировало их перспективы с коммерческой точки зрения. Министр финансов В.Н. Коковцов высказал уверенность, что лесопромышленное общество потребует грандиозных казённых расходов в миллионы рублей и оказался прав³⁶. Для дальнейшей «разработки» концессии на р. Ялу, по подсчётам И.П. Балашёва, требовалось вложить в 1904 г. 4 млн руб., из которых только 1 млн концессионеры предполагали вернуть, продав лес³⁷. Совещание высказалось за полное прекращение казённого участия в подобных предприятиях, и Николай II его утвердил.

Указание ликвидировать безобразовское лесопромышленное товарищество последовало в начале июля 1905 г.³⁸ Разумеется, требовалось провести инвентаризацию всей его собственности. Концессионеры утверждали, что их общество владело имуществом более чем на 2 млн руб. (т.е. казённые деньги не были истрачены напрасно)³⁹. Во время проведения инвентаризации всплыло много интересных обстоятельств, в том числе и примеры организации предприимчивыми дельцами собственного бизнеса на Дальнем Востоке за казённый счёт. Лесная концессия на р. Ялу была аннулирована корейским королём в мае 1904 г. Несмотря на это,

³⁵ А. М. Безобразов – В. К. Плеве 11 ноября 1903 г. // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 761. Л. 120 об.

³⁶ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 311. Оп. 1. № 2. Л. 40–40 об.

³⁷ Записка И. П. Балашёва Е. И. Алексееву 12 ноября 1903 г. // РГИА. Ф. 892. Оп. 3. Д. 122.

³⁸ А. М. Абаза – В. Н. Коковцову 2 июля 1905 г. // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 336. Л. 3.

³⁹ А. М. Абаза – И. П. Балашёву 28 ноября 1905 г. // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 336. Л. 87–88.

после завершения Русско-японской войны, в июле 1906 г. её приобрёл проживавший в Петербурге гражданин США Василий Самойлович Смит, явно аффилированный с российскими властями (например, он участвовал в попытке «приватизировать» недвижимые имущества южной части Сахалина)⁴⁰. Ему с высочайшего соизволения также передали всё имущество лесопромышленного товарищества⁴¹. Учредители формально ликвидировали своё детище 23 марта 1905 г. Интересно, что его объявили несостоявшимся (!), так как никто из учредителей не внёс никаких (!) денег для создания основного капитала⁴². Всего на авантюру по подсчётам самого А.М. Безобразова ушло 2,58 млн руб.⁴³

Источники и литература

Архивные источники

1. А.М. Абаза – В.Н. Коковцову 2 июля 1905 г. // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 336. Л. 3.
2. А.М. Абаза – И.П. Балашёву 28 ноября 1905 г. // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 336. Л. 87–88.
3. А. Масленников – А.Ю. Ротштейну 2 января 1898 г. // РГИА. Ф. 632. Оп. 1. Д. 182. Л. 1–14.
4. АВПРИ. Ф. 191. Оп. 768. Д. 103.
5. АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 134. Л. 108.
6. А.М. Безобразов – В.К. Плеве 11 ноября 1903 г. // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 761. Л. 120 об.
7. Акт о начале рубки леса Русским лесопромышленным товариществом 5 декабря 1903 г. // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 336. Л. 24.

⁴⁰ По данным справочника «Весь Петербург», Уильям Самуил Смит являлся представителем компании Вортингтона и директором-распорядителем акционерного общества «Вестингауз».

⁴¹ И.П. Балашёв – А.П. Извольскому 12 сентября 1906 г. (копия) // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 336. Л. 113; Романов Б.А. Указ. соч. С. 551–552.

⁴² Вонлярлярский В.М. Указ. соч. С. 156–158.

⁴³ ОПИ ГИМ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 127. Л. 54 об. – 55. Из них на лесопромышленное товарищество – 2 182 675 руб. 67 коп. Остаток средств в виде наличности и ценных бумаг составил 200 249 руб. 88 коп. (ОПИ ГИМ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 115. Л. 252–253).

8. Вонлярлярский В.М. Корейское дело. I часть. Экспедиция в Северную Корею в 1898/9 гг. // Научно-исторический архив СПбИИ РАН. Ф. 121. Оп. 1. Д. 109. Л. 7–9.

9. Выписка из частного письма директора отделения Русско-Китайского банка в Мукдене 26 октября 1903 г. (копия) // Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 444. Оп. 1. Д. 94. Л. 113).

10. Д.Д. Покотилов – П.М. Романову 25 сентября 1896 г. // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 24. Л. 55–57.

11. Записка И.П. Балашёва Е.И. Алексееву 12 ноября 1903 г. // РГИА. Ф. 892. Оп. 3. Д. 122.

12. Записка Ю.И. Бринера об истории концессии на р. Ялу // РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 1020. Л. 14–21.

13. И.П. Балашёв – А.П. Извольскому 12 сентября 1906 г. (копия) // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 336. Л. 113;

14. К.И. Вогак – А.М. Безобразову 18 октября 1903 г. // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 761. Л. 153–154.

15. Концессионный договор (копия) // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 191. Оп. 768. Д. 73. Л. 3, 5; Д. 107. Л. 12–16.

16. Копия донесения Г. Веселовского 1 октября 1903 г. // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 14378. Оп. 1. Д. 130. Л. 563–564.

17. Копия ноты корейского МИД 29 марта 1901 г. // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 759. Л. 68.

18. Краткий денежный отчёт // РГИА. Ф. 468. Оп. 46. Д. 57. Л. 31–32.

19. Н.Г. Матюнин – П.Я. Дашкову 7 марта 1888 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 910. Оп. 1. Д. 156. Л. 17–17 об.

20. Н.Г. Матюнин – А.М. Абазе 25 октября 1905 г. // АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 53. Л. 79–87.

21. ОПИ ГИМ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 127. Л. 54 об. – 55.

22. ОПИ ГИМ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 115. Л. 252–253.

23. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 311. Оп. 1. № 2. Л. 40–40 об.

24. Правление КВЖД – С.Ю. Витте 2 октября 1898 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 560. Оп. 28. Д. 529. Л. 31.

25. Проект договора – РГИА. Ф. 626. Оп. 1. Д. 605. Л. 32–41.
26. РГИА. Ф. 626. Оп. 1. Д. 605. Л. 8–23.
27. РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 3–5 об.
28. Свод сумм, выданных А.М. Безобразовым на Дальнем Востоке. 6 сентября 1903 г. // РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2865. Л. 47).
29. Справка о суммах, выплаченных Русско-Китайским банком А.М. Безобразову // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 336. Л. 1.
30. Я.А. Гильдебрандт – Е.И. Алексееву 21 марта 1900 г. // Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 467. Оп. 1. Д. 56. Л. 10–11

Литература

1. Бабцева И.И. Из истории семьи Бринеров (по материалам фондов музея) // Янковские чтения. Материалы конференций 1992, 1994, 1996 гг. Владивосток, 1996. С. 59–63.
2. Вонлярлярский В.М. Мои воспоминания 1852–1939 гг. Берлин, [1939].
3. Гиппиус А.И. О причинах нашей войны с Японией. С приложениями (документы). СПб., 1905.
4. Клименко И.Н. Новые материалы о деятельности Ю.И. Бринера из фондов ПГОМ им. В.К. Арсеньева (URL: <https://web.archive.org/web/20131216213840/> URL: <http://www.arseniev.org/content/?a=141&s=41&p=2>. Дата обращения: 21.12.2018 г.).
5. Лебедев Е. Остров Дажалет // Известия Восточного института. Т. XI. Владивосток, 1904. С. 163–174.
6. Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. СПб., 2008.
7. Львов Ф.А. Лиходеи бюрократического самовластья как непосредственные виновники первой русско-японской войны. СПб., 1906.
8. Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. Кн. 2: 1888–1897. М., 2004.
9. Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928.

Б. Б. Пак

РУССКО-ЯПОНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ
ПО КОРЕЙСКИМ ДЕЛАМ
(1902 – ОКТЯБРЬ 1903 г.)

Bella B. Pak

RUSSO-JAPANESE NEGOTIATIONS
ON KOREAN AFFAIRS (1902 – OCTOBER 1903)

Аннотация. В статье на основе неопубликованных архивных документов, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи, наиболее полно прослежен еще недостаточно изученный ход русско-японских переговоров по корейским делам, представлена позиция российского МИД и дипломатов в Сеуле и Токио по корейскому вопросу, японский и российский проекты соглашения.

Ключевые слова: русско-японские переговоры по корейским делам в 1902 – октябрь 1903 г., Ито Хиробуми, С. Курино, А.П. Извольский, А.М. Безобразов, В.Н. Ламздорф, Е.А. Алексеев, С.Ю. Витте, Е.Ф. Штейн, А.И. Павлов, Р.Р. Розен, Ялуцзянское предприятие, Особые совещания при МИД, предложения, Особое Наместничество на Дальнем Востоке, Особый Комитет Дальнего Востока, проект русско-японского соглашения, преобладающее влияние Японии в Корее, специальные интересы России в Маньчжурии, независимость Кореи, Петербург, Россия, Петербург, Токио, Сеул, Япония, Англия, Корея, Маньчжурия, Дальний Восток, Йонампхо, Ыйджу

Abstract. The article based on unpublished archival documents stored in the Foreign Policy Archive of the Russian Empire most fully traced the Russian-Japanese negotiations on Korean affairs, presented the position of the Russian Foreign Ministry and diplomats in Seoul and Tokyo on the Korean issue, the Japanese and Russian projects of the agreement.

Key words: Russo-Japanese negotiations on Korean affairs – 1902 – October 1903, Ito Hirobumi, S. Kurino, A.P. Izvolsky, A.M. Bezobrazov, V.N. Lamzdorf, E.A. Alekseev, S. Yu. Witte, E.F. Stein, A.I. Pavlov, R.R. Rozen, Yalu Jiang Enterprise, Special Ministerial Meetings, proposals, Special Directorate in the Far East, Special Committee of the Far East, draft Russian-Japanese agreement, the predominant influence of Japan in Korea, the special interests of Russia in Manchuria, Korea's independence, Petersburg, Russia, Petersburg, Tokyo, Seoul, Japan, England, Korea, Manchuria, Far East, Yonampho, Uiju

К началу XX в. все более определялся курс Японии на устранение ее главного соперника – России военным путем. Для этой цели ускоренными темпами создавались мощные вооруженные силы, прежде всего военно-морской флот. К вооруженному конфликту с Россией подталкивали Японию Великобритания, США и другие западные страны, опасавшиеся, что Россия, утвердившись в Маньчжурии, двинется дальше в Китай, который они считали сферой своего безраздельного господства. Не желали они также допустить усиления ее влияния в Корее. Важную роль в реализации их замыслов сыграл англо-японский договор 1902 г. Декларируя заботу о всеобщем мире на Дальнем Востоке, независимости и территориальной целостности Кореи и Китая, участники договора, тем не менее подчеркивали «специальные интересы» Англии в Китае, Японии – также в Китае, но особенно – в Корее, предусмотрев принятие необходимых мер, если этим «интересам» будут угрожать агрессивные действия какой-либо другой державы или беспорядки в Китае и Корее. Стороны договорились также о взаимной помощи в случае войны одной из них с третьей державой. С учетом ситуации того времени на Дальнем Востоке, нетрудно увидеть в англо-японском договоре 1902 г. антирусскую направленность, поддержку воинственных намерений Японии в отношении России.

Еще в начале 1902 г. японские дипломаты заявляли русским представителям о необходимости возобновить японо-

русские переговоры, начатые в 1901 г. в Петербурге Ито Хиробуми, которые, однако, не начинались в связи с подписанием англо-японского союзного договора. 11 февраля (30 января) 1902 г. японский посланник в Петербурге Курино, передавая министру иностранных дел России В.Н. Ламздорфу текст англо-японского союзного договора, от имени японского правительства заверил его в исключительно мирном характере договора, который «вовсе не имеет в виду нарушения в чем бы то ни было интересов России на Крайнем Востоке». При этом Курино «горячо ходатайствовал не прерывать тех переговоров в непосредственном между Россией и Японией соглашения, которые возбуждены были во время пребывания в Петербурге маркиза Ито»¹.

На другой день, 12 февраля (31 января) в Петербурге была получена телеграмма от посланника в Токио А.П. Извольского, в которой сообщалось, что в беседе с ним министр иностранных дел Японии Комура Дзютаро заявил, что «японское правительство считает только что подписанный договор [между Японией и Англией] вполне совместимым как с явной, так и с секретной частью существующих между Японией и Россией соглашений в Корее», и что, «по его мнению, новый договор отнюдь не препятствует Японии придти к соглашению с Россией по различным вопросам, касающимся Китая и Кореи, лишь бы соглашение это не противоречило провозглашенным в англо-японском договоре принципам открытых дверей и территориальной неприкосновенности и независимости этих двух империй»².

11 марта (26 февраля) 1902 г. в Петербурге получили еще одну телеграмму от А.П. Извольского, извещающую о том, что маркиз Ито, встретившись с ним после возвра-

¹ Проект секретной телеграммы д. с. с. Извольскому в Токио. С. Петербург, 31 января 1902 г. // АВПРИ. Ф. «Китайский стол». Оп. 491. Д. 37. Л. 34–41.

² Секретная телеграмма д. с. с. Извольского. Токио. 31 января (13 февраля) 1902 г. // Там же. Л.41.

щения из Англии в Японию, передал ему, что он лично доложил японскому императору все подробности происшедшего между ним и Ламздорфом в 1901 г. обмена мнениями, и что такое же подробное сообщение будет сделано на днях правительству. При этом Ито Хиробуми высказал надежду, что несмотря на англо-японский договор, начатые им в Петербурге частным образом переговоры приведут к непосредственному соглашению между Россией и Японией. Извольский ответил ему, что, не имея инструкций, не может выразить никакого мнения о том, возможно ли, при настоящих обстоятельствах, продолжение выше-сказанных переговоров, но что, имея в виду его обещание дать российскому министру иностранных дел окончательный ответ на препровожденную ему в Берлине записку, ему (Извольскому. – Б.П.) лично кажется, что во всяком случае «Япония должна со своей стороны сделать следующий шаг»³.

3 сентября (22 августа) 1902 г. японский посланник в Петербурге передал министру иностранных дел России новый проект соглашения с Россией по корейскому вопросу, явившийся, в сущности, простым развитием предложений, сделанных маркизом Ито в 1901 г. Устанавливая взаимную гарантию независимости и территориальной неприкосновенности и Китая, и Кореи (пункт 1-й), взаимное обязательство не пользоваться какой-либо частью корейской территории для военных или стратегических целей (пункт 2-й), проект Курино предоставлял Японии исключительные права в Корее и предусматривал прекращение всех прежних русско-японских соглашений (пункт 5-й), касавшихся Корейского полуострова. Признав преобладание японских интересов в Корее, Россия должна была обещать не вмешиваться ни в корейские дела, ни в действия япон-

³ Копия секретной телеграммы д. с. с. Извольского министру иностранных дел Ламздорфу. Токио, 26 февраля 1902 г. // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 134. Л. 134–135.

цев, касающиеся мирных интересов Кореи. Кроме того, Россия должна была официально признать следующие права Японии на Корейском полуострове:

1) свободу действий в развитии ее коммерческих и промышленных интересов;

2) право давать советы Корее и помогать ей в деле установления хорошей администрации (good government);

3) право присылать необходимое число войск, если восстание или внутренние беспорядки будут угрожать мирным сношениям Японии с Кореей, но под условием, что войска будут отозваны немедленно по исполнении ими своей задачи;

4) право содержать охранные войска и полицию, которая уже введена для охраны телеграфных линий и железных дорог (пункт 3-й).

Взамен Токийский кабинет готов был признать арендный договор на Квантунскую область и свободу действий России по охране ее железнодорожных прав и интересов в провинциях Маньчжурии (пункт 4-й)⁴.

Представляет интерес состоявшаяся в феврале 1903 года беседа Управляющего российской миссией в Сеуле Е.Ф. Штейна с японским посланником в Сеуле Хаяси Гонскэ, в ходе которой последний говорил о причинах, побудивших японское правительство предложить российскому правительству незамедлительно начать переговоры по корейским делам. «Единственное, – говорил он, – чего нам [Японии] не достает в Корее, это чувства полной уверенности, что мы в каждый, данный, и притом в самый неожиданный момент не получим какого-нибудь сюрприза от рук России. Из ста начинаемых здесь моими соотечественниками дел может оказаться одно, которое потерпит неудачу единственно благодаря вмешательству, влиянию или конкуренции России,

⁴ Перевод сообщения японского посланника от 23 августа 1902 г. // АВПРИ. Ф. «Китайский стол». Оп. 491. Д. 19. Л. .

которое это будет и в какой именно момент почувствуется рука России – угадать невозможно, но это именно и является достаточным, чтобы ввести в японскую предпринимательность в Корею элементы риска, в высшей степени для нас ощутительные и вполне объясняющие то нервное возбуждение, которое характеризует японское общественное мнение при известиях о малейшей деятельности России в Корею».

«Из этого основного положения, – писал в донесении Штейн, – Хаяси и продолжал свои выводы о необходимости прийти с Россией к такому компромиссу относительно взаимного положения наших государств на почве корейских дел, который, делая отношения эти вполне определенными и строго разграничивая сферы влияния каждой стороны, уничтожил бы во всех делах здесь Японии тот элемент риска и неопределенности, который мог бы в будущем сделаться источником самых нежелательных между нами недоразумений». Основанием же такого соглашения между Японией и Россией Хаяси Гонскэ предполагал выставить «принцип предоставления Японии в Корею таких же прав и преимуществ, какие получены Россией в Маньчжурии».

В заключение беседы Хаяси Гонскэ просил Штейна относиться к его заявлению как к частному, но в то же время сообщил, что высказанное им мнение служит «верным отголоском настроения как японского правительства, так и большинства влиятельных и благонамеренных государственных людей Японии». Такое заключение, сказал японский посланник, он вынес из бесед с маркизом Ито Хиробуми и министром иностранных дел Комурой Дзютаро⁵.

Японский проект был подвергнут тщательному обсуждению в Петербурге. Никто из лиц, посвященных в России

⁵ Донесение управляющего миссией в Сеуле Штейна министру иностранных дел Ламздорфу. Сеул, 8 февраля 1903 г. // АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 14. Л. 48–52.

в дела Дальнего Востока, и не думал отдавать Корею Японии. Сознывая, однако, всю трудность сдержать натиск Японии на Корейский полуостров, некоторые из этих лиц предполагали спасти Корею возобновлением переговоров о ее нейтрализации. Посланник в Токио Извольский, например, писал по этому поводу в записке о нейтрализации Кореи от 20 июля 1902 г.: «Комбинацией, заменяющей непосредственные соглашения Японии с Россией, которое является уже лишним после англо-японского договора, был бы проект нейтрализации Кореи под международной гарантией в той или другой форме. Сюда можно было бы привлечь третью державу, искренно желавшую целостности и независимости Кореи и притом внушающую в одинаковой степени России и Японии доверие и уважение, т. е. Соединенные Штаты»⁶.

Резкой критике подвергся японский проект соглашения в представленной министру иностранных дел 25 (12) сентября 1902 г. записке барона Р. Р. Розена, который в 1898 г., подписав с Ниси Токийский протокол, в конце 1899 г. покинул Токио, а затем был назначен посланником в Афины. В своей обширной записке Розен рассматривал вопрос об этом соглашении с трех сторон – с точки зрения русских интересов в Корее, с точки зрения тех же интересов в Маньчжурии и, наконец, с точки зрения общих политических интересов России в Европе и Азии. На каждый из этих вопросов барон Розен ответил отрицательно, т. е., что соглашение с Японией является для России совершенно бесполезным.

В записке Розена говорилось, что «помимо первых двух пунктов, касающихся взаимных обязательств для обеих сторон, казалось бы одинаково желательных, как проект Ито, так и новейший проект Курино содержат два совершенно

⁶ События на Дальнем Востоке, предшествовавшие Русско-японской войне (1891–1903 гг.). Часть II. Борьба России с Японией в Китае. Сост. Ген. Штаба Ген.-Майор Симанский. Изд. Военно-Исторической Комиссии по описанию Русско-японской войны под председ. Ген. Штаба Ген.-Майора Гурко. СПб., 1910. С. 209.

новых требования, а именно, требование о предоставлении Японии прав ввести в Корею и содержать там некоторые добавочное число воинских команд и требование об отмене всех прежде состоявшихся между обоими правительствами соглашений по корейскому вопросу, в числе которых есть одно для нас весьма важное, предоставляющее нам право содержать в Корее число войск, одинаковое с японскими». По поводу этих новых требований Розен писал, что если принять во внимание, что Япония уже содержит в Корее в разных пунктах, помимо полицейских команд, маленькие военные гарнизоны, общая численность которых доходит до 3 тысяч чел., нельзя не прийти к заключению, что «японское правительство, предъявляя подобное требование, имеет в виду иные цели, помимо обеспечения безопасности проживающих в Корее японцев и их законных интересов». Поэтому, считал Розен, России не желательно принять новые предложения Курино по Корее. По маньчжурскому вопросу Розен писал: «Как эквивалент же всего этого Курино ныне предлагает уже не признание Маньчжурии, стоящей совершенно вне сферы японских интересов (как то было нам предложено через мое посредство в Москве в марте 1898 г.), а просто – такое просто-таки признание положения, созданного нашим соглашением с Китаем об отдаче нам в арендное пользование части Ляодунского полуострова, в каковом признании со стороны Японии мы нисколько не нуждаемся».

«Спрашивается, – писал далее Розен, – к чему же мы будем делать Японии уступки больше, чем те, о которых была речь в переговорах с маркизом Ито». «Настоящее соглашение с Японией, – продолжал Розен, – не избавило бы нас от опасения вооруженного с ней столкновения. Япония ни в каком случае не откажется от своих притязаний на завладение Кореей. Не взирая ни на какие соглашения, она будет неизменно грозить России войной, пока мы

не разгромим ее или не получим подавляющего преобладания над нею в отношении наших военно-сухопутных и морских сил на Дальнем Востоке»⁷.

Несколько по-иному подходил к решению корейского и маньчжурского вопросов на переговорах с Японией российский поверенный в делах в Сеуле А.И. Павлов. Соглашаясь со взглядами барона Розена относительно «существующих наших политических и государственных задач на Дальнем Востоке», в записке, представленной министру иностранных дел 8 октября (25 сентября) 1902 г., защищая свой тезис о том, что «водворению нашему в Корею безусловно должно предшествовать завладение Маньчжурией», он писал: «Япония, которая, как известно всегда стремилась поставить Маньчжурский вопрос в непосредственную связь с корейским и обольщала себя надеждой обеспечить решение последнего в свою пользу в виде компенсации за водворение наше в Маньчжурию, нелегко примириться с таким оборотом дела, при коем свернутся к нулю все плоды ее предшествующей дипломатической компании. Едва ли подлежит также сомнению то, что Великобритания в качестве союзницы Японии и будучи заинтересована в создании нам всевозможных преград на Дальнем Востоке, станет в этом случае (продолжении оккупации русскими войсками Маньчжурии. – Б.П.) всецело на сторону Японского правительства». «Это обстоятельство, – продолжал Павлов, – ставит вопрос, не могла бы своевременная, отвечающая современному положению вещей политическая сделка непосредственно между нами и Японией на почве каких-либо более или менее существенных уступок последней в корейском вопросе, каковую комбинацию барон Розен признает столь нежелательной для нас и ненужной, – оказаться, напротив, вовсе бесполезной, как временный компромисс, могу-

⁷ Записка, представленная д.с.с. бароном Розеном. С. Петербург, 12 сентября 1902 г. // АВПРИ. Ф. «Китайский стол». Оп. 491. Д. 36. Л. 8–11.

щий предотвратить упомянутые затруднения или обеспечить выход из них». Лично Павлов думал, что «если путем некоторых таких уступок, кои представляя достаточное удовлетворение японскому национальному самолюбию, в то же время не исключали бы возможности и окончательного в будущем решения судьбы Кореи в согласии с нашими собственными государственными интересами, – нам удалось бы обеспечить для себя полное невмешательство Японии в нашу политику по отношению к Маньчжурии, хотя бы на то время, которое нам необходимо для осуществления наиболее настоятельных наших задач в этой области, то таковой результат можно будет считать скорее выгодным и желательным».

Что касается японских предложений в целом, то Павлов полагал, что они могут быть «удобным поводом и исходной точкой для начала переговоров» и что самому уже соглашению желательно «придать смысл не совершенно новой политической комбинации, отменяющей все прежние соглашения наши относительно Кореи, но лишь дополнения и предусмотренного прежними соглашениями развития их, по преимуществу в отношении тех постановлений, кои касаются вмешательства во внутренние дела Кореи... В этом отношении без всякого ущерба для наших реальных государственных интересов мы могли бы предоставить Японии свободу, допустив участие ее в организации и контроле всех отраслей внутреннего управления Кореи, не исключая финансовой и военной части, и признав, в случае необходимости, за Японией право обеспечить в ее пользу те или другие исключительные преимущества в деле устройства и эксплуатации корейских железнодорожных, почтовых и телеграфных сообщений. Взамен этого мы со своей стороны должны будем выговорить себе со стороны Японии, кроме секретного обязательства относительно полного невмешательства в наши дела в Маньчжурии, еще какое-либо соот-

ветствующее явное обязательство на почве наших взаимных отношений в Корею»⁸.

Подводя итоги вышеизложенному, можно заключить, что Павлов признавал безусловно необходимым вести переговоры с Японией для заключения с ней соглашения. В обмен на некоторые уступки в корейском вопросе Россия обеспечила бы себе невмешательство Японии и свободу действий в Маньчжурии.

Записки Р.Р. Розена и А.И. Павлова министр иностранных дел В.Н. Ламздорф передал для замечания министру финансов С.Ю. Витте, который был горячим сторонником соглашения с Японией. Последний 10 января 1903 г. (28 декабря 1902 г.) передал Ламздорфу письмо, где высказал свое мнение относительно вышеприведенной записки Павлова и подверг резкой критике доводы барона Розена⁹. Он писал, что активная политика России на Дальнем Востоке, рекомендуемая Розеном, «будет иметь для России крайне гибельные последствия» и что «при настоящем общем положении дел как внутри России, так и в сфере международных отношений, столкновение с Японией необходимо во что бы то ни стало отсрочить по крайней мере еще лет на десять». «Основной вопрос, – писал Витте, – заключается в том, желательно и необходимо ли с точки зрения интересов России заключить ныне соглашение с японским правительством, в котором мы признавали бы за японцами в Корею те или иные права и льготы, не идущие вразрез с задачами русского государства на Дальнем Востоке, но в то же время могущие считаться в глазах японцев серьезным шагом на пути к прочному утверждению их владычества в Корею»¹⁰.

⁸ Записка, представленная ст. сов. Павловым. С. Петербург, 25 сентября 1902 г. // Там же. Л. 22, 25–27.

⁹ Весьма доверительное письмо министра финансов к министру иностранных дел от 28 декабря 1902 года № 558 // ГАРФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 46. Л. 1–30 об.

¹⁰ Там же. Л. 7 об.

Отвечая на этот вопрос, С.Ю. Витте указывал на необходимость иметь в виду, что рекомендуемая Розеном активная политика, во-первых, угрожает «нам опасными последствиями в восточной Азии», во-вторых, ослабит «наше положение на Западе и Ближнем Востоке, чем легко могут воспользоваться наши недоброжелатели» в-третьих, «ведение активной политики в Восточной Азии ляжет тяжелым бременем на население центральных губерний империи и приведет это население к материальному упадку». Витте уверял, что России, для того чтобы избежать этих последствий, необходимо обеспечить мир на Дальнем Востоке путем установления мирных отношений с Китаем путем очищения в установленные сроки Маньчжурии от русских войск, возвращения китайцам телеграфных линий, торговых помещений, занятых войсками, предоставления китайским властям фактической возможности управлять страной и бороться с разбойническими шайками и проч. Для сохранения же мирных отношений с Японией Витте предлагал:

«Обеспечить себя, хотя бы временно, от возможных осложнений с Японией нам предоставляется в настоящее время удобный случай: ввиду предложения самого японского правительства заключить соглашение по корейскому вопросу. Я не считал бы целесообразным заключить это соглашение именно на предложенных Японией условиях, но думаю, согласно с мнением стат[ского] сов[етника] Павлова, что, вступив лично в переговоры с японским правительством, нам можно будет придти с ним по корейским делам к такому компромиссу, который, не лишая нас возможности окончательно решить в будущем судьбу Кореи в согласии с нашими государственными интересами, в то же время представил бы достаточное удовлетворение национальному самолюбию японцев, дав им возможность рассматривать сделанные нами уступки, как серьезный их шаг на пути к прочному утверждению японского владычества на Корей-

ском полуострове. Равным образом, в согласии с взглядом, высказанным стат[ским] сов[етником] Павловым, я полагаю, что в своих уступках Японии мы могли бы, без ущерба для наших существенных интересов пойти довольно далеко, предоставить, например, японцам принять некоторое участие в делах внутреннего управления Кореи, не исключая финансовой и военной частей, и приобретать там в свою пользу разные исключительные преимущества торгово-промышленного характера»¹¹.

Однако, несмотря на приведенные авторитетные предложения и доводы С.Ю. Витте, предложения, сделанные Японией, не были приняты. К тому же в конце 1902 – начале 1903 г. в дипломатических сферах власти в Петербурге стал обсуждаться вопрос о включении в проект соглашения с Японией условия о нейтрализации Корейского пролива. Переговоры с Японией затягивались и дотянулись до начала 1903 г.

В такой обстановке 24 (11) января 1903 г. состоялось Особое совещание при министерстве иностранных дел, на котором кроме вопроса относительно дальнейшей эвакуации русских войск из Маньчжурии, произошел обмен мнениями по вопросам об отношениях к Японии, а именно: «2) каким путем возможно обеспечить столь желательные для России дружественные отношения к Японии и необходимо ли в этих видах заключение с ней нового соглашения по корейским делам; 3) какого образа действий следует держаться России в Корее». При обмене мнениями выяснилось, что соглашение с Японией желательно, «хотя бы в видах обеспечения спокойствия на то время, пока мы окончательно не устроимся в Порт-Артуре, не оборудуем Сибирскую магистраль и вообще не станем более твердой ногой на берегах Тихого океана». Тут же был высказан взгляд, сохраненный русским правительством и впоследствии в его последних перегово-

¹¹ Там же. Л. 30–30 об.

рах с Японией: Маньчжурский вопрос не может быть поставлен на один уровень с Корейским и Россия не может допустить вмешательства Японии в русское непосредственное дело с Китаем. Другими словами, совещание пришло к заключению: Россия не может уступить Корею Японии в вознаграждение за Маньчжурию, но может лишь сделать ей некоторые уступки на почве корейского вопроса, сохраняя за собой известные права на Корейском полуострове.

Совещание пришло к следующему заключению по корейскому вопросу:

«2. В целях поддержания дружественных отношений с Японией и если бы обстоятельства того требовали, возможно уговориться с нею по корейскому вопросу, но лишь при условии, чтобы новое соглашение явилось дополнением и развитием ныне существующих, которые должны сохранить свою силу.

3. За основание русской политики в Корее должен быть принят принцип целостности и неприкосновенности соседней империи с тем, чтобы уступки, кои, во внимание к политическим требованиям более общего свойства, могут быть сделаны Россией интересам Японии на соседнем полуострове, ни в чем не предreshали разрешения по “существу” корейского вопроса»¹².

Вопросы об отношениях России к Японии были вновь более подробно рассмотрены 7 февраля (25 января) 1903 г. на Особом совещании, которое также состоялось в министерстве иностранных дел. На совещании, которое проходило под председательством министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа, участвовали: министр финансов С.Ю. Витте, управляющий морским министерством П.П. Тыртов, князь Оболенский-Нелединский-Мелецкий, военный министр А.Н. Куропаткин, старший советник министерства иностран-

¹² Журнал совещания 11 (24) января 1903 г. // АВПРИ. Ф. «Китайский стол». Оп. 491. Д. 41. Л. 17–19.

ных дел Аргиропуло, Чрезвычайный посланник и Полномочный министр в Китае П. М. Лессар.

Совещание установило, что после заключения соглашений 1896 и 1898 годов Япония неоднократно возбуждала вопрос о дополнении и изменении означенных соглашений и «особенно настойчиво делала к сему попытки в последние годы, намекая даже на то, что, в случае представления ей новых преимуществ в Корее, она была бы готова отказаться от всякого вмешательства в нашу деятельность на Квантуне и в Маньчжурии. Представленные при этом Японией притязания в отношении корейских дел представлялись, однако же, столь чрезмерными, что русское правительство не считало возможным согласиться на просимые уступки, ввиду весьма серьезного значения, которое в будущем Корея должна неминуемо иметь для русских государственных интересов».

В своем выступлении на совещании С. Ю. Витте высказал мнение, что в будущем в соглашение с Японией необходимо включить и вопрос о нейтрализации Корейского пролива, на что военный министр генерал-адъютант Куропаткин заметил, что считает таковое условие уже обеспеченным ввиду выраженной японцами готовности установить взаимное между Россией и Японией обязательство не пользоваться территорией Кореи для военных или стратегических целей. С этим мнением согласился и управляющий морским министерством, но он, однако, указал, что необходимо избегать таких уступок Японии, которые могли бы быть использованы в смысле признания Россией за Японией открытого преобладающего положения. При этом Тыртов обратил внимание участников совещания на постоянно высказываемое японцами не только недоверие, но и враждебное отношение к русским морякам.

«С особенной силой, – говорил он, – таковой вызывающий их образ действий в корейских водах, где они весьма

ревниво следят за деятельностью русских, опасаясь преследования нами завоевательных целей на корейском побережье. Между тем открытые для японцев порты на полуострове не могут считаться недоступными для русских судов, и мы не должны быть стеснены в пользовании приобретенными нами правами, как, например, стоянкой в Масанпо (Масанпхо. – Б.П.), которая имеет большое значение ввиду некоторых присущих портам Квантунского (Ляодунского. – Б.П.) полуострова недостатков и необходимость в зимнее время производить морские учения, в более подходящих климатических условиях»¹³.

Посланник в Токио барон Розен указывал на «необходимость для нас избежать, в течение ряда лет, всякого риска вооруженного столкновения с Японией». «Оставляя в стороне, – говорил он, – вопрос о неизбежности такого столкновения в случае, если мы очутимся в вооруженной борьбе с европейской коалицией, в которую входила бы союзница Японии – Англия, оставляя также в стороне вопрос о возможности столкновения с Японией из-за маньчжурского вопроса, весьма к тому же невероятного ввиду начатой эвакуации Маньчжурии, нельзя, однако, не признать, что риск вооруженного столкновения с Японией на почве корейского вопроса действительно существует. Такое столкновение могло бы быть вызвано либо попыткой японцев завладеть Кореей или каким-либо пунктом на ее территории, как, например, портом Масанпо... В этом отношении от нас будет зависеть – избежать этой опасности или же пойти на этот риск»¹⁴.

«Нельзя же, – продолжал Розен, – закрывать глаза на тот несомненный факт, что обострение наших отношений, громадные японские вооружения и возникновение англо-японского союза находятся в причинной связи с враждеб-

¹³ Журнал Особого совещания 7 февраля (25 января) 1903 г. // Красный архив. Т. 23 (52), 1932. С. 110–115.

¹⁴ Там же.

ным Японии направлением, принятым нашей политикой в 1896 году, и с нашими преждевременными начинаниями в Корее, ныне отчасти оставленными, к которым нельзя не причислить и приобретения большого земельного участка в Масанпо, под разными более или менее призрачными предложениями, и состоявшееся в последнее время решение устроить также угольную станцию и стоянку эскадры для военных укреплений... Подобные меры подрывают, таким образом, доверие к искренности наших заявлений и, находясь в противоречии с нынешними желаниями императорского правительства достигнуть возможного полного дружественного соглашения с Японией, создают такой политике немаловажные затруднения»¹⁵.

Последним на совещании выступил министр иностранных дел, который отметил «полное единомыслие членов совещания относительно желательности соглашения с Японией на почве наиболее интересующего ее корейского вопроса». Соглашаясь с тем, что последние предложения токийского правительства, переданные Курино, «хотя и не могут быть приняты целиком, ввиду скрывающейся за ними цели Японии обеспечить за собой полное хозяйничанье в Корее, но представляют известную почву для дальнейших переговоров», Ламздорф полагал, однако, предпочтительным воздерживаться пока от таковых переговоров, чтобы не дать японцам повода предполагать о настоящем желании России прийти к соглашению с Японией. Для достижения наилучших результатов, полагал министр, целесообразнее «ожидать от токийского правительства почина в возобновлении переговоров, хотя бы и принимая исходной базой для них последние японские предложения». Совещание согласилось с таким предложением министра иностранных дел¹⁶.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

В промежутке между двумя Особыми совещаниями при министерстве иностранных дел было принято решение о назначении вновь посланником в Токио Р. Розена. В инструкции, данной барону Розену 30 (17) января 1903 г. при его назначении посланником в Токио, Ламздорф, упоминая о целом ряде безуспешных попыток, сделанных Японией за последние пять лет с целью заменить прежние русско-японские соглашения относительно Кореи новыми, ставил вопрос: «Можем ли мы при таковых условиях продолжать уклоняться от заключения с Японией нового соглашения», не представляется ли желательным ныне же прийти с Японией к какому-либо компромиссу по корейским делам путем некоторых уступок, кои, предоставляя достаточные удовлетворение японскому национальному самолюбию в то же время не исключали бы возможности в будущем окончательного решения судьбы Кореи в согласии с нашими государственными интересами». Посланнику поручалось по своем приезде к месту назначения собрать данные по этим вопросам.

«Если вообще соглашение представится достижимым, – говорилось далее в инструкции, – то, казалось бы, что всего желательнее придать оному не характер какой-либо совершенно новой политической комбинации, отменяющей все наши предшествующие сделки по корейскому вопросу, а скорее вид дополнения либо предусмотренного этими прежними соглашениями развития их, особенно в отношении тех постановлений, которые касаются права вмешиваться Японии во внутренние дела Кореи». «Можно предоставить широкую свободу Японии в организации и контроле всех отраслей внутреннего управления Кореи с обеспечением в ее пользу прав на устройство и эксплуатацию корейских железнодорожных, почтовых и телеграфных сообщений. Взамен этих уступок, помимо признания уже за Россией прежними соглашениями прав содер-

жать в Корею одинаковое с Японией количество войск, мы могли бы настоять на следующих требованиях:

1. Взаимное обеспечение независимости Кореи и целостности территориальных владений;

2. Сохранение второго пункта предложенного как маркизом Ито и г. Курино проекта соглашения, касающегося «взаимной гарантии России и Японии не пользоваться какой-либо частью корейской территории для военных или стратегических целей».

3. Обязательство со стороны Японии не создавать никаких укреплений фортов, батареи и т. п. ни на японском острове Цусима, ни на корейском южном побережье, дабы дать возможность судам всех флотов беспрепятственно двигаться по Корейскому проливу.

4. Обязательство Японии не создавать ни прямых, ни косвенных затруднений в деле осуществления Россией предстоящих ей задач в пределах Маньчжурии и северного Китая».

Почин же в возбуждении новых переговоров, говорилось далее в инструкции, должен принадлежать во всяком случае не русскому правительству. Факт неоднократного за последние годы обращения к России токийского правительства с предложением пересмотреть прежние соглашения о Корее дает основание предполагать, что Япония воспользуется первым же удобным случаем, дабы вернуться к этому предмету. Исходной точкой предполагаемого обмена мнений с японским правительством могла бы служить промемория, переданная Ламздорфом маркизу Ито. Самые же переговоры удобнее всего было бы вести в Токио, где представилась бы возможность привлечь к участию в подготовительной работе и маркиза Ито, убежденного сторонника русско-японского соглашения¹⁷.

¹⁷ Проект инструкции д. с. с. барону Розену с пометой царя «Согласен». С. Петербург, 17 января 1903 г. // АВПРИ. Ф. «Китайский стол». Оп. 491. Д. 41. Л. 24–32 и др.

Министр иностранных дел России придерживался того взгляда, что переговоры с Японией необходимы для России. Но он считал, что первый шаг в этом направлении должна сделать Япония, ибо почин со стороны России может создать в Японии мысль о ее слабости и побудит Японию в ходе переговоров к еще большим требованиям. «Мне кажется, – писал Ламздорф российскому посланнику Розену, – совершенно необходимым предоставить Японии роль державы, ищущей соглашения»¹⁸. При таких обстоятельствах барон Розен только в июле, после долгих переговоров с японским министром иностранных дел, извещал Петербург, что японскому посланнику в Петербурге предписано обратиться к русскому министру иностранных дел со словесной нотой, предлагающей правительству «приступить сообща с японским к совместному изучению всех вопросов, интересующих обе империи на Дальнем Востоке в видах достижения дружественного, удовлетворительного для обеих сторон соглашения»¹⁹.

Действительно, 31 (18) июля Курино передал Ламздорфу такую ноту, заявив при этом (по словам Курино):

«Положение дел на Дальнем Востоке все более и более усложняется и если теперь не сделать чего-либо дабы устранить всякую причину недоразумений между Японией и Россией, то отношения между обеими странами станут все более затрудняться, создавая лишь ущерб обеим странам. При таких обстоятельствах императорское правительство, вполне проникнутое духом откровенности и примирительности, решило вступить в переговоры, с целью прийти с ним к соглашению. В случае принятия императорским российским правительством предложений Токийского кабинета, Курино будет уполномочен вступить в эти пере-

¹⁸ Секретная телеграмма Бар. Розена. Токио, 2/15 июля 1903 г.// АВПРИ. Ф. «Китайский стол». Оп. 491. Д. 42. Л. 4 об.

¹⁹ Секретная телеграмма Бар. Розена. Токио, 17/30 июля 1903// АВПРИ. Ф. «Китайский стол». Оп. 491. Д. 42. Л. 28.

говоры». Когда Ламздорф выслушал ноту, Курино выразил ему «свою пламенную надежду, что русское правительство в том же духе разделит вышеизложенный взгляд».

Ламздорф заметил, что все предшествующие попытки Японии в том же направлении, по-видимому, не достигли своей цели исключительно ввиду существования англо-японского договора, до известной степени связывающего свободу действий токийского кабинета. На это Курино, по поручению своего правительства, дал самые положительные заверения, что указанный договор не может служить препятствием в данном случае и что токийский кабинет считает себя вполне свободным войти в любое соглашение с Россией по делам Крайнего Востока.

Далее, согласно Всеподданнейшей записке министра иностранных дел от 24 (11) июля 1903 г., Ламздорф обещал Курино доложить обо всем императору, заметив при этом, что, по его (Ламздорфа) мнению, «исходной точкой для предполагаемых переговоров могла бы послужить промемория, переданная в свое время маркизу Ито».

В этой же записке Ламздорф просил у Николая II разрешения предупредить Курино, что переговоры с японским правительством предпочтительно сосредоточить не в Петербурге, а в Токио, чтобы ускорить сношения барона Розена с наместником на Дальнем Востоке генерал-адъютантом Алексеевым, которым поручено вести переговоры с Японией²⁰.

8 августа (23 июля) 1903 г. В. Н. Ламздорф сообщил Курино, что он (Ламздорф) уполномочен государем императором вступить в переговоры с японским посланником по предмету словесной ноты. Курино ответил, что Япония вполне оценивает «дух дружественности», с каким русское правительство приняло предложение вступить в пере-

²⁰ Всеподданнейшая записка министра иностранных дел Ламздорфа. С. Петербург, 11 июля 1903 г. // АВПРИ. Ф. «Китайский стол». Оп. 491. Д. 39. Л. 5–6.

говоры относительно соглашения по корейским делам, а 12 августа (30 июля) 1903 г. вручил Ламздорфу следующий проект соглашения, предложенный Японией:

«1. Взаимное обязательство уважать независимость и территориальную неприкосновенность Китайской и Корейской империй и поддерживать начало равного благоприятства для торговли и промышленности всех наций в этих странах.

2. Обоюдное признание преобладающих интересов Японии в Корее и специальных интересов России в железнодорожных предприятиях в Маньчжурии, и права Японии принимать в Корее и права России принимать в Маньчжурии такие меры, какие могут оказаться необходимыми для охраны их соответственных, выше определенных, интересов, подчиненных, однако, постановлениям первой статьи настоящего соглашения.

3. Взаимное обязательство со стороны России и Японии не препятствовать развитию таких промышленных и торговых действий, соответственно: Япония в Корее, а Россия – в Маньчжурии, которые не противоречат постановлениям первой статьи настоящего соглашения.

Дополнительное обязательство со стороны России не мешать могущему быть продолжению Корейской железной дороги в Южную Маньчжурию на соединение с Восточно-Китайской и Шанхайгуань-Ньючжуанской линиями.

4. Взаимное обязательство, что в случае необходимости для Японии послать войска в Корею, а для России – Маньчжурию, с целью или охраны интересов, упомянутых в статье 22-й настоящего соглашения, или подавления восстания или беспорядков, рассчитанных на создание международных соглашений, отправленные таким образом войска не будут ни в каком случае превосходить число, действительно потребное, и затем отзовутся, как только выполнят свое назначение.

5. Признание со стороны России исключительного права Японии подавать советы и помощь Корее в интересах реформ и доброго управления, включая сюда и необходимую военную помощь.

6. Настоящее соглашение должно заменить все прежние соглашения между Россией и Японией относительно Кореи»²¹.

На Всеподданнейшей записке Ламсдорфа от 12 августа (30 июля) 1903 г., поданной царю в связи с получением от Курино японского проекта соглашения, Николай II сделал помету:

«Некоторые пункты вовсе не приемлемы. Видна та же склонность Японии во всем стараться связать Россию, почти ничем не обязываясь со своей стороны».

По словам русского военного агента в Японии полковника Самойлова, приведенные условия проекта соглашения вырабатывались японским правительством совместно с английским посланником в Токио. Самойлов отмечал также, что на этот раз «японцы решили твердо поставить свои требования и добиваться желаемого». А в телеграмме Ламсдорфу от 3 сентября (21 августа) 1903 г. Розен по этому поводу сообщал: «Самый факт предъявления нам заведомо недопустимых для нас предложений в связи с весьма притязательным нетерпением, проявленным японским правительством, придает, мне кажется, этому шагу, скорее характер чего-то вроде приготовления к предъявлению ультиматума»²².

Такая решимость, по мнению Розена, была вызвана «нашим Ялуцзянским предприятием и возникшим на той же почве вопросом об устройстве русского поселка в Ионампо

²¹ Японская белая книга. Маньчжурия и Корея. Издание канцелярии Особого комитета Дальнего Востока. СПб., 1904. С. 173–174; События на Дальнем Востоке, предшествовавшие Русско-японской войне. Часть III. Последний год перед войной. С. 153.

²² Секретная телеграмма барона Розена. Токио, 21 августа (3 сентября 1903 г.) // АВПРИ. Ф. «Китайский стол». Оп. 491. Д. 42. Л. 68.

(Ёнампхо. – Б.П.). В этих явлениях японцы видели с нашей стороны попытку обеспечить себе, под видом частного промышленного предприятия, базу на корейском берегу Ялу. Так как для предъявления нам прямого протеста японское правительство не имело за собой никакой законной почвы, то оно и решило поднять все дело о наших отношениях к Корее, связав его с вопросом маньчжурским. Являясь в последнем вопросе как бы поборником и англо-американских интересов, Япония всегда могла найти некоторую, хотя бы нравственную поддержку Англии и Америки. Японцы, очевидно, надеялись добиться от нас, во-первых, отмены весьма стеснительных для них соглашений, в особенности, Московского протокола, во-вторых, признания за ними безусловной свободы действий в Корее и, в третьих, признания нами их прав на вмешательство в маньчжурский вопрос, причем мы должны были принять на себя перед Японией различные стесняющие для нас обязательства»²³.

5 сентября (23 августа) 1903 г. Ламздорфа посетил Курино с заявлением, что японское правительство желало бы ныне же знать, считает ли возможным русское правительство «принять, по крайней мере, в принципе, за основу предстоящих переговоров те предложения», которые им были переданы 12 августа. Ламздорф ответил, что японские предложения едва ли могут быть приняты «основой переговоров, предметом коих должны служить также и условия, поставленные Россией»²⁴.

Передавая проект соглашения Ламздорфу, Курино заявил, что проект представляется русскому правительству в твердой уверенности, что он послужит основанием для

²³ Из депеши Розена от 23 августа (4 сентября) 1903 г. // События на Дальнем Востоке, предшествовавшие Русско-японской войне. Часть III. Последний год перед войной. С. 155.

²⁴ Проект секретной телеграммы барону Розену в Токио от 25 августа (5 сентября) 1903 г. // АВПРИ. Ф. «Китайский стол». Оп. 491. Д. 42. Л. 77.

составления удовлетворительного соглашения между двумя правительствами. При этом японский посланник заверил русского министра, что «всякое изменение или указание, какое тот сочтет необходимым предложить, встретит немедленное и дружественное рассмотрение японского правительства».

По ознакомлении с проектом Ламздорф не скрыл от Курино, что при всем желании прийти к дружественному соглашению с Японией едва ли будет признано возможным принять некоторые условия представленного им проекта, в особенности же ст. 3, касающуюся железных дорог в пределах Маньчжурии. Затем между Ламздорфом и Курино был подвергнут обсуждению вопрос о перенесении переговоров в Токио. Такая постановка вопроса о месте проведения переговоров сначала встретила сопротивление со стороны японского правительства, но в конечном счете оно согласилось вести переговоры в Токио. Таким образом, всю тяжесть предстоящих переговоров Ламздорфу удалось передать наместнику на Дальнем Востоке и российскому посланнику в Токио, которым из Петербурга поручалось составление русских контрпредложений в ответ на японские и ведение дальнейших переговоров с японским правительством, хотя в действительности Ламздорф в ходе переговоров, особенно на их заключительном этапе принимал все большее и большее участие и были случаи, когда он прямо передавал Розену окончательные указания, сообщая о них генерал-адъютанту Алексееву.

Обсудив японский проект соглашения, в министерстве иностранных дел России обратили внимание на то, что японская сторона в обмен на установление преобладающего влияния Японии в Корее признает за Россией лишь ее специальные интересы в железнодорожном деле в Маньчжурии и к тому же предлагает соединение Корейской железной дороги с КВЖД, если со временем эта дорога

будет доведена до р. Амноккан. Тем самым Япония поставила перед собой задачу отменить стеснительные для себя статьи прежних соглашений, особенно Московского протокола 1896 г., добиться признания свободы действий Японии в Корее и признания Россией прав Японии вмешиваться в дела Маньчжурии. В МИД России решили предложить подписать соглашение только по корейскому вопросу, полагая, что Япония должна признать Маньчжурию стоящей вне сферы ее влияния.

Резко отрицательную характеристику проекта Курино дал наместник на Дальнем Востоке генерал-адъютант Алексеев. Он доносил императору в своей всеподданнейшей телеграмме от 25 (12) сентября 1903 г.: «Японский проект выказал совершенно недопустимую притязательность, отнимавшую возможность притти с Японией на этих основаниях к соглашению. Для нас единственным основанием для соглашения могло бы служить только признание Японией Маньчжурии, стоящей всецело вне сферы ее интересов». Вместе с тем наместник указал и на тот способ действий, который он признавал наилучшим при наших переговорах с японским правительством. «Ожидать успеха в предстоящих переговорах с Японией, – писал Алексеев, – возможно лишь при условии, если посланнику будет предоставлено с полной ясностью дать понять японскому правительству, что права и интересы свои в Маньчжурии Россия намерена отстаивать если потребуется, вооруженной рукой»²⁵.

3 октября (20 сентября) 1902 г. Р. Розен вручил Комуре Дзютаро утвержденные императором встречные предложения русского правительства, выработанные им и генерал-адъютантом Алексеевым:

²⁵ Документы по переговорам с Японией 1903–1904 гг., хранящиеся в канцелярии Особого комитета Дальнего Востока (Документы Особ. Ком. Дальн. Востока). СПб., 1906. С. 20; События на Дальнем Востоке, предшествовавшие Русско-японской войне. Часть III. Последний год перед войной. С. 155.

«1. Взаимное обязательство уважать независимость и территориальную неприкосновенность Корейской империи.

2. Признание Россией преобладающих интересов Японии в Корее и права Японии подавать советы и помощь Корее, в видах улучшения гражданского управления империи, без нарушения постановлений статьи 1-й.

3. Обязательства со стороны России не мешать торговым и промышленным предприятиям Японии в Корее и не противодействовать никаким мерам, принимаемым с целью их охраны, пока эти меры не нарушают постановлений статьи 1-й.

4. Признание права Японии посылать для той же цели войска в Корею с ведома России, однако число их не должно превосходить действительно потребного, и с обязательством для Японии отзывать эти войска, как скоро они выполнят свое назначение.

5. Взаимное обязательство не пользоваться никакой частью корейской территории для стратегических целей и не предпринимать на берегах Кореи никаких военных работ, могущих угрожать свободе плавания в Корейском проливе.

6. Взаимное обязательство считать часть территории Кореи, лежащую к северу от 39-й параллели, нейтральной полосой, в которую ни одна из договаривающихся сторон не должна вводить войска.

7. Признание Японией Маньчжурии и ее побережья во всех отношениях вне сферы ее влияния.

8. Настоящее соглашение должно заменить все прежние соглашения между Россией и Японией относительно Кореи»²⁶.

Изучение русских ответных условий соглашения показывает, что русское правительство принимая японское пред-

²⁶ Министерство Иностранных дел. Обзор сношений с Японией по корейским делам с 1895 года. СПб.: Типография В. Ф. Киршбаума, 1906. С. 22–24; События на Дальнем Востоке, предшествовавшие Русско-японской войне. Часть III. Последний год перед войной. С. 158–159.

ложение об отмене всех прежних русско-японских соглашений по корейскому вопросу и признавая за Японией преобладание ее интересов в Корее и ее право давать Корее советы и помощь, в то же время стремилось не допустить предоставления Японии такой свободы действий в Корее, которая позволила бы ей превратить Корейский полуостров в стратегическую базу для военных и морских действий против самой России. А в том, что Япония действительно готовится к обширным военным предприятиям на материке, доносили в Петербург русские морские и военные агенты. Поэтому, признавая право Японии посылать войска в Корею для охраны своих коммерческих и промышленных интересов (пункт 3 русских контрпредложений), русское правительство стремилось в то же время ограничить новым соглашением численность этих войск и время пребывания их в Корее действительно в том необходимости. Далее русские контрпредложения предусматривали обязательство со стороны Японии не пользоваться никакой частью Корейского полуострова для стратегических целей и не воздвигать на корейских берегах сооружений, могущих угрожать свободе плавания в Корейском проливе. Наконец, ввиду явных приготовлений Японии к отправлению в Корею значительных войсковых частей, желая устранить возможность какого бы то ни было столкновения между вооруженными силами России и Японии на корейской территории, русские контрпредложения предлагали Японии установление на севере Кореи, в пределах области, непосредственно граничившей как с русскими тихоокеанскими владениями, так и с Маньчжурией, нейтральной зоны, в которую ни Россия, ни Япония не имели бы права вводить свои войска.

Но главная разница между японскими и русскими предложениями заключалась в том, что японцы в статьях 1, 2, 3 и 4 своего проекта одинаково говорили как о своих пра-

вах и интересах в Корее, так и о русских правах и интересах России в Маньчжурии. В русском же проекте соглашения говоря об отказе России в конце концов от Кореи, упоминалось лишь об одной Корее, считая, что вопрос о Маньчжурии должен быть предметом соглашения не между Россией и Японией, а между Россией и Китаем. Поэтому статья 7-я русского проекта предлагала Японии признать эту область и ее побережье вне сферы японских интересов.

Когда Комуре Дзютаро был представлен проект русских контрпредложений, он на первых двух совещаниях с Розеном отказывался рассматривать предложенные Россией условия касательно Кореи, настаивая на предварительном решении принципиального разногласия относительно связи между маньчжурским и корейским вопросами в смысле японских предложений. На третье совещание Комура явился с русским контрпредложением, отметив, что «японское правительство вполне оценило выразившееся в этих предложениях намерение императорского правительства дать удовлетворение интересам Японии в Корее, но что Япония имеет интересы и в Маньчжурии, от которых она отказаться не может и потому надеется на возможность достижения какого-нибудь компромисса»²⁷.

5 октября (22 сентября) 1903 г. русский проект был рассмотрен на совещании министров в Токио, а 8 октября (23 сентября) начались переговоры между российским посланником в Токио Р. Розеном и министром иностранных дел Японии Комурой Дзютаро. Переговоры велись на основе сделанных обоими государствами предложений. 30 (17) октября 1903 г. Комура Дзютаро препроводил Р. Розену окончательные поправки к русским встречным предложениям. Они заключали в себе следующие статьи:

²⁷ Донесение российского посланника в Токио барона Розена министру иностранных дел Ламздорфу. Токио, 19 октября (1 ноября 1903 г. // АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 908. Л. 91–92.

«1. Взаимное обязательство уважать независимость и территориальную неприкосновенность Китайской и Корейской империй.

2. Признание Россией преобладающих интересов Японии в Корее и права Японии оказывать помощь и подавать Корее советы – включая сюда и военную помощь, направленную к усовершенствованию управления Корейской империей.

3. Обязательство со стороны России не препятствовать развитию коммерческой и промышленной деятельности Японии в Корее, а равно принятию каких бы то ни было мер, имеющих целью защиту этих интересов.

4. Признание Россией права Японии посылать войска в Корею для указанной в предыдущей статье цели, а равно и для подавления восстаний или беспорядков, могущих создать международные осложнения.

5. Обязательство со стороны Японии не предпринимать на берегах Кореи никаких военных сооружений, способных угрожать свободе плавания в Корейском проливе.

6. Взаимное обязательство установить на Корейско-Маньчжурской границе нейтральную зону шириной в 50 километров в каждую сторону, в какую зону ни одна из договаривающихся сторон не будет вводить войска без взаимного согласия.

7. Признание Японией, что Маньчжурия находится вне сферы ее специальных интересов, и признание Россией, что Корея находится вне сферы ее специальных интересов.

8. Признание Японией специальных интересов России в Маньчжурии и права России принимать меры, которые могли бы быть необходимы для охраны оных.

9. Обязательство со стороны Японии не посягать на права и преимущества касательно торговли и поселения, принадлежащие России в силу ее договорных обязательств с Кореей, и обязательство со стороны России не посягать

на права и преимущества касательно торговли и поселения, принадлежащие Японии в силу ее договорных обязательств с Китаем.

10. Взаимное обязательство не препятствовать соединению Корейской и Восточно-Китайской железных дорог, когда эти дороги будут доведены до Ялу.

11. Настоящее соглашение заменит все прежние соглашения между Японией и Россией касательно Кореи»²⁸.

Разница между русскими предложениями, вынесенными на рассмотрение японского правительства 3 октября 1903 г. и новыми японскими предложениями заключалась в следующем:

1. В пункте 1 Япония настаивала на независимости и территориальной неприкосновенности не только Корейской, но и Китайской империи, втягивая, таким образом, в соглашение и вопрос о Маньчжурии, на котором Россия всегда настаивала, что этот вопрос касается исключительно России и Китая и не допускала вмешательства со стороны какого-либо другого государства.

2. В пункте 4 Япония отвергла выдвинутые Россией предложения об ограничении числа вводимых в Корею японских войск и времени их пребывания там, а в пункте 5 отказывалась от русского предложения о взаимных обязательствах не пользоваться никакой частью корейской территории для стратегических целей.

3. Предложение России о создании нейтральной зоны японской стороной искажались. Так в пункте 6 оно теряло всякий смысл. Россия предлагала считать такой зоной территорию Кореи, лежащую к северу от 39-й параллели, а Япония – территорию по обе стороны корейско-маньчжурской границы на 50 верст в каждую сторону. Очевидно, что в случае занятия японцами Кореи и при переходе японских

²⁸ Маньчжурия и Корея. Английская синяя и Японская белая книга. 1901–1904. Издание канцелярии Особого комитета Дальнего Востока. СПб., 1904. С. 173–174.

войск в наступление, 50 верст нейтральной зоны были бы пройдены ими быстро, а зато на р. Ялу (Амноккан), составляющую корейско-маньчжурскую границу, могли бы задерживать японские войска только лишь некоторые подоспевшие сюда русские войска, причем, заблаговременно не подготовленную к обороне линию.

4. Пункт 7 русских предложений о признании Японией Маньчжурии и ее побережья во всех отношениях вне сферы ее интересов японцы разбили на 4 пункта, причем уступки, делаемые Японией по вопросу о Маньчжурии, приравнивались к уступкам, сделанным Россией по вопросу о Корее. Тем самым японская сторона добивалась обязательного включения в новое соглашение и Маньчжурии, тогда как Россия хотела договариваться только о Корее.

5. В японских предложениях был включен и пункт о соединении корейской железной дороги с Кореей, если эти дороги со временем будут доведены до р. Ялу.

На другой день после получения японских поправок к русским предложениям, 31 октября, Розен посетил Комуру Дзютаро и заявил, что предложения Комуры «превышают данные ему инструкцией» и поэтому «он намерен 1-го ноября передать своему правительству по телеграфу, полный текст названных предложений и испросить дальнейших инструкций». В связи с этим 1 ноября 1903 г. Комура Дзютаро телеграфом поручает Курино как можно скорее увидеться с управляющим министерства иностранных дел России и сообщить ему, что «своим предложением о совместном обязательстве уважать независимость и территориальную неприкосновенность как Китая, так и Кореи, японское правительство просит лишь о новом подтверждении заявлений уже делавшихся Россией по ее же собственному почину, а принимая в соображение, что Россия готова дать такое обязательство по отношению к Корее, нельзя понять причины, почему исключать Китай. Японское правительство

готово допустить, что Маньчжурский вопрос, поскольку он не затрагивает его прав и интересов, есть чисто русско-китайский вопрос, но Япония имеет обширные и важные права и интересы в этой области, и японское правительство полагает, что, объявляя Маньчжурию находящуюся вне сферы его специальных интересов, оно, по крайней мере, имеет право на соответственное обязательство со стороны России не вступаться ни в права торговли и пребывания, ни в преимущества, принадлежащие Японии в силу ее трактатных обязательств с Китаем». И когда Курино передал Ламздорфу суть полученной телеграммы, то последний ответил, что обе стороны (Россия и Япония) разделяют маньчжурский вопрос, так как «Россия считает, что этот вопрос является вопросом исключительно между Россией и Китаем, и русскому правительству должно быть предложено принять все необходимые меры для обеспечения своих значительных интересов в Маньчжурии путем соглашения с Китаем»²⁹.

Заключение

С предложением о возобновлении русско-японских переговоров, начатых в 1901 г. в Петербурге Ито Хиробуми, выступила японская сторона, стремившаяся к достижению компромисса в корейских делах на основе разграничения сфер влияния. Новый проект соглашения с Россией по корейскому вопросу, был, в сущности, развитием предложений Ито 1901 г., предоставляя Японии исключительные права в Корее и предусматривал прекращение всех прежних русско-японских соглашений, касавшихся Кореи.

В ходе обсуждения японских предложений вскрылись основные разногласия в подходе ведомств: в то время как военное и морское ведомства считали требования Японии чрезмерными, С.Ю. Витте был горячим сторонником согла-

²⁹ Там же. С. 197.

шения с Японией. МИД считал возможным принять их как исходный пункт переговоров, допуская некоторые уступки в корейском вопросе, с сохранением за Россией известных прав в Корее, с предоставлением Японии роли державы, ищущей соглашения.

В ходе переговоров по корейскому и маньчжурскому вопросам, возобновленных в июле 1903 г., российская сторона, стремившаяся избежать военного конфликта с Японией, соглашалась на значительные уступки. Япония же, чувствуя свое военно-экономическое превосходство и поддержку из-за рубежа, преднамеренно выдвигала неприемлемые для России требования. В частности, она настаивала на предоставлении ей не только полной свободы действий в Корее, но и равных с Россией прав в Маньчжурии.

Русское правительство исключало Маньжурию из сферы интересов Японии. Принимая японское предложение об отмене всех прежних русско-японских соглашений по корейскому вопросу и признавая за Японией преобладание ее интересов в Корее и ее право давать Корее советы и помощь, в то же время стремилось не допустить предоставления Японии такой свободы действий в Корее, которая позволила бы ей превратить Корейский полуостров в стратегическую базу для военных и морских действий против самой России.

Источники и литература

Архивные источники

1. Весьма доверительное письмо министра финансов к министру иностранных дел от 28 декабря 1902 года № 558 // ГАРФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 46. Л. 1–30 об.
2. Всеподданнейшая записка министра иностранных дел Ламздорфа. С. Петербург, 11 июля 1903 г. // АВПРИ. Ф. «Китайский стол». Оп. 491. Д. 39. Л. 5–6.

3. Донесение российского посланника в Токио барона Розена министру иностранных дел Ламздорфу. Токио, 19 октября (1 ноября 1903 г. // АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 908. Л. 91–92.

4. Донесение управляющего миссией в Сеуле Штейна министру иностранных дел Ламздорфу. Сеул, 8 февраля 1903 г. // АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 14. Л. 48–52.

5. Записка, представленная Д. с.с. бароном Розеном. С. Петербург, 12 сентября 1902 г. // АВПРИ. Ф. «Китайский стол». Оп. 491. Д. 36. Л. 8–11.

6. Записка, представленная ст. сов. Павловым. С. Петербург, 25 сентября 1902 г. // АВПРИ. Ф. «Китайский стол». Оп. 491. Д. 36. Л. 22, 25–27.

7. Журнал совещания 11 (24) января 1903 г. // АВПРИ. Ф. «Китайский стол». Оп. 491. Д. 41. Л. 17–19. Журнал Особого совещания 7 февраля (25 января) 1903 г. // Красный архив. Т. 23 (52), 1932. С. 110–115.

8. Копия секретной телеграммы д.с.с. Извольского министру иностранных дел Ламздорфу. Токио, 26 февраля 1902 г. // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 134. Л. 134–135.

9. Перевод сообщения японского посланника от 23 августа 1902 г. // АВПРИ. Ф. «Китайский стол». Оп. 491. Д. 19. Л?

10. Проект инструкции д.с.с. барону Розену с пометой царя «Согласен». С. Петербург, 17 января 1903 г. // АВПРИ. Ф. «Китайский стол». Оп. 491. Д. 41. Л. 24–32.

11. Проект секретной телеграммы барону Розену в Токио от 25 августа (5 сентября 1903 г. // АВПРИ. Ф. «Китайский стол». Оп. 491. Д. 42. Л. 77.

12. Проект секретной телеграммы д.с.с. Извольскому в Токио. С. Петербург, 31 января 1902 г. // АВПРИ. Ф. «Китайский стол». Оп. 491. Д. 37. Л. 34–41.

13. Секретная телеграмма д.с.с. Извольского. Токио. 31 января (13 февраля) 1902 г. // АВПРИ. Ф. «Китайский стол». Оп. 491. Д. 37. Л. 41.

14. Секретная телеграмма Бар. Розена. Токио, 2/15 июля 1903 г. // АВПРИ. Ф. «Китайский стол». Оп. 491. Д. 42. Л. 4 об.

15. Секретная телеграмма Бар. Розена. Токио, 17/30 июля 1903 // АВПРИ. Ф. «Китайский стол». Оп. 491. Д. 42. Л. 28.

16. Секретная телеграмма барона Розена. Токио, 21 августа (3 сентября 1903 г. // АВПРИ. Ф. «Китайский стол». Оп. 491. Д. 42. Л. 68.

Литература

1. Документы по переговорам с Японией 1903–1904 гг., хранящиеся в канцелярии Особого комитета Дальнего Востока (Документы Особ. Ком. Дальн. Востока). СПб., 1906.

2. Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX–начале XX вв. СПб., 2008.

3. Маньчжурия и Корея. Английская синяя и Японская белая книга. 1901–1904. Издание канцелярии Особого комитета Дальнего Востока. СПб., 1904.

4. Министерство Иностранных дел. Обзор сношений с Японией по корейским делам с 1895 года. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1906.

5. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие Русско-японской войне (1891–1903 гг.). Часть II. Борьба России с Японией в Китае. Сост. Ген. Штаба Ген.-Майор Симанский. Изд. Военно-Исторической Комиссии по описанию Русско-японской войны под председ. Ген. Штаба Ген.-Майора Гурко. СПб., 1910.

6. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие Русско-японской войне. Часть III. Последний год перед войной. Сост. Ген. Штаба Ген.-Майор Симанский. Изд. Военно-Исторической Комиссии по описанию Русско-японской войны. СПб., 1910.

7. Японская белая книга. Маньчжурия и Корея. Издание канцелярии Особого комитета Дальнего Востока. СПб., 1904 г.

Р. С. Авилов

ЧЕРЕЗ КОРЕЮ В ПОРТ-АРТУР:
ВОЕННО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
ПОДПОЛКОВНИКА В.А. ОРАНОВСКОГО
В 1898–1899 ГГ.

Roman S. Avilov

CROSSING KOREA TO PORT ARTHUR:
THE MILITARY INVESTIGATIVE EXPEDITION
OF LIEUTENANT COLONEL VLADIMIR A. ORANOVSKIY
IN 1898–1899

Аннотация. Статья посвящена истории русской рекогносцировочной экспедиции в Корею и Маньчжурию в 1898–1899 гг., проведённой под начальством подполковника В.А. Орановского. В июне 2017 г. удалось разыскать в фондах ОР РГБ итоговый отчёт о её работе. Рукопись объемом в 976 страниц состояла из 5 глав и приложений (без карт), и содержала исчерпывающую информацию об экспедиции. Отряд был послан для изучения пути от урочища Новокиевского до Порт-Артура с целью выяснения возможности переброски русских войск из Приамурского военного округа в Порт-Артур, в случае начала войны, кратчайшим путем, через Корею, а также изучения Корейского полуострова в военном и географическом отношении. Хорошо подготовленная и организованная, экспедиция прошла от урочища Новокиевского до Порт-Артура зимой 1898–1899 гг., собрав большое количество сведений, причем не только военных, но также географических и этнографических. Эти данные оказались очень полезными 4 года спустя, во время Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Ключевые слова: Корея, Маньчжурия, Приамурский военный округ, военное востоковедение, разведка, Русско-японская война 1904–1905 гг., Порт-Артур, В.А. Орановский

© Авилов Р. С., 2021

Abstract. This article examines the history of the unknown Russian reconnaissance expedition to Korea and Manchuria in 1898–1899, which had been realized under the command of Lieutenant colonel Vladimir A. Oranovskiy. In June of 2017 in the Collection of Manuscript of Russian State Library it was been founded the final expeditionary report. This manuscript of 976 pages consists of five chapters, include two appendices, regrettably, without maps, and embrace full information about the expedition. The detachment was been sent for to investigate the ways from village Novokievskoye to Port-Arthur, for to explore if it is possible in a case of war to redepoly the Russian forces from Priamur Military District to Port-Arthur by the near way through North part of Korea. Another goal was the investigation of Korean peninsula in military and geographical sense. The well-appointed expedition traveled in winter from Novokievskoye to Port-Arthur and backwards, and it had assembled a lot of information, not only military, but also geographical and ethnographical. This data was very useful 4 years later, during the Russo-Japanese War of 1904–1905.

Key words: Korea, Manchuria, Priamur Military District, military oriental studies, military intelligence, Russo-Japanese War of 1904–1905, Port-Arthur, Vladimir A. Oranovskiy

В последнее время наблюдается некоторый рост интереса исследователей к военному востоковедению России периода империи¹, что представляется вполне закономерным. До настоящего времени научное наследие русских военных востоковедов, в том числе работавших в странах АТР в конце XIX–начале XX в., остается изученным крайне слабо. В период СССР материалы, посвященные работам значительной части экспедиций, находились в засе-

¹ См., напр.: Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г. Биобиблиографический словарь. М.: Вост. лит., 2005. 295 с.; Басханов М.К. История изучения восточных языков в русской императорской армии. СПб.: Нестор-История, 2018. 632 с.; Авилов Р.С. Неизвестная экспедиция русского военного отряда в 1896 г. в Китай по материалам «Сибирских воспоминаний» барона А.П. Будберга // Известия восточного института. 2017. № 1. С. 39–51; Авилов Р.С. «Ближайшим поводом к столкновению нашему с Японией может послужить именно Корейский вопрос...» Записка генерал-лейтенанта Н.И. Гродекова о мобилизационной готовности Приамурского военного округа. 1900 г. // Исторический архив. 2018. № 4. С. 159–183 и др.

креченных фондах архивов, литература (в том числе опубликованные отчетные материалы) – в спецхранах библиотек, а существовавшие в стране идеологические рамки были настолько узкими, что не позволяли ученым даже поставить многие научные вопросы, не говоря уже о возможности поиска на них ответов. В результате современное состояние историографии оказалось таково, что многие русские военные экспедиции в Китай и Корею остались просто неизвестными российским и зарубежным специалистам, или информация о них ограничивается лишь одной-двумя строчками в специализированных справочниках, где указано, что экспедиция имела место. Единственным способом исправить ситуацию является розыск, постепенное введение в научный оборот материалов об этих экспедициях, достаточно неплохо отложившихся в отечественных архивах и библиотеках, а также их последующий анализ специалистами в соответствующих областях.

Одной из таких экспедиций была командировка отряда Генерального штаба подполковника В.А. Орановского в Корею и Маньчжурию в 1898–1899 гг. В широко известном среди специалистов «Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии»² отчетные или какие-либо иные сведения об этой экспедиции не публиковались, и исследователям она практически не известна, хотя представляет огромный интерес не только для военных историков, но и для корееведов.

В июне 2017 г.³ автору посчастливилось разыскать в фондах отдела рукописей Российской государственной библиотеки рукописный отчет об этой экспедиции и ряд сопутствующих материалов, что дало возможность приступить к исследованию как комплекса сохранившихся матери-

² Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб.: Военная типография, 1883–1914. Вып. 1–87.

³ Все даты приведены по юлианскому календарю, т. е. по старому стилю.

алов, так и самой экспедиции. Результатом стал небольшой цикл обзорных статей о работе и военно-востоковедном значении этой экспедиции, опубликованный в 2018 г.⁴ Данная статья продолжает начатую работу и призвана ознакомить российских исследователей с тем, какой увидел отряд В.А. Орановского и сам подполковник Корею, какие данные удалось собрать за время путешествия и какое значение они имели впоследствии.

Отчёт об экспедиции представляет собой огромный, в кожаном переплёте и твёрдой обложке рукописный том формата А4 и весом около 7 кг. Переписан писарским почерком, листы исписаны с двух сторон⁵. Карты приложения отсутствуют⁶.

Первая глава отчёта содержала географическое описание пройденной экспедицией местности и её рельеф: важнейшие горные хребты, горы, реки и их притоки, речные долины, леса и т.д.⁷ Вторая глава была полностью посвящена характеристике населения Кореи и Маньчжурии, с которым пришлось столкнуться: «распределение населения по национальностям», плотность населения, переселение, язык, религия, «характерные черты и быт населения», «физическое строение», «отношение населения к русским

⁴ Авилов Р.С. «Подробно исследовать пути от урочища Новокиевского в Порт-Артур долинами рек Тумень-ула и Ялу...»: Экспедиция подполковника В.А. Орановского в Корею и Маньчжурию в 1898–1899 гг. Ч. 1 // Известия восточного института. 2018. № 1. С. 26–41; Авилов Р.С. «Подробно исследовать пути от урочища Новокиевского в Порт-Артур долинами рек Тумень-ула и Ялу...»: Экспедиция подполковника В.А. Орановского в Корею и Маньчжурию в 1898–1899 гг. Ч. 2 // Там же. 2018. № 2. С. 99–112; Авилов Р.С. «Подробно исследовать пути от урочища Новокиевского в Порт-Артур долинами рек Тумень-ула и Ялу...»: Экспедиция подполковника В.А. Орановского в Корею и Маньчжурию в 1898–1899 гг. Ч. 3 // Там же. 2018. № 3. С. 44–57.

⁵ Отчёт о рекогносцировке кратчайших путей соединяющих Порт-Артур с Приамурским военным округом. Составил Генерального Штаба Подполковник Орановский. 1898/9 год. Хабаровск. 976 с. // Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (далее – ОР РГБ). Ф. 68. № 280. М. 6781.

⁶ Следует отметить, что отсутствие прилагавшихся изначально к отчету картографических материалов существенно затрудняет соотнесение названий ряда географических объектов, упомянутых в отчёте, с современными.

⁷ Отчёт о рекогносцировке... // ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 7–414.

и другим иноземцам», «способность жителей к военной службе», народное образование, населённые пункты, города в Корее, «корейские города в военном отношении», корейские постройки, селения в Маньчжурии, города в Маньчжурии, китайские постройки⁸.

Третья глава была посвящена экономическим вопросам и включала в себя такие разделы, как деятельность населения, земледелие в Корее, «сорта возделываемых хлебов», площади пахотной земли на семью, «общее заключение о возможности собирать запасы в Корее», земледелие в Маньчжурии, сбор запасов в Маньчжурии, мельницы для перемола зерна, скотоводство, корм скота, добыча соли, горные промыслы, прочие промыслы, торговля и монетная система⁹. Четвёртая глава давала подробную характеристику путей сообщения на Корейском полуострове по маршруту следования экспедиции¹⁰. Пятая глава «Административные подразделения и войска» содержала информацию об административно-территориальном делении Кореи, системе чиновников, корейских войсках, а также административном делении той части Маньчжурии, через которую прошла экспедиция¹¹.

Все эти данные, как собранные непосредственно на месте русским офицером, а не представленные в письменных китайских или японских источниках, зачастую по понятным политическим соображениям достаточно предвзятых в отношении Кореи этого периода, представляют большую ценность для исследования истории Кореи конца XIX – начала XX в. Подполковник В.А. Орановский был заинтересован прежде всего в получении максимально объективной информации о стране для последующего производства

⁸ Там же. С. 414–511.

⁹ Там же. С. 511–558.

¹⁰ Там же. С. 558–849.

¹¹ Там же. С. 850–872.

военных расчетов штабом Приамурского военного округа, а затем и Главным штабом военного министерства, а не в той или иной интерпретации собранных данных в соответствии с политической конъюнктурой, идеологическими или националистическими соображениями.

Изначально отчёт, как и всякая подобного рода работа, сопровождался мощным картографическим приложением, состоящим из карт, крок пройденной местности и маршрутных съёмок:

«1) Карта 20 вёрст в дюйме¹², составленная по маршрутам с дополнением распространённых сведений.

2) Карта 40 вёрст в дюйме издания Главного Штаба.

3) Восковка к 20-ти вёрстной карте с обозначением некоторых административных границ и проекта почтового сообщения при помощи казачьих постов между Порт-Артуром и Новокиевском.

4) Кроки местности около Ляо-Мяо.

5) Кроки местности у с. Хоугушанза.

6) Восковка к 20-ти вёрстной карте с обозначением путей пройденных чинами экспедиции и сборный лист маршрутов.

7) Маршрутная съёмка топографа Обнорского; маршруты №№ 1–53.

8) Маршрутная съёмка поручика Алексеева; маршруты №№ 54–77.

9) Маршрутная съёмка Подполковника Орановского; маршруты №№ 78–95»¹³. Однако в настоящее время к отчету, как единице хранения, эти материалы не приложены, и выйти на их след пока не удалось.

Исследуемая экспедиция стала одним из многих подобного рода военных мероприятий, имевших место в период 1895–1903 гг. После Японо-китайской войны 1894–

¹² 1 дюйм = 25,4 мм.

¹³ Отчёт о рекогносцировке... // ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. VIII–XIX.

1895 гг., закончившейся полным поражением Китая, и *de facto* выходом Японии на мировую арену в качестве кандидата в великие державы, вмешательством трёх держав, включая Российскую империю в ход Симоносекских мирных переговоров, в результате чего Япония вынуждена была отказаться от своих притязаний на Ляодунский полуостров с тогда ещё китайской крепостью Порт-Артур (в настоящее время г. Люйшунь в КНР)¹⁴, которую японские войска в ходе прошедшей кампании первый раз взяли штурмом¹⁵, ситуация на Дальнем Востоке изменилась кардинально. С одной стороны, стало очевидно, что Япония перешла к активной экспансионистской внешней политике в регионе, что моментально вывело её в ранг не только потенциальных, но и наиболее вероятных противников России на Дальневосточном театре военных действий (ТВД), где раньше больше всего опасались Британской империи и Китая¹⁶. Это *de facto* открыло новый этап истории русской армии в регионе¹⁷. С другой, совершенно неожиданно не только для империи Микадо, но и для командования Приамурского военного округа, к активной

¹⁴ Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. I. "Назло надменному соседу". 1860–1905 гг. Владивосток: Дальнаука, 2013. С. 98–104; Авилов Р.С. «Для охранения границ Южно-Уссурийского края сформировать...» История создания и службы регулярной кавалерии на Дальнем Востоке России (1869–1914 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 93–98; Схиммельпенник Ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 191–210; Morse H.B. The international relations of the Chinese empire. Vol. III. 1894–1911. N.Y., Bombay, Calcutta: Longmans, Green, and Co., 1918. P. 44–47; Paine S.C.M. The Sino-Japanese War of 1894–1895: Perceptions, Power and Primacy. N.Y.: Cambridge University Press, 2010. P. 247–293.

¹⁵ Morse H.B. The international relations of the Chinese empire. Vol. III. 1894–1911... P. 36–37; Paine S.C.M. The Sino-Japanese War of 1894–1895... P. 197–222; Авилов Р.С. Порт-Артур: страницы истории русской крепости (1898–1905 гг.) // Военно-исторический журнал. 2019. № 1. С. 20–22.

¹⁶ Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость... Ч. I. ... С. 98–107.

¹⁷ Авилов Р.С. От Крымской до Гражданской войны: к вопросу о периодизации истории военно-сухопутных сил Российской Империи на Дальнем Востоке (1850–1918 гг.) // European Social Science Journal. 2013. № 2. С. 311–312, 315–316.

внешней политике в регионе перешла Россия. Не вдаваясь в подробности этого поворота на Восток, который к настоящему времени изучен сравнительно неплохо¹⁸, отметим лишь, что необходимыми для решительной поддержки избранного курса военными ресурсами Россия, в отличие от Страны восходящего солнца, в регионе не обладала, о чём и военному министру А.Н. Куропаткину и императору Николаю II из Хабаровска своевременно докладывали¹⁹. Отчёт в этом отдавали японская политическая элита, командование Приамурского военного округа, но только не принимавшие решения круги высшей власти империи в Петербурге во главе с Николаем II. Последние, с одной стороны, в лице министра финансов С.Ю. Витте с его идеей строительства стратегической железной дороги (КВЖД), соединяющей Дальний Восток с сердцем империи, по тер-

¹⁸ См.: напр.: Симанский П.Н. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие Русско-японской войне (1891–1903 гг.). Ч. I–III. СПб.: Военная типография, 1910 (переиздание: Россия и Япония на заре XX столетия. Аналитические материалы отечественной военной ориенталистики. Под ред. В.А. Золотарева. М.: Арбизо, 1994. 583 с.); Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л.: Изд-во Лен. вост. инст., 1928. 606 с.; Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX–начале XX вв. СПб.: Нестор-История, 2008. 668 с.; Схиммельпенник Ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу... 421 с.; Рыбачёнок И. С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М.: РОССПЭН, 2012. С. 475–565; Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М.: Издательство «Европа», 2006. С. 415–423, 441–455, 464–477; Айрапетов О.Р. История внешней политики российской империи. 1801–1914: в 4 т. Т. 4. Внешняя политика императора Николая II. 1894–1914. М.: Кучково поле, 2018. С. 8–28, 83–125, 152–190.

¹⁹ См., напр.: Гродеков Н.И. «Записка о военной готовности Приамурского военного округа в половине 1899 года». 2 июня 1899 г. Доложена Николаю II 10 августа 1899 г. // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 3. Д. 96. Л. 3–8 об.; Гродеков Н.И. «Записка о мобилизационной и боевой готовности Приамурского военного округа в начале 1900 г.» 12 апреля 1900 г. Прочитана Николаем II 17 июня 1900 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 96. Л. 12–18; Записка полковника [А.А.] Гулевича «Сравнение затрат сил и средств в Варшавском округе и на Дальнем Востоке» от 14 марта 1903 г. // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 193. Л. 2–12 об. Подробнее см.: Авиллов Р.С. Численность войск Приамурского и Варшавского военных округов накануне Русско-японской войны: опыт сравнительного анализа // Новый исторический вестник. 2017. № 1. С. 40–50; Авиллов Р.С. «Ближайшим поводом к столкновению нашему с Японией может послужить именно Корейский вопрос...» Записка генерал-лейтенанта Н.И. Гродекова о мобилизационной готовности Приамурского военного округа. 1900 г. // Исторический архив. 2018. № 4. С. 159–183.

ритории потенциального противника, морского министерства с *idée fixe* приобретения незамерзающего порта на Тихом океане и клики А.М. Безобразова с авантюрными проектами – все в разной степени поддерживаемые Николаем II, с другой – в лице военного министра А.Н. Куропаткина всерьёз опасавшегося возникновения войны в Европе и поэтому категорически выступавшего против усиления русских войск в Приамурском военном округе, которое, по его мнению, неизменно вело к ослаблению империи на Европейском ТВД, очень сильно обострили ситуацию в регионе²⁰.

15 марта²¹ 1898 г. в Пекине была подписана конвенция, по которой китайское правительство уступило Южную часть Ляодунского полуострова с Порт-Артуром в арендное пользование России на 25 лет. В тот же день на кораблях зимовавшей в Порт-Артуре русской Тихоокеанской эскадры стало известно об оставлении его китайским гарнизоном. В связи с этим уже вечером началась высадка на берег русских войск²². Таким образом, у России появился незамерзающий порт на побережье Тихого океана, который после завершения строительства Транссиба, КВЖД и ЮМЖД должен был оказаться связанным непрерывным рельсо-

²⁰ Череванский В.П. Обзор сношений России с Китайским и Японским правительствами, предшествовавших вооруженному столкновению России с Японией // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 190. Л. 20 об. –21; Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость... Ч. I. ... С. 107–142, 204–208; Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX–начале XX вв. ... С. 94–268, 299–318; Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906)... С. 82–208; Схиммельпенник Ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу... С. 221–259.

²¹ 27 марта по н. ст.

²² Отчёт о рекогносцировке... // ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 1; Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX–начале XX вв. ... С. 319–320; Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны: в 9 т. Т. 8. Ч. 1. СПб., 1910. С. 37–38; Конвенция, заключённая между Россией и Китаем 15 (27) марта 1898 г. // Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока 1895–1905 гг. СПб.: Тип. А.М. Менделевича, 1906. С. 331–337; Morse H.B. The international relations of the Chinese empire. Vol. III. 1894–1911... P. 111–112.

вым путём с Европейской Россией. Одновременно остро встал вопрос: как его оборонять? Особенно с учетом того, что связь его с русскими владениями на Дальнем Востоке, т.е. Приамурским генерал-губернаторством, рассматривалась военными как весьма условная не только до окончания строительства КВЖД, но и после. Военные прекрасно понимали, что коммуникация (не важно, железная это дорога или колёсная), проложенная по территории Китая, т.е. государства в то время постепенно разваливающегося и плохо управляемого, может в любой момент подвергнуться воздействию разного рода неожиданностей, вплоть до полного уничтожения. Последнее и случилось, когда в результате Боксёрского восстания в 1900 г., КВЖД пришлось практически строить заново, так как шпалы были сожжены, рельсы – украдены, а насыпи и технические сооружения – частично разрушены²³.

В этой связи вставал вопрос: как обеспечить непрерывную и оперативную связь Порт-Артура с российским Дальним Востоком в случае начала войны? В неизбежности такой войны среди наиболее образованной части русских офицеров, постоянно служивших в регионе, мало кто сомневался. Даже в отчёте В.А. Орановского, завершённом 1899 г., указывалось: «Важное значение Порт-Артура как по географическому положению, так и по той роли, какую ему предстоит играть в отношении нашего военного флота и в деле развития нашего влияния и нашей торговли на Дальнем Востоке, даёт основание предполагать, что в случае политических осложнений, он явится одним из главных объектов, против которых будет направлена неприятельская вооружённая сила. Выгоды, приобретённые Россией с занятием Порт-Артура и самый факт занятия его нашими войсками, вызывают обязанность защищать

²³ Нилус Е.Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. Т. 1. 1896–1923. Харбин: Тип. КВЖД, 1923. С. 199–219.

его до последней крайности. Можно с уверенностью заранее сказать, что, если противник попытается овладеть Порт-Артуром, то решится на такое предприятие только с силами далеко превосходящими силу гарнизона, и тогда положение этого последнего, вследствие изолированности от прочих частей Империи, грозит сделаться крайне тяжёлым»²⁴. А поскольку «ближайшая помощь» Порт-Артуру могла быть направлена только из Приамурского военного округа, отделённого от него обширными пространствами Маньчжурии, то после занятия Квантунского полуострова «вся полоса местности между ближайшими частями Приамурского военного округа и Порт-Артуром» стала предметом самого живого интереса военного ведомства²⁵. Особенно с учётом того, что с занятием Порт-Артура предстояло переделывать под новую внешнеполитическую и военно-стратегическую реальность в регионе все планы мобилизационного развертывания и последующего сосредоточения войск Приамурского военного округа в случае начала войны, для чего требовались точные географические данные²⁶. Последних явно не хватало.

По имевшимся в штабе Приамурского военного округа, а значит и в военном министерстве, данным, расстояние от Южно-Уссурийского края до Порт-Артура по дороге через Гири²⁷ и Мукден²⁸ составляло около 1500 вёрст, причём путь этот был очень длинный, «но лучший из известных нам до настоящего времени». Между тем расстояние по прямой от Порт-Артура до урочища Новокиев-

²⁴ Отчёт о рекогносцировке... // ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 2–3.

²⁵ Там же. С. 3.

²⁶ Подробнее о военном планировании в штабе Приамурского военного округа в этот период см.: Авилов Р.С. Проблема разработки планов обороны российского Дальнего Востока в 1896–1900 гг. Ч. 1. После Японо-китайской войны 1894–1895 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 434. С. 94–107.

²⁷ В настоящее время г. Цзилинь в одноимённой провинции КНР.

²⁸ В настоящее время г. Шеньян в КНР.

ского²⁹ составляло около 900 вёрст; но о местностях лежащих на этой прямой имелись «лишь весьма скудные сведения». При этом если бы оказалось, что там существует дорога, которая «оказалась пригодною для передвижения значительных отрядов», то она сразу приобрела бы огромное значение в деле обеспечения Порт-Артура и поддержания с ним связи³⁰.

Вопросом о современном состоянии Кореи, её армии и путей сообщения командование Приамурского военного округа озаботилось сразу же по окончании Японо-китайской войны 1894–1895 гг. Разведывательная и исследовательская деятельность русских военных в этой стране резко оживилась. Уже в 1895 г. туда было командировано несколько офицеров Генерального штаба «с целью развить возможно шире знакомство наше с положением дел в Корее, исследовать, по возможности, все важнейшие пути в этой стране и освежить данные, собранные прежними исследователями»³¹. С 11 августа 1895 г. по 10 марта 1896 г. в Корее работал капитан Генерального штаба И.И. Стрельбицкий, с 14 октября 1895 г. по 21 апреля 1896 г. – капитан Генерального штаба М.А. Соковнин, с 29 ноября 1895 г. по 13 марта 1896 г. – полковник Генерального штаба В.П. Карнеев, с 30 ноября 1895 г. по 17 марта 1896 г. – подполковник Генерального штаба В.А. Альфтан, с 10 мая по 20 октября 1896 г. – капитан Генерального штаба С.П. Илинский и с 1 августа по 20 декабря 1896 г. – капитан А.Г. Лубенцов. В результате эти 6 экспедиций прошли 10.089 верст, сняли 5.178 вёрст (в масштабе 1,2, 2 ½, 3, 5 и 20 вёрст в дюйме) и собрали данные о северной части Кореи и путях от Фусана³² к Сеулу

²⁹ Современный пос. Краскино Приморского края Российской Федерации.

³⁰ Отчёт о рекогносцировке... // ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 4–5.

³¹ Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 75. Поездка Генерального Штаба полковника Карнеева и поручика Михайлова по Южной Корее в 1895–1896 гг. СПб.: Военная типография, 1901. С. 1.

³² В настоящее время г. Пусан в Республике Корея.

и от Сеула к Гензану³³ и Ычжу³⁴. Собранные сведения оказались весьма важными, но далеко не полными³⁵.

Наиболее крупная экспедиция полковника В.П. Карнеева и поручика Михайлова работала в 1895–1896 гг. на южной части Корейского полуострова. Экспедиции было дано задание «провести разведки в южной части Кореи, в направлении от г. Фусана до г. Сеула, по восточному побережью, и от г. Сеула по западной стороне полуострова до порта Мокихо, а оттуда вдоль южного побережья на г. Фусан, с тем, чтобы пройти также прямым путем от г. Кон-чжю или Чен-яжю на г. Фусан», что она и сделала³⁶, прибыв в г. Фусан³⁷ морем из Нагасаки, а не через север полуострова с территории России³⁸.

Осенью 1898 г. северную часть Кореи прошла с целью проведения военно-топографических работ и сбора военно-статистических сведений экспедиция ротмистра А.И. Звегинцова и подполковника Генерального штаба барона Н.А. Корфа³⁹. Последнюю экспедицию некоторые исследователи причисляют к мероприятиям группы А.М. Безобразова⁴⁰,

³³ В настоящее время город и порт Вонсан в КНДР.

³⁴ В настоящее время населённый пункт Ыйджу в КНДР.

³⁵ Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г. ... С. 13–14, 95, 125, 222–223, 229–230; Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии... Т. 1. С. 160, 766; Соковнин М.А. О современных корейских войсках // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 69. СПб.: Военная типография, 1896. С. 1–7; Поездка в Корею Ген. Шт. подполк. Альфана в декабре 1895 и январе 1896 г. // Там же. С. 8–96; Лубенцов А.Г. Хамкенская и Пхиенанская провинции Кореи. С чертежами. Хабаровск: Тип. канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1897. 297 с.; Стрельбицкий И.И. Из Хунчуна в Мукден и обратно по склонам Чан-Бай-Шаньского хребта (отчет о семимесячном путешествии по Маньчжурии и Корею в 1895–1896 гг.). СПб., 1897. 155 с.

³⁶ Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 75. Поездка Генерального Штаба полковника Карнеева и поручика Михайлова по Южной Корею в 1895–1896 гг. ... С. 1, 4–160.

³⁷ В настоящее время г. Пусан в Республике Корея.

³⁸ Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 75. Поездка Генерального Штаба полковника Карнеева и поручика Михайлова по Южной Корею в 1895–1896 гг. ... С. 1–171.

³⁹ Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г. ... С. 90, 125.

⁴⁰ Лукьянов И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX–начале XX вв. ... С. 420–431.

что представляется как минимум сомнительным⁴¹. Во-первых, Н.А. Корф «за выдающиеся результаты рекогносцировки» был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени⁴², а военный министр генерал-адъютант А.Н. Куропаткин, как известно, «безобразовцев» недолюбливал и вряд ли стал бы награждать представителя группы А.М. Безобразова. Во-вторых, поскольку основную пользу эта экспедиция принесла Военному министерству, которым были изданы значительная часть её трудов⁴³ и использованы материалы⁴⁴, и штабу Приамурского военного округа. Примерно в то же время в 1898 г. в Корею действовала и действительно организованная группой А.М. Безобразова экспедиция, которая для военных была не только бесполезна в плане получения каких-либо фактических данных, но ещё и откровенно вредна, поскольку привлекала к региону излишнее

⁴¹ Примечательно, что тот же И.В. Лукоянов, указал, что «капитан Н.А. Корф, адъютант военного министра, сын Восточно-Сибирского генерал-губернатора в начале 1890-х гг.» (Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX–начале XX вв. ... С. 423). В реальности же генерал-адъютант барон Андрей Николаевич Корф никогда не был генерал-губернатором Восточной Сибири, а само Восточно-Сибирское генерал-губернаторство, равно как и одноимённый военный округ, было ликвидировано в 1884 г. – разделено на Иркутское и Приамурское генерал-губернаторства и военные округа. Таким образом, А.Н. Корф был в 1884–1893 гг. первым Приамурским генерал-губернатором и Командующим войсками Приамурского военного округа. Подробнее об этом см.: Авилов Р.С. Развитие военно-сухопутных сил России на Дальнем Востоке (1865–1895 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2013. С. 91–191.

⁴² Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г. ... С. 125.

⁴³ Корф Н.А., Звегинцов А.И. Военный обзор Северной Кореи. СПб.: Воен.-стат. отд. Гл. штаба, 1904. 256 с., 5 л. карт; Звегинцов А.И. Описание Желтого и Японского морей и Корейского пролива, как районов военных действий. СПб.: Воен.-стат. отд. Гл. штаба, 1904. 24 с., 1 л. карт.; Корф Н.А., Звегинцов А.И. Северная Корея: Сборник описаний позиций (Труды Осенней экспедиции 1898 года). СПб.: Экономическая типолитография, 1901. 89 с.; Северная Корея. Сборник маршрутов. Труды Осенней экспедиции 1898 года. Под ред. подполковника барона [Н.А.] Корф. СПб.: Экономическая типолитография, 1901. 314 с.; Звегинцов А.И., Корф Н.А. Алфавитный указатель к карте Северной Кореи. 3-е изд., доп. СПб.: Электро-тип. Н.Я. Стойковой, 1904. 19 с., 1 л. карт.

⁴⁴ Так, собранный этой экспедицией материал был использован впоследствии Военно-топографическим отделом Главного штаба при составлении новой карты Северной Кореи (в масштабе 20 верст в 1 дюйме). Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г. ... С. 90, 125.

внимание создавая исключительно много шума при полном отсутствии в том необходимости⁴⁵.

В результате столь необходимых точных данных о географии северной части Кореи в Приамурском военном округе просто не оказалось. Анализ же имевшихся в распоряжении Окружного штаба военных карт и отрывочных сведений указывал на то «обстоятельство, что с этим кратчайшим направлением почти совпадают долины двух больших рек Тумень-Улы (Туманган)⁴⁶ и Ялу-цзяна (Амнокган)⁴⁷», а это «давало основание предполагать, что такая дорога может на самом деле существовать и, таким образом, расстояние, отделяющее Порт-Артур от Приамурского военного округа, значительно сократится»⁴⁸. Оставалось только проверить эту теорию на практике.

1 октября 1898 г., по распоряжению военного министра генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина «для исследования путей соединяющих Новокиевское с Порт-Артуром и пролегающих долинами рек Тумень-Улы (Тумангана) и Ялу-цзяна (Амнокгана)» была отправлена на 6 месяцев специальная экспедиция⁴⁹, в составе: поручика 1-го Восточно-Сибирского линейного батальона Алексева и топографа – титулярного советника С.А. Обнорского. В конвой экспедиции были назначены 1 урядник и 5 казаков 1-го Читинского полка Забайкальского казачьего войска⁵⁰. Возглавил её сам

⁴⁵ Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX–начале XX вв. ... С. 420–431.

⁴⁶ В настоящее время р. Туманная, на большей части течения пограничная между КНР и КНДР, в низовьях – между КНДР и Российской Федерацией. В Российской империи использовалось множество близких по звучанию вариантов транслитерации её названия с китайского и корейского языков на русский: Тумень-ула, Тумынь-ула, Туманган и т. п.

⁴⁷ Пограничная река, определяющая в настоящее время юго-западную часть границы между КНР и КНДР. В Российской империи её название транслитерировалось на русский язык с китайского – как р. Ялу и с корейского – р. Амнокган. В настоящее время, соответственно, р. Ялуцзян или Амнокган.

⁴⁸ Отчёт о рекогносцировке... // ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 4–5.

⁴⁹ Там же. С. 5–6.

⁵⁰ Там же. С. 937–938.

заведующий передвижением войск Приамурского военного округа подполковник Генерального штаба Владимир Алоизиевич Орановский⁵¹, уже успевший к тому времени завоевать известность и авторитет своими исследованиями, проведёнными на прежних местах службы, а именно: путей вдоль афганской границы (1892 г.), русско-персидской границы в пределах Закаспийской области (1893 г.), поездкой в Северо-Восточную Персию для сбора военно-статистических сведений о провинции Хоросан⁵² (1894 г.)⁵³. Примечательно, что подавляющему большинству исследователей он известен отнюдь не как военный востоковед, а как активный участник Русско-японской 1904–1905 гг. и Первой мировой 1914–1918 гг. войн.

В специальной «Инструкции данной Генерального Штаба Подполковнику Орановскому Штабом Приамурского военного округа»⁵⁴ экспедиции были поставлены 5 основных задач:

1) Подробно исследовать пути от урочища Новокиевское в Порт-Артур долинами рек Тумень-ула и Ялу, «для составления проекта организации почтового сообщения долинами сих рек от Новокиевского к Порт-Артуру и выяснения пригодности этих путей для войсковых движений. Желательным является также осветить пути, отходящие от указанной дороги в Южно-Уссурийский край и к побережью Японского моря, с указанием на последних путях наиболее удобных оборонительных позиций, имеющих фронт обращённым к морскому побережью»⁵⁵.

⁵¹ Там же. С. 5–6.

⁵² Историческая область в восточной части современного Ирана. Хоросан был самой большой провинцией в стране до разделения на 3 провинции в 2004 г.

⁵³ Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г. ... С. 176–177; Военно-статистическое описание северо-восточной части Хоросана // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 68. СПб.: Военная типография, 1896. С. 1–211.

⁵⁴ Инструкция данная Генерального Штаба Подполковнику Орановскому Штабом Приамурского военного округа» // ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 962–964.

⁵⁵ Там же. С. 962.

2) Исследовать нижнее течение р. Ялу с точки зрения оборонительной линии, «в предположении наступления противника с юга». При этом, помимо оборонительных свойств самой реки, необходимо было также выяснить, существуют ли пути сообщения вдоль правого берега нижнего течения р. Ялу и в утвердительном случае исследовать как эти пути, так и пути, отходящие от нижнего течения р. Ялу на запад, в направлении к г. Фын-хуан-чену⁵⁶, «в связи их между собой»⁵⁷.

3) Произвести подробную рекогносцировку Фын-хуан-ченской позиции со стратегической оценкой её как узла путей от нижнего течения р. Ялу и с тактической оценкой – по отношению ко всем этим путям.

4) Рекогносцировать дорогу от г. Фын-хуан-чена до Порт-Артура, «как будущий наш почтовый путь и как вероятную операционную линию противника, наступающего от Фын-хуан-чена к Порт-Артуру», с выбором на ней оборонительных позиций для войск Квантунского полуострова⁵⁸.

5) При рекогносцировке обратить особое внимание на составление подробных карт и графических приложений, «так как имеющиеся в Округе работы, в указанных направлениях совершенно лишены картографического материала»⁵⁹.

6) «При наименовании местных рубежей и пунктов туземными названиями, параллельно сохранять так же и обозначения их принятые на наших картах»⁶⁰.

На проведение экспедиции выделили 5600 р.: подъёмные деньги начальнику экспедиции – 300 р., подъёмные деньги 6 казакам по 50 р. каждому – 300 р., суточные деньги

⁵⁶ Или Фэнхуанчэн. В настоящее время г. Фынчэн в КНР.

⁵⁷ Инструкция данная Генерального Штаба Подполковнику Орановскому... // ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 962–963.

⁵⁸ Там же. С. 963.

⁵⁹ Там же. С. 964.

⁶⁰ Там же. С. 964.

начальнику экспедиции по 7 р. в сутки, считая на 6 месяцев – 1260 р., суточные деньги помощнику, считая по 5 р. в сутки – 900 р., на усиленное довольствие казаков по 15 коп. в сутки каждому – 162 р., на наём переводчиков и проводников – 1500 р., на наём перевозочных средств – 615 р. и на непредвиденные расходы – 363 р. Впрочем, этим расходы не исчерпывались, поскольку состоящий при экспедиции топограф «был рассчитан из остатков сметы на топографические работы, а казаки снабжены кормовыми и фуражными деньгами от полка»⁶¹.

В действительности, кроме денег, причитавшихся чинам, входящим в состав экспедиции, реальные расходы экспедиции не вполне совпали с запланированными, в том числе и в отношении распределения по статьям. По одним статьям расходы оказались меньше, по другим – больше. Всего было израсходовано 2478 р., из которых: на перевозочные средства – 997 р., на наём переводчиков и довольствие их лошадей – 908 р., на наём проводников – 156 р., заплачено за ночлеги – 130 р., за переписку отчёта о командировке, чертёжные материалы и пр. – 100 р. и на непредвиденные расходы – 187 р.⁶².

Закончив всю подготовку, экспедиция выступила из урочища Новокиевского 14 октября 1898 г. и в полном составе достигла за 2 перехода левого берега р. Туманган напротив г. Кён-хына⁶³. Однако из-за сильного ветра и волнения на реке переправиться удалось только на другой день, причём лошади были пущены вплавь, а двуколка, люди и имущество перевезены на небольшой лодке, которой пришлось для этого сделать до 15 рейсов. В г. Кён-хыне экспедиция оставалась 5 дней, с 17 по 22 октября, которые использовали для рекогносцировки путей вдоль правого

⁶¹ Отчёт о рекогносцировке... // ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 938.

⁶² Там же. С. 939–940.

⁶³ В настоящее время г. Кёнхын в КНДР.

берега Тумангана вверх до г. Кейуена и вниз до Красносельской заставы⁶⁴.

22 октября экспедиция двинулась дальше и 25 октября, пройдя г. Хориенг⁶⁵, остановилась в с. Одеями, где простояла до 4 ноября. За это время удалось провести рекогносцировку путей от г. Хориенга к г. Пуренгу⁶⁶ и к Кейуену. 4 ноября выступили к г. Мусану⁶⁷, куда прибыли 7 ноября и оставались там до 10 ноября, успев за это время провести рекогносцировку двух путей от г. Мусана в г. Кён-шен⁶⁸, причем достаточно успешную⁶⁹.

Уже на начальном этапе у экспедиции начались проблемы с обозом, который явно не подходил для местности, по которой приходилось двигаться. При выступлении из урочища Новокиевского обоз экспедиции состоял из форменной двуколки, запряжённой одной лошадью, и трёх вьючных лошадей, но с первого же перехода выяснилось, что форменная двуколка при нагрузке в 10–12 пудов⁷⁰ является слишком тяжёлой даже при небольших подъёмах, несмотря на то, что ездового на ней никогда не было, а лошадь вёл в поводу конный казак. Поэтому пришлось купить ещё одну лошадь и «запрягать в двуколку пару уносом». Однако даже при этих условиях подъёмы на перевалы между городами Кёнг-хыном и Мусаном «представляли огромные затруднения и требовали помощи всех чинов экспедиции». Таким образом в экспедиции состояло всего 18 лошадей, из которых 3 были под офицерами, 6 – под казаками, 2 – под переводчиками, 3 – запряжённых в двуколку, 3 – вьючных и 1 – запасная⁷¹.

⁶⁴ Отчёт о рекогносцировке... // ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 940.

⁶⁵ В настоящее время населённый пункт Хверён в КНДР.

⁶⁶ В настоящее время населённый пункт Пурён в КНДР.

⁶⁷ В настоящее время г. Мусан в КНДР.

⁶⁸ В настоящее время населённый пункт Кёнсон в КНДР.

⁶⁹ Отчёт о рекогносцировке... // ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 940–941.

⁷⁰ 1 пуд = 16,38 кг.

⁷¹ Отчёт о рекогносцировке... // ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 944–945.

С таким обозом экспедиция и дошла до г. Мусана, где её участники впервые попробовали заменить один из выюков корейской двуколкой, которая вместе с упряжью была куплена всего за 6 руб. и «весьма скоро приспособлена для упряжки лошады; на такую двуколку, которую сравнительно легко везла лошадь, можно было положить грузу в 1½ раза больше, чем на выюк и, таким образом, выюки несколько облегчились»⁷².

Выступив из г. Мусана, экспедиция двинулась по дороге на Капсан⁷³, Чанджин⁷⁴, Катё⁷⁵, Вивён⁷⁶, Чхосан⁷⁷, Пёктон⁷⁸, Чханшен⁷⁹ и г. Ичжу⁸⁰, уже нигде не останавливаясь более чем на один день, зато постоянно боролась с проблемой транспорта и бездорожья. Ещё по пути на Капсан, дойдя до с. Санджани на р. Егмень-шу, путешественники узнали, что, по уверению местных жителей, дальнейшее движение на колёсах было невозможно. Тогда была произведена рекогносцировка на 10 вёрст пути, полностью подтвердившая слова корейцев. Не желая, однако, расставаться с двуколкой, В.А. Орановский приказал все тяжести навьючить на верховых лошадей как казаков и переводчиков, так и офицеров, а обе двуколки, форменную и корейскую попытаться перевезти пустыми. Чины экспедиции должны были совершить переход пешком. Поскольку до следующего селения было 29 вёрст, то, ввиду трудности дороги, «представляющей лишь пешеходную тропинку проложенную в глубоком снегу, среди густой тайги, не было надежды пройти всё рас-

⁷² Там же. С. 945–946.

⁷³ В настоящее время населённый пункт Капсан в КНДР.

⁷⁴ В настоящее время населённый пункт Чанган в провинции Чангандо в КНДР.

⁷⁵ Вероятно, имеется ввиду современный г. Кангё в провинции Чагандо в КНДР.

⁷⁶ В настоящее время населённый пункт Вивон в одноимённом уезде в КНДР.

⁷⁷ В настоящее время населённый пункт Чхосан в одноимённом уезде в КНДР.

⁷⁸ В настоящее время населённый пункт Пёктон в КНДР.

⁷⁹ В настоящее время населённый пункт Чхонсон в КНДР.

⁸⁰ В настоящее время населённый пункт Ыйджу в КНДР.

стояние в один день и потому явилась необходимость взять с собой суточную дачу овса на лошадей»⁸¹. В действительности, эти 29 вёрст между реками Егмень-шу и Содушу⁸² были пройдены за двое суток с ночёвкой в тайге, и переход этот показал, что «даже пустые двуколки по тайге, в глубоком снегу, без дороги следовать не могут. Поэтому для перевозки тяжестей при дальнейшем движении можно было рассчитывать только на вьюки, а двуколки приходилось бросить. Но в виду того, что за городами Самсу⁸³ или Капсаном, можно было надеяться, встретить вновь возможность вести вещи на двуколке, а также, не желая вообще бросать казённого имущества, было решено корейскую двуколку бросить, а форменную разобрать на части и нанять для её перевозки в разобранном виде и вещей, которые везлись до этого в двуколке, вьючных животных»⁸⁴. Всего пришлось нанять 7 вьючных животных, из которых 3 лошади и 4 коровы. Собственно под разобранную двуколку требовалось 3 коровы. Оглобли были брошены, а взяты только железные оковки на концах. С таким вьючным обозом экспедиция проследовала от с. Дерепен до с. Тиссани 153 версты⁸⁵, сделав их в 7 дней. По выходе к с. Тисанни дорога стала «совершенно хорошей», а так как установился санный, хорошо наезженный путь, то двуколку собирать не стали, а купили корейские волокушки, «вроде саней, на которых жители перевозят хворост, и другие грузы, приспособили их для упряжки лошадьми, а из колёс и других частей двуколки устроили на волокушках платформы, которые послужили для укладки прочих грузов»⁸⁶. Хомуты были сделаны казаками на месте по образцу купленного раньше китайского

⁸¹ Отчёт о рекогносцировке... // ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 941, 946–947.

⁸² Современная р. Содушу в КНДР.

⁸³ В настоящее время населённый пункт Самсу в КНДР.

⁸⁴ Отчёт о рекогносцировке... // ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 947–948.

⁸⁵ 1 верста = 1066,8 м.

⁸⁶ Отчёт о рекогносцировке... // ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 948.

хомута. Для укладки всех вещей потребовалось 4 саней, так что дальнейшее движение до г. Ичжу совершалось уже без вьюков. Впрочем, ничего хорошего из этой импровизации не вышло. Уже первый переход с санями до г. Капсана оказался очень неудачен. «Корейские сани оказались настолько непрочными, что они ломались на переходе по крайней мере раз 20, поэтому, придя поздно вечером в г. Капсан, пришлось на другой день дать днёвку и заняться радикальным исправлением саней, которое заключалось в укреплении их вязью из сырого хвороста, распаренного на огне. После этого, хотя сани иногда и ломались, но редко и только при падении»⁸⁷.

На пути от г. Чхосана до г. Ичжу экспедиция разделилась: сам начальник экспедиции В.А. Орановский с поручиком Алексеевым и со всем обозом направился по льду р. Амнокган, а топограф Обнорский с одной вьючной лошастью, одним казаком и переводчиком пошли по летней дороге. В г. Ичжу экспедиция собралась в полном составе 31 декабря 1898 г. и, встретив там Новый год, оставалась до 16 января 1899 г. Это время пошло на исследование пути от г. Ичжу к г. Фын-хуан-чену, пути от Фын-хуан-чена к г. Чан-де-хэ-коу и пути от г. Чан-де-хэ-коу к деревне Шахедзе вдоль правого берега р. Амнокган. Вместе с тем были исследованы пути, ведущие по левому берегу реки и от г. Ичжу к бродам через р. Амнокган у селений Диху-андон и Егыкори (?), а также дорога, идущая от г. Ичжу вдоль левого берега реки. 16 января экспедиция выступила из г. Ичжу и 28 января без днёвок достигла Порт-Артура, где оставалась до 3 февраля⁸⁸.

От г. Ичжу до Порт-Артура санного пути не было, вследствие чего двуколку собрали обратно и, кроме того, купили за 40 р. ещё одну – китайскую двуколку «облегчён-

⁸⁷ Там же. С. 949.

⁸⁸ Там же. С. 941–942.

ного типа в которой возят пассажиров». Каждая из двуколок запрягалась парой лошадей, и в обе помещалось всё имущество экспедиции⁸⁹.

Впоследствии В.А. Орановский мрачно констатировал в отчёте об экспедиции: «Опыт следования от Новокиевского до Порт-Артура указал, что колёсный обоз в высшей степени стесняет движение; часто в тех местах, где следовало бы экспедиции, для более полной рекогносцировки местности, разделиться на два разъезда, следующих по разным путям, сделать этого было невозможно, ввиду того, что для подъёма двуколки или саней на трудный перевал требовалась помощь всех людей. Если от г. Капсана до г. Ичжу экспедиции удалось пройти без выюков, то она этому обязана исключительно зимнему времени и замерзшим рекам, когда узкие карнизы, где безусловно ни колёсное, ни санное движение не возможно, обходились льдом по реке»⁹⁰.

В обратный путь экспедиция выступила из Порт-Артура 3 февраля 1899 г. и следовала «совокупно» до с. Пхесанза (севернее г. Дакушана⁹¹), куда прибыла 11 февраля. Далее она разделилась на две части: подполковник В.А. Орановский с топографом С.А. Обнорским и 4 казаками направились на г. Фын-хуан-чен, Чан-де-хэ-коу, Тай-пин-зау⁹², Хуан-ин-жень⁹³, Вайцагоу мынза и далее по левому берегу р. Амнокган до г. Самсу, а поручик Алексеев с 2 казаками пошёл на г. Ичжу, Нимбен, Кангё⁹⁴, Хучан⁹⁵ и также Самсу, где экспедиция должна была 8 марта собраться. Поручик Алексеев прибыл к г. Самсу в срок, но дру-

⁸⁹ Там же. С. 949.

⁹⁰ Там же. С. 950–951.

⁹¹ Дакушан или Дагушан – в описываемое время – город на северо-западном берегу Корейского залива при впадении в последний р. Даянхе.

⁹² Вероятно, современный населённый пункт Тайпиншао в КНР.

⁹³ Вероятно, современный населённый пункт Хуаньжень в КНР.

⁹⁴ В настоящее время г. Кангё в провинции Чагандо в КНДР.

⁹⁵ Вероятно, современный населённый пункт Хичхон в КНДР.

гая группа, будучи задержана на 8 дней болезнью одного из казаков, запоздала, так что экспедиция собралась в Самсу в полном составе только 16 марта⁹⁶.

Характерно, что несмотря на все предпринятые меры, на обратном пути из Порт-Артура в урочище Новокиевское транспортно-дорожные приключения у экспедиции продолжались. В дорогу была взята только одна китайская двуколка, а число вещей было настолько ограничено, что «являлась возможность при необходимости бросить двуколку, а вещи переложить на трёх лошадей, из которых две были запряжены в двуколку, а одна шла запасной»⁹⁷. С двуколкой экспедиция дошла от Порт-Артура до Дакушана, затем – на Фынхуан-чен, но на этом последнем участке подъёмы на перевалы оказались настолько труднопреодолимыми, что приходилось впрягать трёх лошадей. От Чан-де-чена экспедиция двигалась на Хуан-ин-жень, Войцагоу мынза, по корейскому берегу р. Амнокган на Самсу и далее на Мусан и Новокиевское лишь с одними вьюками. При этом, следуя берегом р. Амнокган, «после того как одна из вьючных лошадей так неудачно сорвалась со скалистого карниза, идущего высоко над рекой, что её пришлось пристрелить, явилась необходимость заменить её корейской лошастью». Купленная за 19 р. небольшая лошадка вместе с седлом совершила весь остальной путь до Новокиевского совершенно благополучно, неся такой же вьюк, как все остальные лошади⁹⁸.

Выступив из г. Самсу 18 марта, экспедиция «совокупно» следовала только до с. Потацы где снова разделилась, причём В.А. Орановский с топографом С.А. Обнорским пошёл через Хоханианский перевал, а поручик Алексеев – через Чигирёнский перевал⁹⁹, чтобы «24 марта сойтись

⁹⁶ Отчёт о рекогносцировке... // ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 942–943.

⁹⁷ Там же. С. 951.

⁹⁸ Там же. С. 951–952.

⁹⁹ Имеется в виду перевал через хребет именуемый в настоящее время Чогюрён.

в г. Мусане и действительно обе части экспедиции почти одновременно вступили в город»¹⁰⁰. По пути от г. Мусана пришлось вновь разделиться на две группы: одна пошла на г. Хориёнг, по дороге вдоль берега р. Туманган, а другая – по дороге на перевалы Чарён и Бусанлён и вышла на небольшую дорогу из Кён-хына в Хориёне у селения Уензан, поблизости которого оба отряда экспедиции соединились и, уже не разделяясь, двинулись в урочище Новокиевское, куда и прибыли 29/30 марта 1899 г.¹⁰¹

Ряд вызванных спецификой региона трудностей, с которыми во время пути столкнулась экспедиция, и способы их преодоления заслуживают особого внимания. Они были типичными для Южно-Уссурийского края, Маньчжурии и Кореи, однако совершенно нехарактерными для Европейской России. Это создало огромные трудности уже 4 года спустя, во время Русско-японской войны 1904–1905 гг., когда переброшенные из «коренной России» части и соединения оказались просто не готовы к такого рода проблемам.

Экспедиция выступила из урочища Новокиевского 14 октября и вернулась обратно 30 марта, т. е. рекогносцировка была произведена в самое холодное время года, поэтому огромное внимание в пути пришлось уделить организации ночёвок и защите от холода. Сильные холода начались уже с середины ноября и продолжались до перехода экспедиции на Ляодунский полуостров. Там температура была уже значительно выше, но «дующий почти непрерывно ветер, делал холод пожалуй более ощутительным, чем при 23 градусах мороза по Реомюру¹⁰² в горах Кореи, где узкие долинки благодаря высоким горам являлись защищёнными от ветров»¹⁰³. Зимнее время года заставило

¹⁰⁰ Отчёт о рекогносцировке... // ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 943.

¹⁰¹ Там же. С. 944, 952.

¹⁰² –28,75°С.

¹⁰³ Отчёт о рекогносцировке... // ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 952–953.

экспедицию, где только было возможно, останавливаться на ночлег в населенных пунктах, что было классическим способом ограждения нижних чинов от холода и болезней. Однако было несколько случаев, когда приходилось останавливаться под открытым небом. Это уже создавало заметные неудобства: «Холод ночью ощущался очень сильно, и ночи на половину проводились без сна; палаток при этом не разбивали, а зажигали несколько костров вокруг которых укладывались спать»¹⁰⁴. Участники экспедиции были достаточно хорошо экипированы. Для защиты от холода казаки имели полушубки, а на ногах – суконные портянки и кожаные ичиги, а поскольку суконные портянки недостаточно защищали от холода, то для казаков были куплены «выделанные мягкие мерлушковые шкурки и из них сшиты меховые чулки». Тем же казакам, которые были подвержены простуде, купили меховые жилетки, которые надевались под теплушки. Несмотря на это, в пути приходилось постоянно слезать с лошадей, чтобы движением пешком согреться. «Особенно трудно было вести съёмку; руки коченели в несколько минут, так, что после работы в течение 2–3 минут, приходилось их долго отогревать и приводить в чувство. Тем не менее, к счастью, ни одного случая отмораживания не было», – констатировал В.А. Орановский¹⁰⁵.

В то же время без заболеваний, в том числе и простудных, не обошлось. Один из казаков заболел при выступлении из Новокиевского, простудившись ещё раньше во время переезда на пароходе от Владивостока до зал. Посъета. Поправился он только через месяц, когда экспедиция была уже в Мусане. В декабре, не доходя до г. Чанджина, на одном из ночлегов, сразу заболело 4 казака, «вероятно также от простуды, так как весь предыдущий день стояла мороз-

¹⁰⁴ Там же. С. 953.

¹⁰⁵ Там же. С. 953–954.

ная, но туманная погода и дул сильный ветер». Начальнику экспедиции пришлось «дать непредвиденную раньше днёвку во время которой люди всё же не поправились», тем не менее экспедиция пошла дальше и в пути люди постепенно выздоровели¹⁰⁶. Впрочем, серьёзных помех деятельности экспедиции простуды, в отличие от более специфических местных болезней, не создали.

«С переходом на Ляодунский полуостров открылись желудочные болезни, которые были очень упорны. При всех этих заболеваниях людям выдавались самые простые лекарственные средства, как то хина, ром к чаю, Боткинские капли или капли Иноземцева»¹⁰⁷. Случай очень серьёзного заболевания был только один, но стоил экспедиции недели простоя. Уже на обратном пути, на переходе от с. Лицагоу к с. Вайцагоу-мынза один из казаков почувствовал себя плохо. Тем не менее переход был закончен и в тот же день члены экспедиции перешли по льду на другой берег р. Амнокган и расположились на ночлег в с. Уначен. К вечеру у больного появился сильный жар и головная боль; на следующий день была дана днёвка, но здоровье казака не поправлялось и «опасаясь, чтобы стоянка на месте не принесла ещё больше вреда, было решено идти дальше; таким образом было сделано два перехода, но в конце второго казак окончательно не мог сидеть на лошади и пришлось остановиться в д. Масери, в которой оставаться 8 дней; в первый же вечер у казака открылся сильный жар и бред, а слабость была так велика, что он не мог не только встать, но даже и присесть на полу. Простые лекарства, имеющиеся в распоряжении экспедиции, не приносили никакого облегчения. К счастью в этом селении имелся корейский доктор, к познаниям которого пришлось обратиться. Он стал в течение нескольких дней давать больному лекарства в огром-

¹⁰⁶ Там же. С. 955–956.

¹⁰⁷ Там же. С. 956.

ном количестве, после чего жар спал и сознание вернулось, но силы не возвращались, так что больной не мог приподнять ни руки, ни ноги. Так как не было никакой надежды на дальнейшее поправление, а между тем уже 8 дней экспедиция была задержана на месте, было решено на следующий день двигаться дальше. Так как казак больной безусловно не мог ехать верхом, то для него были из прутьев сделаны носилки, на которых он мог удобно лежать, а 4 корейца были наняты, чтобы его нести; таким способом продвинулись на 4 перехода, а затем больной стал поправляться, так что мог уже ехать верхом и только нанимался один кореец ему в помощь». В урочище Новокиевское этот казак возвратился уже совершенно здоровым. Несчастных случаев в экспедиции не было¹⁰⁸. Таким образом можно констатировать, что проведена она была на достаточно высоком уровне, поскольку несмотря на неизвестную и достаточно специфическую местность, по которой приходилось двигаться в зимнее время года, экспедиция не только не понесла потерь, но даже не оставила по пути ни одного человека.

Не совсем обычным было решение продовольственной проблемы: «Выступая из Новокиевского, экспедиция не взяла с собой никаких продуктов, а потому все участники её питались исключительно тем, что можно было найти в попутных деревнях или, что удавалось подстрелить на охоте. Единственно, что было взято с собой из Новокиевского, это чай и сахар, да одна бутылка рома, который выдавался только в случае болезни»¹⁰⁹. При этом «наибольшим лишением для казаков» стало отсутствие хлеба, который заменялся просяной или рисовой крупой, а в гористых местностях, где произрастает один только овёс, то овсом¹¹⁰. Вообще, тяжелая хлебозависимость русского крестьянского

¹⁰⁸ Там же. С. 956–957.

¹⁰⁹ Там же. С. 954–955.

¹¹⁰ Там же. С. 955.

населения (именно из этого сословия происходило подавляющее большинство нижних чинов) и казаков создавала во время военных действий на азиатских окраинах Российской империи колоссальные проблемы.

Лошади тоже перенесли поход сравнительно хорошо; фуража было всегда много и «ни одного дня лошади не были без овса, ячменя, а где нельзя было их достать, то проса, кукурузы или в Маньчжурии бобовых жмыхов», причем «к чумизевой соломе лошади так привыкли, что когда перешли на сено, то неохотно его ели». Было много случаев падения лошадей с обрывов, иногда очень высоких и скалистых; случались падения и с санями, и с двуколкой и с вьюками, но все – сравнительно благополучно, за исключением одного, «когда экспедиция следовала карнизом по берегу р. Амнокгана от с. Касальтина к Манпутину; со скользкого карниза сразу оборвались две лошади с высоты не меньшей 10 сажень¹¹¹; одна из лошадей, казачья, отделалась только наружными ссадинами и ушибами, другая же, вьючная, получила такие поранения, что её пришлось в тот же день пристрелить»¹¹².

Следует отметить, что маршрут экспедиции пролегал по территории двух сопредельных Российской империи государств: Кореи и Китая. В этой связи не только успешность, но и сама возможность проведения экспедиции во многом зависели от отношения властей этих государств и местного населения. Начальник экспедиции докладывал, что «корейская администрация относилась к чинам экспедиции всегда чрезвычайно предупредительно, оказывая возможное содействие, тогда как китайская держала себя совершенно в стороне; она не делала никаких препятствий к производству работ, но вместе с тем и не оказала никакого содействия»¹¹³.

¹¹¹ 1 сажень = 2,13 м

¹¹² Отчёт о рекогносцировке... // ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 958–959.

¹¹³ Там же. С. 961.

Проблем в общении с местным населением во время рекогносцировки тоже не возникало и «...ни в Корее, ни в Маньчжурии ни одной неприятности за всё время командировки не произошло; если бывали случаи, что население встречало экспедицию недоверчиво, то зато расставались с хозяевами всюду друзьями»¹¹⁴. Последнему во многом способствовало то, что русский отряд не проводил конфискаций и реквизиций, и не требовал от местного населения выполнения каких-либо «повинностей» в свою пользу. Чины экспедиции честно расплачивались «звонкою монетою» за все купленные у населения продукты, транспортные средства. Аналогичным образом оплачивались услуги проводников и местного лекаря, когда понадобилась его помощь.

Единственный случай вооружённого столкновения с населением произошёл 24 января 1899 г. между Бидзево и Цзин-чжоу, когда экспедиция перешла севернее г. Бидзево через новую русско-китайскую «границу» и оказалась на территории занятого русскими войсками Квантунского полуострова, т. е. уже далеко за пределами Кореи, и, как констатировал В.А. Орановский, «случай этот не имеет никакого отношения к экспедиции, так как в отражении произведённого на наш пост нападения принимали участие войска Квантунского полуострова, а экспедиция прибыла на пост ко времени нападения совершенно случайно»¹¹⁵.

С корейскими войсками отряду В.А. Орановского воевать не пришлось, однако информация об их состоянии была собрана достаточно любопытная. В районах, пройденных экспедицией корейские войска дислоцировались в сле-

¹¹⁴ Там же. С. 960.

¹¹⁵ Отчёт о рекогносцировке... // ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 960; Подробнее см.: Авилов Р.С. «Подробно исследовать пути от урочища Новокиевского в Порт-Артур долинами рек Тумень-ула и Ялу...»: Экспедиция подполковника В.А. Орановского в Корею и Маньчжурию в 1898–1899 гг. Ч. 2 // Известия восточного института. 2018. № 2. С. 100–103.

дующих пунктах: в г. Пакчене – батальон в составе около 500 чел., в г. Самсу, с. Унченпо и Мусане – по 50 человек и в г. Хайенге – 100 чел. «Одеты люди однообразно, в тёмно синюю куртку и такие же шаровары с красным лампасом; на голове нечто вроде войлочной каски с красной лентой вокруг тульи, а у фельдфебелей и унтер-офицеров кепи, которое однако весьма плохо помещается на шишку волос. Вооружение состоит из ружья со штыком; ружья разнообразных систем, есть заряжающиеся с дула и заряжающиеся с казны; те люди, которые вооружены ружьями заряжающимися с казны, снабжены патронташами в виде поясов с гнездами для патронов, которые постоянно при себе и носят»¹¹⁶. Начальник экспедиции с удивлением обнаружил, что обучение нижних чинов всё ещё велось на основании правил, преподанных русскими инструкторами, командированными в Корею в 1896 г.¹¹⁷ Все ружейные приёмы и ломка фронта делались по русскому уставу, а команды произносились на русском языке. Это было результатом специальных мер корейского правительства, которое после того, как русские инструкторы покинули в апреле 1898 г. Корею, отправило в города, где экспедиция встретила войска, по несколько обучавшихся ими рядовых при офицерах и унтер-офицерах, и дополнило комплект рядовых из местных жителей; «в виду такой системы является прямо удивительным, – отмечал В.А. Орановский, – как, при не-

¹¹⁶ Отчёт о рекогносцировке... // ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 863–864.

¹¹⁷ Отчёт о рекогносцировке... // ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 864. Подробнее об этом см.: Афанасьев 1-й [Л.В.], Грудзинский Н. Русские военные инструкторы в Корее в 1896–1898 гг. Хабаровск: Тип. Канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1898. 42 с.; Россия и Япония на заре XX столетия... С. 138–165; Добычина Е.В. Внешняя разведка России на Дальнем Востоке 1895–1904 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 42–43; Пак Б.Д. Россия и Корея. 2-е изд., доп. М.: Институт востоковедения РАН, 2004. С. 263–286; 295–306; Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. Кн. 2. 1888–1897. М.: Институт востоковедения РАН, 2004. С. 203–211; Хохлов А.Н. Д.В. Путята и его план модернизации корейской армии (1896–1898) // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 15. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. С. 172–202; Павлов Д.Б. Русские военные инструкторы в Корее и Китае в конце XIX в. // Российская история. 2016. № 2. С. 145–161.

мении писанного устава могут поддерживаться все приемы обучения и сохраниться русские команды. Мало того, корейское правительство не остановилось на образовании таким образом новых частей войск. При следовании экспедиции от Новокиевского к Порт-Артуру, в Кён-шенской губернии было расположено только 100 человек в г. Хайенге, а при обратном следовании, через пять месяцев, был уже образован новый отряд в 50 человек в г. Мусане, для чего из Хайенгской роты было командировано 5 рядовых при унтер-офицере и горнист и набрано 45 рядовых из местных жителей; ко времени обратного следования экспедиции, пришлось видеть учение этого вновь сформированного отряда и нельзя не признать, что, относительно стройности сомкнутого строя достигнуты весьма сносные результаты, а все приемы и передвижения совершались и здесь по русским командам. Факт этот указывает на удивительную способность корейцев перенимать внешние приемы воинского обучения, а также на чрезвычайно добросовестную работу, бывших в Корее, русских инструкторов. Но дальше внешних приёмов обучения, военное дело в Корее не подвинулось: оружие в невозможном состоянии, употребление оружия совершенно не известно, боевые строи также, а по характеру своему корейцы такой миролюбивый и трусливый народ, что хорошими солдатами они быть не могут»¹¹⁸. На учения нижних чинов собирали ежедневно, но в казармах жило лишь около четверти гарнизона, причём поочередно, а остальные – по своим домам. «Общего котла» не существовало, и каждый солдат кормился на получаемое денежное содержание, которое составляло для рядовых 1800 чох в месяц, что в переводе на русские рубли того времени составляло 3 руб. 20 коп¹¹⁹.

¹¹⁸ Отчёт о рекогносцировке... // ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 864–867.

¹¹⁹ Там же. С. 868.

Впрочем, поскольку с традиционно дружественной России Кореей воевать никто не собирался¹²⁰, а нападение этого государства на российский Дальний Восток было в принципе невозможно по причине не только добрососедских отношений, но и почти полного отсутствия в этой стране вооруженных сил и военной промышленности, командование Приамурского военного округа, а значит и экспедицию В.А. Орановского, куда больше интересовали пути сообщения на Корейском полуострове и обозрение пройденных местностей в военном отношении, а также условия движения отрядов войск от урочища Новокиевского до Порт-Артура. И то, и другое – на случай войны с Японией, высокая вероятность (если не неизбежность) которой значительной частью военного начальства в г. Хабаровске после ввода русских войск в Порт-Артур в 1898 г. под сомнение уже не ставилась.

В военном отношении исследованная экспедицией местность представляла прежде всего интерес с точки зрения, возможно ли по ней движение войск из Приамурского военного округа на выручку Порт-Артура. После обобщения собранных экспедицией материалов стало очевидно, что из округа к Порт-Артуру были два главных направления движения: первое – от урочища Новокиевское и г. Никольск-Уссурийский через Гири́н, Мукден и Инкоу, второе – от урочища Новокиевское на Мусан, Самсу, Кангё и Ичжу. Первое из этих двух направлений составляло около 1500 вёрст, второе было значительно короче – 1242 версты, но зато по первому мог быть двинут отряд с полевой

¹²⁰ Подробнее об истории русско-корейских отношений в конце XIX–начале XX в. см.: Пак Б.Д. Россия и Корея. 2-е изд. ... С. 57–419; Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. Кн. 2. 1888–1897... 272 с.; Ким Чжон Хон. Русско-корейские дипломатические отношения в 1884–1904 гг.: монография. М.: Изд-во РУДН, 2001. 224 с.; Пак Чон Хё. Россия и Корея. 1895–1898 гг. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, Международный центр корееведения, 1993. 181 с.; Пискулова Ю.Е. Российско-корейские отношения в середине XIX – начале XX веков. М.: Вост. лит., 2004. 150 с.; Чой Док Кю. Россия в Корее 1893–1905 гг.: (Политика Министерства финансов и Морского министерства). СПб.: Зеро, 1996. 159 с. и др.

артиллерией и колёсным обозом, а по второму, «по свойству самой дороги, не допускающем колёсного движения», при отряде могла быть только горная артиллерия и выючный обоз. От урочища Новокиевское до г. Мусана, на протяжении 204½ вёрст колёсное движение было возможно, но затем, от г. Мусана до г. Ичжу, на протяжении 697 вёрст, дорога была только выючная, и далее от г. Ичжу до Порт-Артура – снова колёсная. «Таким образом, – резюмировал В.А. Орановский, – свойство дороги исключает возможность иметь при отряде колёсный обоз»¹²¹.

Ещё одним чрезвычайно серьёзным препятствием для движения войск по второму направлению являлась «общая бедность населения, рассчитывающего количество своих посевов исключительно для прокормления собственной семьи, а отсутствие торговых центров, где были бы склады запасов», делало сбор продовольствия в высшей степени затруднительным. «Полное отсутствие коммерческого духа в характере населения является причиной того, что в большинстве случаев, даже при назначении очень высоких цен, можно ожидать со стороны населения отказ продавать какие бы то ни было запасы; это и понятно, потому что, если к весне, корейской семье не хватит зерна, то ей придётся голодать, так как купить его негде»¹²². Поэтому сбор запасов в Корее, даже только для путевого довольствия войск являлся операцией очень трудной и продолжительной, а потому начинать её нужно было заблаговременно, до начала самого движения, а для получения лучших результатов необходимо было «заинтересовать в её успехе членов корейской администрации»¹²³.

«Таким образом, – гласил вывод отчёта об экспедиции, – условия движения войск из Новокиевского в Порт-

¹²¹ Отчёт о рекогносцировке... // ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 872–873.

¹²² Там же. С. 873–874.

¹²³ Там же. С. 874–875.

Артур через Корею являются в высшей степени трудными, но в виду того, что никогда нельзя заранее предвидеть той стратегической обстановки, которая сложится в военное время, нельзя также с уверенностью сказать, что этим направлением не придётся воспользоваться для движения войск. Одно то обстоятельство, что оно является значительно короче направления через Гири и Мукден, даст ему известные преимущества в том случае если будет необходимо спешно послать в Порт-Артур подкрепления, тем более, что при известной организации отряда, невыгодные свойства самого пути не окажут заметного влияния на быстроту движения»¹²⁴.

Поэтому, анализируя по возвращении в г. Хабаровск собранный экспедицией материал, подполковник В.А. Орановский подготовил несколько советов на последний случай, сформулировав «вкратце, в самых общих чертах» те условия, при которых явилась бы возможность двинуть войска по этому направлению. В первую очередь надлежало правильно организовать отряд, в состав которого должна была войти пехота с горной артиллерией и значительным числом конницы. Полевую артиллерию следовало «безусловно» исключить, а большое число конницы являлось неудобным, «в виду затруднения продовольствовать лошадей». Вследствие необходимости устраивать переправы через реки Туманган, Тоненган, Амнокган, в состав отряда должна была войти сапёрная команда. Обоз надлежало иметь исключительно вьючный. «Значительная численность отряда явится, конечно, большим затруднением в продовольственном отношении, но возможность, почти всюду, воспользоваться двумя или более параллельными дорогами отчасти парализует это неудобство», поскольку даст возможность свободного следования обоза за каждым отрядом по своей

¹²⁴ Там же. С. 875.

дороге»¹²⁵. Из Новокиевского в Хориенг движение можно было организовать двумя или даже тремя колоннами пользуясь следующими дорогами:

1) Новокиевское, Хунчун, Кейцен, Хайенг и Хориенг (длина 150 вёрст);

2) Новокиевское, Кёнг-Хын¹²⁶, Уензан, Хориенг (121½ версты);

3) Новокиевское, Красносельская застава, Хориенг¹²⁷.

В действительности до Хориенга удобнее было совершить движение по кратчайшей из дорог – через г. Кёнг-хын (при условии отсутствия при отряде повозок). Само движение совершить эшелонами каждый силой в 2 батальона. Местность здесь была сравнительно густонаселённой и необходимости «разбрасываться по кружным путям» не было¹²⁸.

От г. Хореинга до г. Мусана можно было двинуться уже тремя параллельными дорогами:

1) по берегу р. Туманган;

2) через перевалы Соколлён и Шецалён;

3) через перевалы Мусалён, Чарён и селение Сенчами.

Использование на этом участке трёх дорог признавалось необходимым ввиду более редкого населения. От г. Мусана до с. Унчен-по лучше всего было двигаться по одной дороге – на перевал Чигирён¹²⁹, потому что даже разделение на колонны «в виду пустынной местности не даст возможности довольствоваться войска местными средствами». От с. Унчен-по можно было снова разделиться на две колонны, направив одну на г. Самсу и Чанджин, а другую – на г. Капсан и Чанджин. От г. Чанджина до с. Савон, на протяжении перехода, в распоряже-

¹²⁵ Там же. С. 876–877.

¹²⁶ В настоящее время г. Кёнхын в КНДР.

¹²⁷ Этот путь не был исследован экспедицией подполковника В.А. Орановского.

¹²⁸ Отчёт о рекогносцировке... // ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 877–878.

¹²⁹ Имеется ввиду перевал через хребет, именуемый в настоящее время Чогюрён.

нии войск был лишь один путь, но далее, до г. Кангё – опять два параллельных пути через перевалы Саранболе и Адыга. От г. Кангё до г. Ичжоу – опять два пути, один – придерживаясь течения р. Амнокгана, другой – через г. Нимбен. Но эти пути между Ичжоу и Нимбеном «на столько далеко отстают друг от друга, что, при условии возможности появления противника на пути соединяющем эти два города, движение отдельной колонны от г. Кангё к г. Нимбену явится очень рискованным, а потому безопаснее будет воспользоваться одной лишь дорогой идущей параллельно течению реки Амнокгана»¹³⁰. Это направление было выгодно ещё и тем, что в случае занятия превосходными силами противника г. Ичжоу, можно было переправиться через р. Амнокган где-нибудь выше по течению, например у г. Чан-де-хэ-коу и направиться прямо к г. Фын-хуан-чену, в обход г. Ичжу. Дальнейшее движение от берега р. Амнокгана к Порт-Артуру уже находилось «в полной зависимости от сложившейся стратегической обстановки»¹³¹.

«Всё движение в пределах Кореи, это есть сплошное движение горными ущельями, представляющими узкие дефиле; развитие военных операций в более обширных размерах возможно только на Ляодунском полуострове, по переходе р. Амнокгана у г. Ичжу»¹³². Относительно безопасности этого движения со стороны противника считалось, что до г. Ичжу оно является «довольно безопасным», поскольку противник, который пожелал бы воспрепятствовать ему, должен был бы высадиться где-нибудь на берегу Кореи между бух. Гашкевича¹³³ и Гензаном и затем перевалить через главный корейский хребет. Единственными колёсными путями для движения от берега Япон-

¹³⁰ Отчёт о рекогносцировке... // ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 878–879.

¹³¹ Там же. С. 880–881.

¹³² Там же. С. 881.

¹³³ Бухтой Гашкевича в то время назывался нынешний зал. Чосанман на севере Корейского полуострова. В настоящее время – территория КНДР.

ского моря вглубь страны тогда были пути от г. Кён-шена в города Хориенг и Мусан. Все прочие представляли собой лишь «трудные выючные тропинки». Поэтому выставлением заслона на этих поперечных путях, примерно к г. Пурёнгу, на время пока войска, идущие из урочища Новокиевского в г. Ичжу, не минуют г. Мусана, «обеспечивается всё движение с левого фланга, тем более, что местность способствует упорной обороне. Относительно прочих тропинок возможно ограничиться одним лишь наблюдением»¹³⁴.

Совершенно в других условиях войска оказывались с приближением к г. Ичжу, который, находясь на лучшем пути, как от берега Японского моря (у Гензана), так и от г. Сеула на Ляодун, скорее всего был бы занят противником в случае начала войны. Более того, было весьма вероятно, что через г. Ичжу будет даже проходить коммуникационная линия противника, оперирующего против Порт-Артура, поскольку тогда, в 1899 г. никто не мог даже предположить, что российское министерство финансов построит специально для операций японских войск против Порт-Артура глубоководный порт Дальний, где можно будет выгружать с океанских транспортов сразу на берег не только войска со всем необходимым снаряжением, но и тяжёлую артиллерию для осады крепости, которую не придётся доставлять для этого кружным путём из корейских портов. «Есть полное вероятие предполагать, что противник встретит именно около Ичжу отряддвигающийся через Корею и в этом случае придётся выбирать между двумя решениями: или прокладывать себе путь силой оружия, или переправившись через Амнокган выше г. Ичжу, искать соединения с войсками двинутыми из Приамурского военного Округа к Порт-Артуру через Маньчжурию»¹³⁵.

¹³⁴ Отчёт о рекогносцировке... // ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 882–883.

¹³⁵ Там же. С. 883–884.

Орановский сделал даже примерные подсчёты, сколько времени потребуется отряду, чтобы добраться от урочища Новокиевского до Порт-Артура: от Новокиевского до г. Кён-хына 2 перехода, от Кён-хына до г. Хореинга – 3, от Хореинга до Мусана – 4, от Мусана до Самсу и Капсана в Чанджин – 8, от Чанджина в Кангё – 4, от Кангё до Вивена – 4, от Вивена до Чхосана – 2, от Чхосана до Пёктона – 3, от Пектона до Чхан-Шена¹³⁶ – 3, от Чхан-Шена до Ичжу – 3. Всего от Новокиевского до г. Ичжу – 46 переходов, от 18 до 25 вёрст каждый. Если к этому прибавить на каждые 5 дней ходу по две днёвки, то чтобы пройти расстояние от Новокиевского до Ичжу требовалось 64 дня. Затем от Ичжу до Порт-Артура – 17 переходов, т.е. с днёвками – 23 дня. Всего на движение от Новокиевского до Порт-Артура должно было потребоваться 87 дней, в том числе 63 дня ходу и 24 днёвки. «Но это при самых нормальных условиях, т.е. считая средний переход в 20 вёрст и 2 днёвки в неделю»¹³⁷.

Относительно продовольствия войск во время движения, по мнению В.А. Орановского, всё-таки можно было рассчитывать «на сбор запасов у местного населения» на всём пути, за исключением участка от г. Мусана до Унчен-по длиной в 212 вёрст. Однако сбор продовольствия он признавал делом очень трудным, к которому следовало приступить заблаговременно, выслав недели за две или даже раньше надёжных офицеров, которые «сумели бы войти в соглашение с начальниками округов и заручились их содействием; необходимо всегда помнить, что корейцы не коммерческая нация, а потому назначение высоких цен не принесет пользы; тем не менее продовольствие может обойтись весьма дорого, что будет зависеть не от цены на самый продукт, а от стоимости его перевозки к нужному пункту, кото-

¹³⁶ В настоящее время населённый пункт Чхонсон в КНДР.

¹³⁷ Отчёт о рекогносцировке... // ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 885.

рая обходится в Корее вообще довольно дорого, иногда до 2^х рублей в сутки за быка»¹³⁸.

Правда, в этом случае войскам надлежало изменить способ питания как людей, так и лошадей, что считалось огромным неудобством. Альтернативный вариант В.А. Орановский признавал невозможным: «Понятно, что везти с собой на 87 дней пути сухари или муку войска не могут, потому что для этого потребовалось бы по одному животному на каждого нижнего чина, т. е. такой обоз, который не мог бы быть ни собран, ни проведён по этим местностям, бедным фуражом. Поэтому необходимо довольствоваться местными средствами, а между тем ни пшеница, ни рожь населением совершенно не сеются, тогда как они именно и составляют основную пищу нашего солдата. Приходится отрешиться от довольствия хлебом или сухарями, а перейти на довольствие принятое местным населением, т. е. на род проса, известный под названием чумизы: местное население варит чумизу на пару и без всяких приправ, причём получается рассыпчатая каша...»¹³⁹.

Делая эти выводы, он опирался на опыт собственного отряда, поскольку подчинённые ему казаки питались всё время этой кашей, причём отдавали её варить корейцам и ели с чаем. Она вполне заменяла им хлеб и не вызывала заболеваний, и одной небольшой мерки, «известной у корейцев под именем “мари” и равной нашим 1¾ гарнцам¹⁴⁰», было достаточно для довольствия в сутки 6 человек. Таким образом, на 100 человек требовалось около 17 «мари». Запасы этой чумизы население хранило в неочищенном виде, а потому необходимо было «заблаговременное распоряжение об очищении её на местных мельницах-

¹³⁸ Там же. С. 885–886.

¹³⁹ Там же. С. 887–888.

¹⁴⁰ Гарнец – мера объёма сыпучих тел в дореволюционной России. 1 гарнец = $\frac{1}{8}$ четверика = 3,2798 л.

толкушах, которые, хотя работают медленно, но имеются почти в каждом семействе. Способ её варки корейцами очень хорош, а потому наиболее удобным было бы поручить варить её местному населению и выдавать людям в холодном виде»¹⁴¹. В местностях, к западу от г. Кангё, где в изобилии рос рис, чумизу можно было заменить рисом. В то же время, в безлюдных местностях между Мусаном и Капсаном или Самсу у населения можно найти «одни лишь запасы овса, но он не является столь вкусным и удобным для питания, как чумиза; способ его очистки для употребления в пищу сложнее и он скорее приедается, хотя для здоровья он также вреда не приносит. Мясо для довольствия войск может быть всюду найдено, так что гуртов гнать за собой войскам не придётся, за исключением опять-таки местности между Мусаном и Капсаном или Самсу. Овощей пригодных для варки пищи нельзя будет собрать, потому что русской капусты население не разводит, а местная не годится, картофель-же разводится случайно и в очень небольшом количестве; затем можно иметь редьку, чеснок, лук, перец, но всё это в небольшом количестве; было бы весьма желательно вести с собой сушёную капусту. Обязательно надо будет вести с войсками запас соли и запасы чая и сахара на весь путь»¹⁴².

Фуражное довольствие лошадей зависело от сезона и от возможности пользоваться по дороге подножным кормом. Сделать точные выводы относительно богатства подножных кормов в летнее время работавшей зимой экспедиции не удалось, однако в целом было «вынесено впечатление, что, за исключением немногих мест, подножного корма должно быть очень мало, а потому главным образом придётся рассчитывать на довольствие сухим фуражом»¹⁴³.

¹⁴¹ Отчёт о рекогносцировке... // ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 888–889.

¹⁴² Там же. С. 889–890.

¹⁴³ Там же. С. 891.

Запасов сена у населения тоже совершенно не было, «потому что оно его не косит; вместо его употребляется чумизовая солома, которую лошади едят весьма охотно; но при корме этой соломой надо будет обязательно делать из неё резку, потому что иначе её понадобится огромное количество, так как лошади съедают только верхушки, а остальную истаптывают; если-же устраивать резку, то лошади съедают всё без остатка». Овёс можно было найти на всём пути от Новокиевского до г. Чанджина, но начиная от г. Кангё его не было совершенно, а значит нужно было заменять его в рационе лошадей или просом, или кукурузой, или гаолянном, в зависимости от того, что можно будет найти. Наиболее удачным временем в смысле сбора запасов безусловно являлась осень, а наименее выгодным – весна или раннее лето. «Но во всяком случае рассчитывать пользоваться местными средствами можно только в том случае, если сбор их будет организован заблаговременно»¹⁴⁴.

Впоследствии значительная часть этих рекомендаций очень пригодилась во время Русско-японской войны 1904–1905 гг., когда русским войскам действительно пришлось достаточно продолжительное время действовать на территории Кореи, в полной мере испытав на себе выявленные экспедицией трудности с продовольствием, и отсутствием нормальных путей сообщения, существенно затруднявшим использование артиллерии. Характерно, что действовавшие в Корее во время войны русские отряды были вынуждены отказаться от всех предложенных В.А. Орановским кулинарных изысков, и создать там хлебопекарни и грандиозные склады привычного продовольствия, значительная часть которого при последующем отступлении попала в руки японцев, а также организовать подвоз фуража морем. Более того, из-за глупости командования были совершены многие ошибки, о которых предупреждал начальник экспе-

¹⁴⁴ Там же. С. 892–893.

диции¹⁴⁵, например, сделана попытка выступить в Корею по приказу генерал-лейтенанта Н.П. Линевича... с колёсным обозом, добравшимся в итоге только до Кёншена и орудиями, оси которых, поломанные на одном из перевалов, потом пришлось сваривать в походных условиях¹⁴⁶! И это притом, что В.А. Орановский приходился Н.П. Линевичу зятем¹⁴⁷.

В целом, планирование, организацию и проведение экспедиции следует признать вполне удачными. Несмотря на сложные и непривычные для большей части участников климатические условия, отряду удалось не только добраться в холодный сезон от урочища Новокиевского до Порт-Артура, не понеся потерь, и выполнить поставленные задачи, но и благополучно вернуться почти тем же путем обратно, доставив все собранные данные. Всего чинами экспедиции было снято 4.015 вёрст маршрутной съёмки¹⁴⁸. В ходе проведённых рекогносцировок удалось собрать ценные сведения (военные, географические, социально-экономические и др.) о местностях, ранее почти неизвестных «в военном отношении» не только военному министерству, но и штабу Приамурского военного округа. Более того, следует особо отметить, что экспедицией была описана местность у р. Шахэ, где впоследствии развернулось крупное военное сражение между русской и японской армиями.

О качестве собранного материала и точности оценок начальника экспедиции ярче всего свидетельствует тот факт, что с подавляющим большинством проблем ведения боевых действий на территории Кореи, описан-

¹⁴⁵ Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии... Т. 9. С. 18–69.

¹⁴⁶ Там же. С. 23–25.

¹⁴⁷ Будберг А.П., барон. Сибирские воспоминания / Ред.-сост., комментарий Р.С. Авилов, В.И. Калинин; вступ. ст. Р.С. Авилов, Н.Б. Аюшин, В.И. Калинин. Владивосток: Общество изучения Амурского края – Приморское краевое отделение Русского географического общества, 2017. С. 216.

¹⁴⁸ Отчёт о рекогносцировке... // ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 944.

ных им в отчёте, русские войска столкнулись уже через 5 лет во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. Пришлось им побывать и во многих населённых пунктах, пройденных экспедицией: Кёншене, Хёриене, Мусане, Пуренге, Самсу и т.д.¹⁴⁹. Более того, именно собранные экспедицией материалы послужили основой для составления описания пути и карты в 20-вёрстном масштабе «всей полосы местности отделяющей Порт-Артур от Новокиевска»¹⁵⁰. Последнее очень пригодились русской армии накануне и в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг., когда воевать пришлось в том числе и на территориях, пройденных экспедицией В.А. Орановского, о которых до этого ни в Южно-Уссурийском крае, ни в штабе Приамурского военного округа, ни уж тем более в военном министерстве толком ничего не знали.

Вызывает сожаление лишь то, что из-за недостатка финансирования и явно недостаточного внимания военного министерства и лично военного министра Российской империи в 1898–1904 гг. генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина к Дальневосточному ТВД, достигнутый успех не был развит. Подготовленный В.А. Орановским отчёт так и не был опубликован ни целиком, ни в выдержках, а значит собранные сведения не были доведены до широких масс генералов и офицеров, даже служивших непосредственно на Дальнем Востоке, не говоря уже об остальных. Грошова, в масштабах имперского бюджета, экономия даже не на анализе и обобщении полученных материалов, а на их публикации ограниченным тиражом и распространении среди тех, кому они в случае начала боевых действий могли понадобиться в первую очередь, как всегда имела весьма прискорбные последствия. Знакомство армии в целом

¹⁴⁹ Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии... Т. 9. С. 18–69.

¹⁵⁰ Отчёт о рекогносцировке... // ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 6.

с Кореей и Китаем так и осталось до Русско-японской войны 1904–1905 гг. весьма поверхностным. Таким образом, вести войну с равным противником в условиях иной географической, культурной и цивилизационной реальности, каковую представлял собой Дальний Восток, русская императорская армия к началу 1904 г. оказалась не готова. Ждать еще 2–3 года, пока она наконец приготовится, в Токио не стали.

Источники и литература

Архивные источники

1. ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 190. Л. 1–35. Череванский В.П. Обзор сношений России с Китайским и Японским правительствами, предшествовавших вооруженному столкновению России с Японией.

2. ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 193. Л. 1–12 об. Записка полковника [А.А.] Гулевича «Сравнение затрат сил и средств в Варшавском округе и на Дальнем Востоке». 14 марта 1903 г.

3. ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. Отчёт о рекогносцировке кратчайших путей соединяющих Порт-Артур с Приамурским военным округом. Составил Генерального Штаба Подполковник Орановский. 1898/9 год. Хабаровск. 976 с.

4. РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 96. Л. 3–8 об. Гродеков Н.И. «Записка о военной готовности Приамурского военного округа в половине 1899 года». 2 июня 1899 г. Доложена Николаю II 10 августа 1899 г.

5. РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 96. Л. 12–18. Гродеков Н.И. «Записка о мобилизационной и боевой готовности Приамурского военного округа в начале 1900 г.» 12 апреля 1900 г. Прочитана Николаем II 17 июня 1900 г.

Литература

1. Авилов Р.С. «Для охранения границ Южно-Уссурийского края сформировать...» История создания и службы регулярной кавалерии на Дальнем Востоке России (1869–1914 гг.). Владивосток, 2011.

2. Авилов Р.С. Развитие военно-сухопутных сил России на Дальнем Востоке (1865–1895 гг.). Дисс. канд. ист. наук. Владивосток, 2013.

3. Авилов Р.С. От Крымской до Гражданской войны: к вопросу о периодизации истории военно-сухопутных сил Российской Империи на Дальнем Востоке (1850–1918 гг.) // European Social Science Journal. 2013. № 2.

4. Авилов Р.С. Неизвестная экспедиция русского военного отряда в 1896 г. в Китай по материалам «Сибирских воспоминаний» барона А.П. Будберга // Известия восточного института. 2017. № 1.

5. Авилов Р.С. Численность войск Приамурского и Варшавского военных округов накануне Русско-японской войны: опыт сравнительного анализа // Новый исторический вестник. 2017. № 1.

6. Авилов Р.С. «Подробно исследовать пути от урочища Новокиевского в Порт-Артур долинами рек Тумень-ула и Ялу...»: Экспедиция подполковника В.А. Орановского в Корею и Маньчжурию в 1898–1899 гг. Ч. 1 // Известия восточного института. 2018. № 1.

7. Авилов Р.С. «Подробно исследовать пути от урочища Новокиевского в Порт-Артур долинами рек Тумень-ула и Ялу...»: Экспедиция подполковника В.А. Орановского в Корею и Маньчжурию в 1898–1899 гг. Ч. 2 // Известия восточного института. 2018. № 2.

8. Авилов Р.С. «Подробно исследовать пути от урочища Новокиевского в Порт-Артур долинами рек Тумень-ула и Ялу...»: Экспедиция подполковника В.А. Орановского в Корею и Маньчжурию в 1898–1899 гг. Ч. 3 // Известия восточного института. 2018. № 3.

9. Авилов Р.С. Проблема разработки планов обороны российского Дальнего Востока в 1896–1900 гг. Ч. 1. После Японо-китайской войны 1894–1895 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 434.

10. Авилов Р.С. Порт-Артур: страницы истории русской крепости (1898–1905 гг.) // Военно-исторический журнал. 2019. № 1.

11. Авилов Р.С. «Ближайшим поводом к столкновению нашему с Японией может послужить именно Корейский вопрос...» Записка генерал-лейтенанта Н.И. Гродекова о мобилизационной готовности Приамурского военного округа. 1900 г. // Исторический архив. 2018. № 4.

12. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. I. "Назло надменному соседу". 1860–1905 гг. Владивосток, 2013.

13. Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006.

14. Айрапетов О.Р. История внешней политики российской империи. 1801–1914: в 4 т. Т. 4. Внешняя политика императора Николая II. 1894–1914. М., 2018.

15. Басханов М.К. История изучения восточных языков в русской императорской армии. СПб., 2018.

16. Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г. Биобиблиографический словарь. М., 2005.

17. Афанасьев 1-й [Л.В.], Грудзинский Н. Русские военные инструкторы в Корее в 1896–1898 гг. Хабаровск, 1898.

18. Военно-статистическое описание северо-восточной части Хоросана // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 68. СПб., 1896.

19. Добычина Е.В. Внешняя разведка России на Дальнем Востоке 1895–1904 гг. Дисс. канд. ист. наук. М., 2003.

20. Звегинцов А.И. Описание Желтого и Японского морей и Корейского пролива, как районов военных действий. СПб., 1904.

21. Звегинцов А.И., Корф Н.А. Алфавитный указатель к карте Северной Кореи. 3-е изд., доп. СПб., 1904.

22. Ким Чжон Хон. Русско-корейские дипломатические отношения в 1884–1904 гг. М., 2001.

23. Корф Н.А., Звегинцов А.И. Северная Корея: Сборник описаний позиций (Труды Осенней экспедиции 1898 года). СПб., 1901.

24. Корф Н.А., Звегинцов А.И. Военный обзор Северной Кореи. СПб., 1904.

25. Лубенцов А.Г. Хамкенская и Пхиенанская провинции Кореи. С чертежами. Хабаровск, 1897.

26. Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX–начале XX вв. СПб., 2008.

27. Нилус Е.Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. Т. 1. 1896–1923. Харбин, 1923.

28. Павлов Д.Б. Русские военные инструкторы в Корее и Китае в конце XIX в. // Российская история. 2016. № 2.

29. Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. Кн. 2. 1888–1897. М., 2004.

30. Пак Б.Д. Россия и Корея. 2-е изд., доп. М., 2004.

31. Пак Чон Хё. Россия и Корея. 1895–1898 гг. М., 1993.

32. Пискулова Ю.Е. Российско-корейские отношения в середине XIX – начале XX веков. М., 2004.

33. Поездка в Корею Ген. Шт. подполк. Альфтана в декабре 1895 и январе 1896 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 69. СПб., 1896.

34. Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928.

35. Россия и Япония на заре XX столетия. Аналитические материалы отечественной военной ориенталистики. Под. ред. В.А. Золотарева. М., 1994.

36. Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны: в 9 т. СПб., 1910.

37. Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М., 2012.

38. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 75. Поездка Генерального Штаба полковника Карнеева и поручика Михайлова по Южной Корее в 1895–1896 гг. СПб., 1901.

39. Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока 1895–1905 гг. СПб., 1906.

40. Северная Корея. Сборник маршрутов. Труды Осенней экспедиции 1898 года. Под ред. подполковника барона [Н.А.] Корф. СПб., 1901.

41. Симанский П.Н. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие Русско-японской войне (1891–1903 гг.). Ч. I–III. СПб., 1910.

42. Соковнин М.А. О современных корейских войсках // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 69. СПб., 1896.

43. Стрельбицкий И.И. Из Хунчуна в Мукден и обратно по склонам Чан-Бай-Шаньского хребта (отчет о семимесячном путешествии по Маньчжурии и Корее в 1895–1896 гг.). СПб., 1897.

44. Схиммельпенник Ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009.

45. Хохлов А.Н. Д.В. Путята и его план модернизации корейской армии (1896–1898) // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 15. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013.

46. Чой Док Кю. Россия в Корею 1893–1905 гг.: (Политика Министерства финансов и Морского министерства). СПб., 1996.

47. Morse H.B. The international relations of the Chinese empire. Vol. III. 1894–1911. N.Y., Bombay, Calcutta, 1918.

48. Paine S.C.M. The Sino-Japanese War of 1894–1895: Perceptions, Power and Primacy. N.Y., 2010.

А. Ю. Ручкина

ПЕРВЫЕ ПРОЕКТЫ
ОБУЧЕНИЯ КОРЕЙСКОЙ АРМИИ
РУССКИМИ ВОЕННЫМИ ИНСТРУКТОРАМИ

Alexandra Yu. Ruchkina

FIRST TRAINING PROJECTS
FOR THE KOREAN ARMY
BY RUSSIAN MILITARY INSTRUCTORS

Аннотация. В статье рассмотрен начальный этап военного сотрудничества конца XIX в. между Россией и Кореей, а именно первые российские проекты обучения корейской армии. В работе проведен подробный анализ неутвержденных, но частично реализованных проектов отправки русских военных инструкторов в Корею. Впервые уделено внимание плану В.П. Карнеева, который в отечественной историографии еще специально не изучался. Основными источниками исследования стали записи русских подданных, посетивших Корею в данный период. Рассматриваются как опубликованные источники из фондов архивов РГИА, АВПРИ, РГИАДВ, ГАРФ, так и неопубликованные из фондов РГВИА. Основными методами исследования стали анализ и систематизация сведений, содержащихся в источниках. Благодаря проведенной работе, стало возможным понять текущую политическую ситуацию и позицию Российской империи в отношении своей дальнейшей деятельности на Корейском полуострове.

Ключевые слова: Россия, Корея, конец XIX в., русско-корейские отношения, русские военные инструкторы

Abstract. The article describes the initial stage of military cooperation at the end of the XIX century between Russia and Korea, namely the first Russian training projects for the Korean army. A detailed analysis of unapproved but partially implemented pro-

jects of sending Russian military instructors to Korea was conducted. For the first time, attention was paid to the plan of V.P. Karneev, who has not been specifically studied in Russian historiography. The main sources of research are the records of Russian citizens who visited Korea during this period. Both published (from RGIA, AVPRI, RGI-ADV, GARF) and unpublished sources (RGVIA funds) are considered. The main research methods are: analysis and systematization of the information contained in the sources. Thanks to the work done, it becomes possible to understand political situation of that time and the position of the Russian Empire in relation to its future activities on the Korean Peninsula.

Key words: Russia, Korea, the end of the 19th century, Russian-Korean relations, Russian military instructors

История официальных русско-корейских отношений берет начало в 1884 г., когда между Россией и Кореей был заключен договор о дружбе и торговле и вскоре после этого, в 1885 г., была предпринята первая попытка пригласить русских военных инструкторов. Европейские державы раньше России заключили договоры о дружбе и торговле с Кореей, и России для того, чтобы укрепить свое влияние на Корейском полуострове приходилось считаться с политикой других государств. Идея о русском военном инструкторстве в 1884 г. поступила от немецкого советника корейского короля П.Г. Мёллендорфа, который занимал должность вице-президента министерства иностранных дел Кореи. П.Г. Мёллендорф, пытавшийся создать независимое Корейское государство, хотел добиться установления надежного протектората над Кореей. С подобным предложением до этого он обращался к Великобритании, однако корейский король решительно был против английского протектората. С помощью русского протектората П.Г. Мёллендорф надеялся ослабить влияние Японии на Корейском полуострове, а при поддержке русских военных инструкторов немецкий советник надеялся в будущем занять перспективную должность министра

обороны¹. Россия на данное предложение ответила уклончиво и неоднозначно, поскольку введение русского протектората над Кореей могло обострить ситуацию на Дальнем Востоке, и многие страны были против расширения влияния России. США, Великобритания, Германия и Франция старались не допустить, чтобы Корея оказалась в руках Японии или России. На вопрос о протекторате Россия практически сразу ответила отказом, однако вопрос о русских военных инструкторах получил дальнейшее развитие. Начались переговоры с корейским ваном Коджоном, в ходе которых русский дипломат А.Н. Шпейер добился того, что проект о приглашении русских военных инструкторов будет рассмотрен корейскими чиновниками, и что даже если он будет отвергнут, то Корея не пригласит военных инструкторов других стран. Однако корейские чиновники в отличие от короля были настроены против того, чтобы обучением корейских войск занимались русские инструкторы, и поэтому толком не рассмотрев проект А.Н. Шпейера, отказались от него и настояли на том, чтобы обучением занимались американские военные. После этого переговоры между Россией и Кореей зашли в тупик. США и Корея в 1887 г. заключили соглашение, по которому обучение корейских войск было доверено американским военным инструкторам. В 1894 г. их заменили японские военные инструкторы, которые уехали из Кореи в 1896 г.

Русские военные инструкторы прибыли в Корею почти 10 лет спустя после американских. За это десятилетие произошли события, которые поставили под сомнение существование независимой Кореи. Японцы стали активнее вести свою завоевательную политику. Одержав победу в Японо-китайской войне 1894–1895 гг., Япония смогла устранить самого серьезного соперника, который имел значитель-

¹ Ким Чжон Хон. Русско-корейские дипломатические отношения в 1884–1904 гг. М., 2000. С. 106.

ное влияние на Корею. Убийство королевы Мин Мёнсон 8 октября 1895 г. подтолкнуло корейского короля к активному сотрудничеству с Россией. В ночь на 8 октября было организовано вооруженное нападение на королевский дворец корейских солдат, обученных японскими военными инструкторами, в результате которого королева была убита. Король Коджон не мог себя чувствовать в безопасности даже в собственном дворце и поэтому тайно 11 февраля 1896 г. перебрался в русскую дипломатическую миссию, в которой находился целый год вплоть до 20 февраля 1897 г.

В период пребывания корейского короля в русской миссии окончательно сформировалась идея о том, что для обучения корейских войск необходимы русские военные инструкторы. Эта идея очевидно не раз обсуждалась между ванаом Коджоном и русским поверенным в делах К.И. Вебером, которые за время пребывания в русской миссии корейского короля стали хорошими друзьями. Русское правительство о данной инициативе узнало практически сразу, однако отвечать согласием не спешило, поскольку не была ясна реакция других стран. В результате двух заключенных договоров с Японией (Сеульский меморандум 14 мая 1896 г. и Московский протокол 9 июня 1896 г.) Россия получила право держать в Корее войска. Следующим этапом обсуждения вопроса о русских инструкторах стало посольство Мин Ёнхвана, которое прибыло в Москву на переговоры с русским правительством летом 1896 г. Первоначальной идеей переговоров было то, что русские инструкторы помогут сформировать корейскую армию и полицию, однако в результате переговоров русские представители свели разговор лишь к организации охраны короля, однако и после этого никаких гарантий корейским посланникам дано не было. Россия продолжала осторожную линию поведения. К концу лета 1896 г. русское правительство пришло к решению о том, что нужно отправить полковника Д.В. Путятю

для переговоров о военных инструкторах и формирования охранного отряда корейского короля. После чего в Сеул прибыла первая партия русских военных инструкторов.

В данной статье объектом исследования стали первые проекты (созданные в 1896 г.) отправки русских военных инструкторов в Корею, а также их реализация.

Предмет исследования – русско-корейские отношения, выраженные через попытки двух держав прийти к соглашению по вопросу о русском инструкторстве.

Цель исследования – рассмотреть первые предложенные программы обучения корейских войск и понять позиции Кореи и России по вопросу отправки военных инструкторов.

В данной работе был проведен анализ неутвержденных, но частично реализованных, планов обучения корейских войск. Впервые уделяется подробное внимание проекту В.П. Карнеева, который в историографии еще специально не изучался.

Основными источниками данной статьи стали записи русских поданных, посетивших Корею в конце XIX в. Большая часть источников находится в фондах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, Архива внешней политики Российской Империи и Российского государственного военно-исторического архива. Используются и неопубликованные архивные документы из фондов РГВИА, которые представляют собой письма и телеграммы.

Часть архивных документов по исследуемой теме опубликована в сборниках: «Россия и Корея. Некоторые страницы истории (конец XIX века): К 120-летию установления дипломатических отношений: Документы и материалы»² и «Корея глазами россиян (1895–1945)»³. В первой книге

² Россия и Корея. Некоторые страницы истории (конец XIX века): К 120-летию установления дипломатических отношений: Документы и материалы. М., 2004.

³ Корея глазами россиян (1895–1945). Тула, 2008.

представлены архивные документы из АВПРИ, которые распределены в сборнике по тематическому принципу: российско-корейские отношения, российско-корейские военные связи, российско-корейские экономические связи, внутренняя обстановка в Корее, убийство королевы Мин, пребывание корейского короля в русской миссии, политика России и Японии в Корее. Издатели сохранили стиль, пунктуацию и орфографию архивных документов. В сборнике «Корея глазами россиян (1895–1945)»⁴ представлены документы из различных архивов Российской Федерации (РГИА, АВПРИ, РГИАДВ, ГАРФ), отрывки из «Записок Императорского Русского Географического общества», а также выдержки из различных газет и книг. Документы размещены по хронологическому принципу.

Одним из важнейших источников является книга «Поездка Генерального штаба полковника Карнеева и поручика Михайлова по Южной Корее в 1895–96 гг.»⁵, поскольку благодаря этому путешествию В.П. Карнеев смог составить первый план обучения корейских войск. Полковник был командирован в Корею в ноябре 1895 г. для «сбора информации о стране и ее вооруженных силах»⁶.

Записки русских путешественников по Корее были собраны и изданы Г.Д. Тягай единым сборником⁷ в 1958 г. В него вошли пять путешествий: «Дневник Павла Михайловича Делоткевича на пути пешком из Сеула в Посыет через Северную Корею (с 6 декабря по 29 февраля 1886 г.)»; «Краткий очерк современного состояния Кореи князя Дадешкалиани, состоящего при канцелярии приамурского генерал-губернатора (1885 г.)»; «Поездка в Корею летом 1889 г. Гене-

⁴ Там же.

⁵ Поездка Генерального штаба полковника Карнеева и поручика Михайлова по Южной Корее в 1895–96 гг. СПб., 1901.

⁶ Волков С.В. Русские офицеры – исследователи Кореи конца XIX – начала XX века // Российское корееведение. Альманах. Вып. 3. М.: Муравей, 2003. С. 193–202.

⁷ Тягай Г.Д. По Корее: путешествия 1885–1896 гг. М., 1958.

рального штаба подполковника Вебеля»; «Поездка Генерального штаба полковника Карнеева и поручика Михайлова по Южной Корее в 1895–1896 гг.»; «Поездка в Корею Генерального штаба подполковника Альфтана в декабре 1895 – январе 1896 гг.». Представляют интерес еще воспоминания В.А. Альфтана, поскольку они содержат сведения о состоянии корейских войск в 1895–1896 гг. Примечательно, что и В.П. Карнеев и В.А. Альфан стали свидетелями переезда корейского короля в русскую дипломатическую миссию в феврале 1896 г.

Сведения, добытые русскими офицерами, и в том числе полковником В.П. Карнеевым, подполковниками В.А. Альфаном и Ф.М. Вебелем легли в основу трехтомного сборника «Описание Кореи»⁸, выпущенного в 1900 г., о котором будет сказано ниже в разделе историография.

К работе были привлечены также неопубликованные источники из следующих фондов архива РГВИА: материалы о внутреннем положении Кореи, переписка Военно-Учредительного комитета с азиатским департаментом министерства иностранных дел и переписка Военно-Ученого комитета с министром иностранных дел и русской миссией в Корее о посылке в Корею русских инструкторов. Источники в основном представляют собой всеподданнейшее доклады, секретные телеграммы и донесения, переписку с русским министерством иностранных дел и Генеральным Штабом.

В исследованиях, которые охватывают историю Кореи с древнейших времен до новейшего времени, очень мало внимания уделено проблеме посылки русских военных инструкторов в Корею. Таким образом, нужно обратиться к историографии, которая рассматривает непосредственно русско-корейские отношения в конце XIX в. На сегодняшний момент наиболее полно тема русско-корейских отно-

⁸ Описание Кореи. Ч. 1–3. СПб, 1900.

шений изучена Б.Д. Паком в книге «Россия и Корея»⁹. Данная монография комплексно освещает русско-корейские отношения от первых контактов и до аннексии Кореи Японией в 1910 г. Достаточно внушительный раздел посвящен проблеме посылки русских инструкторов в Корею.

В исследовании Пак Чон Хё «Россия и Корея, 1895–1898 гг.»¹⁰ рассматриваются все совместные проекты двух правительств (русского и корейского): учреждение русско-корейского банка, выдача Кореи кредитов и в том числе и посылка русских военных инструкторов.

Масштабное исследование¹¹ Б.Б. Пак посвящено дипломатическому аспекту русско-корейских отношений и охватывает период с 1880-х гг. до 1897 г. В данной работе всесторонне изучено изменяющееся отношение министерства иностранных дел Российской империи к Кореи и корейскому вопросу – сначала осторожная политика противодействия японскому стремлению присоединить Корею к себе, а после – изменение вектора политики и все большие уступки Японии и ее захватническим целям. Дипломатический аспект русско-корейских отношений рассматривает Ким Чжон Хон в своей работе «Русско-корейские дипломатические отношения в 1884–гг.»¹². Существенным плюсом монографии является то, что автор сопоставил русско-корейские дипломатические отношения с дипломатическими связями Кореи и других стран (Великобритании, Германии, США), а также изучил их отношение к политике, проводимой Российской империей в Кореи. Деятельности корейской дипломатической миссии в России посвящена статья Б.Б. Пак «Корейская миссия Мин Ёнхвана в Рос-

⁹ Пак Б.Д. Россия и Корея. Изд. второе, доп. М., 2004.

¹⁰ Пак Чон Хё. Россия и Корея, 1895–1898 гг. М., 1993.

¹¹ Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. Книга первая. М., 1998; Книга вторая. 1888–1897. М., 2004.

¹² Ким Чжон Хон. Русско-корейские дипломатические отношения в 1884–1904 гг. М., 2000.

сию летом 1896 г.»¹³. Автор рассматривает задачи, которые должны были решить корейские посланники на переговорах с русским правительством, в том числе и вопрос о русских инструкторах.

Следует упомянуть и несколько статей, посвященных исключительно теме русского военного инструкторства в Корее в конце XIX в. Наиболее полно эта проблема изучена в статье Ким Ен-Су «Русские военные инструкторы в Корее и корейская армия»¹⁴. Исследователь тщательно разбирает несколько аспектов данного вопроса: приглашение русских инструкторов, русско-корейские переговоры в Москве по этой теме в мае 1896 г., программа развития корейских войск и устройство новой корейской армии. Помимо этого, статья чрезвычайно полезна тем, что Ким Ен-Су тщательно проанализировал и сравнил все возможные точки зрения, которые существуют в российской и корейской историографии по этому вопросу. В статье¹⁵ Л.В. Ивановой, также посвященной русским военным инструкторам в Корее, более подробно рассматривается внутренний процесс обучения корейской армии. Однако здесь встречаются несколько ошибок, что заставляет оценивать данное исследование критически. Исследовательница утверждает, что «план реорганизации корейской армии, как и все другие договоренности, достигнутые в ходе визита в Россию первой корейской миссии во главе с Мин Ён Хваном, не были реализованы до конца»¹⁶, однако, как мы увидим далее, все договоренности между Россией и корейским посольством Мин Ёнхвана

¹³ Пак Б. Б. Корейская миссия Мин Ен Хвана в Россию летом 1896 г. / Вестник центра корейского языка и культуры. СПб, 1997. Вып. 2. С. 212–224.

¹⁴ Ким Ен-Су. Русские военные инструкторы в Корее и корейская армия // Русский сборник: исследования по истории России. М., 2006. Т. II. С. 218–244.

¹⁵ Иванова Л. В. Русские инструкторы в Корее в 1896–1898 гг. // Четвертые Гродековские чтения: материалы регион. науч.-практ. конф. «Приамурье в ист.-науч. контексте России». Хабаровск, 2004. Ч. 1. С. 30–35. URL: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=31266> (дата обращения: 14.06.2016).

¹⁶ Там же.

были реализованы. План реорганизации корейской армии во время пребывания корейского посольства в Петербурге российское правительство никогда не утверждало.

Личности и биографию русских военных, побывавших в Корее в конце XIX в. раскрывает статья С.В. Волкова¹⁷. У того же С.В. Волкова есть другая чрезвычайно важная статья «Корейская армия во второй половине XIX века»¹⁸, в которой проанализированы состояние и организация корейских вооруженных сил, а также деятельность иностранных инструкторов (японских, американских и русских), обучавших корейскую армию в последней четверти XIX в.

Советская историография объясняла интерес России к Корее как расширение сферы влияния русского капитала. Посылка русских военных инструкторов в Корею трактовалась как один из факторов укрепления русского влияния на Корейском полуострове. Практически вся современная русскоязычная историография стоит на позиции того, что посылка русских инструкторов в Корею была попыткой России усилить Корейское королевство, создать независимую от японцев армию, которая, в дальнейшем подчинялась бы исключительно корейскому королю. Усилив позиции Кореи, Россия надеялась на то, что таким образом будет остановлена японская аннексия на Дальнем Востоке, и русские границы будут защищены дружественным и сильным Корейским королевством.

Поезд корейского вана Коджона в русскую миссию

Накануне Японо-китайской войны 1894–1895 гг. обстановка в Корее была напряженной. Воспользовавшись присылкой в Корею китайских войск, японские власти направили

¹⁷ Волков С.В. Русские офицеры – исследователи Кореи конца XIX – начала XX века // Российское корееведение. Альманах. Вып. 3. М., 2003. С. 193–202.

¹⁸ Волков С.В. Корейская армия во второй половине XIX века // Вопросы истории стран Азии и Африки. М., 1980. Вып. 2. С. 39–68.

вили в Корею 4,5 тыс. солдат. В июле 1894 г. было создано новое правительство Кореи, состоящее из прояпонски настроенных чиновников, которые активно взялись за преобразование страны. Созданный для подготовки реформ Высший военный совет (Кунгук кимучхо) принял более двухсот новых законов, известных как «реформы года Кабо», носивших во многом насильственный, демагогический характер. Корейское правительство подписало соглашение с Японией о предоставлении японскому посланнику в Сеуле полномочий на изгнание китайских войск из Кореи, развязавшее Японии руки для начала военных действий¹⁹. Экспансионистская политика Японии, победившей в войне с Китаем 1894–1895 гг., стала постепенно проявляться в отношении Кореи. В попытках противостоять усилившемуся влиянию японцев королевская семья обращается к России: в июле 1895 г. в Новокиевское прибыл посланец Квон Донсу с секретной грамотой от вана Коджона с просьбой взять покровительство над Кореей и избавить ее от гнета Японии²⁰. Несмотря на это Россия не была готова проявить решительное противодействие японцам. Вынужденная согласиться на пересмотр Симоносекского договора с Китаем и отказаться от аннексии Ляодунского полуострова в результате вмешательства России, Франции и Германии, Япония активно стремилась к закреплению своих позиций на Корейском полуострове, чтобы со временем установить там свое безраздельное господство. Предприняв подобный шаг и ослабив влияние Японии на Китай, Россия, однако была не готова открыто бороться за Корею.

Главой прорусской группировки в Корее и главным препятствием на пути японской захватнической политики

¹⁹ История Кореи: С древнейших времен до наших дней. М., 1974. Т. 1, С. 358–359; Пак Б. Б. Российская дипломатия и Корея. С. 84–85.

²⁰ Пак Б. Б. Российская дипломатия и Корея. 1888–1897. С. 122.

в Корее была королева Мин Мёнсон. Её усилиями из кабинета были выведены лояльные японцам чиновники, и важнейшие посты заняли лица, ориентированные на укрепление отношений с Россией. Для устранения королевы японский посланник в Корее Миура Горо прибег к чрезвычайным мерам. В ночь с 7 на 8 октября 1895 г. было организовано вооруженное нападение на дворец вана, в результате которого была убита королева Мин Мёнсон. Действия японцев вызвали целую волну возмущения со стороны иностранных дипломатов. Секретарь американской миссии Г.Д. Аллен и русский поверенный в делах К.И. Вебер публично осудили действия японского посланника. В результате шквала иностранной критики японский МИД отозвал Миуру Горо из Кореи. После выдвинутого Россией требования наказать убийц в Японии был проведен «шутовской» суд над 40 японцами, замешанными в этом деле. После нескольких заседаний суд постановил, что для вынесения приговора не хватает доказательств и в результате все обвинения были сняты, а убийцы – оправданы.

В Корее снова было сформировано прояпонское правительство. Были проведены новые реформы, которые все больше приближали политический строй Кореи к Японии. Были проведены изменения в экономической, административной сферах, пересмотру подверглось и образование. Наиболее унижительной для корейцев стала реформа, запрещающая носить традиционные прически для мужчин.

Множественные негативные изменения в политической и повседневной жизни стали причиной массового недовольства корейцев, которое вылилось в народное восстание. Повсюду возникали вооруженные отряды, которые сражались против японцев и прояпонски настроенных корейцев. Целью подобных отрядов было добраться до Сеула и освободить корейского короля от влияния японских министров.

В самом Сеуле, в условиях провалившихся японских реформ, обстановка также была беспокойной. В собственном дворце король Коджон больше не чувствовал себя в безопасности. Два батальона столичных войск были под контролем японских военных, часть из этих солдат участвовала в убийстве королевы Мин Мёнсон. Дворцовая стража, как и прежде, оставалась под руководством американских военных инструкторов, которые, однако, не смогли сдерживать нападения японцев на дворец в октябре 1895 г.

В обстановке всеобщего беспорядка и хаоса, корейский ван Коджон серьезно беспокоился за собственную безопасность и решил снова обратиться к России за помощью. 2 февраля 1896 г. русский поверенный в делах К.И. Вебер получил от корейского короля записку, в которой было изложено намерение вана Коджона укрыться в здании русской дипломатической миссии. С разрешения русского правительства К.И. Вебер дал согласие на предоставление убежища для корейского короля и его сына. Утром 11 февраля 1896 г. ван Коджон и его сын-наследник прибыли в здание русской дипломатической миссии, где они находились вплоть до 20 февраля 1897 г. Весть о переезде вана Коджона корейский народ встретил с ликованием, поскольку это означало освобождение короля из-под влияния японцев. Отмена ненавистных реформ произошла фактически в день переезда короля в русскую миссию, помимо этого было сформировано новое правительство, большинство членов которого были лица прорусской ориентации. Начался период наиболее тесного сотрудничества между Россией и Кореей.

Необходимо отметить, что переезд корейского короля Коджона в русскую миссию очень неоднозначно рассматривается в историографии. Большинство российских исследователей полагают, что желание укрыться в здании русской миссии и создание ориентированного на Россию правительства изначально было собственной инициативой корей-

ского короля²¹. Существует также точка зрения, что русофильское правительство в Корее было образовано исключительно под давлением Российской империи²².

В период пребывания корейского вана Коджона под защитой русской дипломатической миссии им была окончательно сформулирована идея об обучении корейской армии русскими инструкторами. Впервые это предложение было высказано им ранее, еще до 10 февраля 1896 г. В письме русского поверенного в делах К.И. Вебера, датированного 7 февраля 1896 г., уже говорится о том, что корейский король «желал бы образовать у себя надежный и хорошо обученный корпус войск, численностью до 3000 человек»²³. В том же письме появляется рекомендация назначить главным среди русских военных инструкторов полковника Генерального Штаба В.П. Карнеева.

План В. П. Карнеева

Владимир Петрович Карнеев в 1895 г. служил в чине полковника Генерального штаба в Приамурском военном округе, когда его командировали в Корею для сбора информации о стране и ее вооруженных силах. Вместе с поручиком Михайловым полковник Карнеев в период с 7 ноября 1895 г. по 19 мая 1896 г. обследовал территорию южной части Кореи и ее прибрежные области. В.П. Карнеев и поручик Михайлов находились в Сеуле в день убийства королевы Мин Мёнсон в октябре 1895 г.; помимо этого во время своего путешествия они встречались с отрядами корейских повстанцев, которые выступали против японцев и новых реформ. В 1901 г. были опубликованы записки об их путеше-

²¹ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи. Том. 1: С древнейших времен до 1904 г. М., 2011; Пак Б.Д. Россия и Корея.

²² Романов Б.А. Очерки дипломатической истории Русско-японской войны (1895–1907). М. – Л., 1947.

²³ РГВИА Ф. 846. Оп. 2. Д. 96. Л. 11.

ствии «Поездка Генерального штаба полковника Карнеева и поручика Михайлова по Южной Корее в 1895–96 гг.»²⁴.

Предложение о том, чтобы русские военные инструкторы обучали корейскую армию, король Коджон высказал сразу же после переезда в русскую миссию в феврале 1896 г. Русский поверенный в делах К.И. Вебер среагировал моментально и отправил в Россию телеграмму, где изложил не только идеи корейского короля, но также содержание записки В.П. Карнеева о состоянии корейской армии, представление о которой полковник получил во время своей поездки по Корее в 1895 г. В этой же телеграмме в качестве приложения присутствуют первые соображения В.П. Карнеева о русском инструкторстве в Корее.

В телеграмме от 7 февраля К.И. Вебер говорит о том, что корейский король «желал бы образовать у себя надежный и хорошо обученный корпус войск, численностью до 3000 человек, так как скудные бюджетные средства Королевства не позволяют ему пока задаваться более широкими задачами, но и этого небольшого сравнительного количества войск... было бы вполне достаточно для того, чтобы обезопасить страну, как и от внутренних неурядиц, так и от внешних посягательств на ее независимость»²⁵. Далее идет приложение в виде записки В.П. Карнеева, который дает достаточно развернутый план о русском инструкторстве в Корее. Полковник точно подсчитал количество специалистов, оружия, вещей. В частности, для обучения корейских военных, по его мнению, необходимы были следующие специалисты: для артиллерии – три обер-офицера и 18 нижних чинов, для обучения войск саперному делу – один обер-офицер и два нижних чина, для кавалерии – один обер-офицер и четыре нижних чина, для созда-

²⁴ Поездка Генерального штаба полковника Карнеева и поручика Михайлова по Южной Корее в 1895–96 гг. СПб., 1901.

²⁵ РГВИА Ф. 846. Оп. 2. Д. 96. Л. 11.

ния медицинской части – один медицинский и один ветеринарный фельдшер. Во главе инструкторов, а также для устройства обучения и военно-административных учреждений «должен быть прислан Полковник Генерального Штаба со званием Заведующего устройством и обучением корейской армии и правами корпусного командира над всеми подведомственными ему инструкторами»²⁶. Таким образом, по плану В.П. Карнеева выходило, что в Корею должны быть командированы «один штаб-офицер, одиннадцать обер-офицеров, один врач, два фельдшера, и шестьдесят три нижних чинов разных званий»²⁷.

Полковник точно рассчитал также количество денежных средств, необходимых для содержания русских инструкторов в Корее в течении пяти лет. Содержание, которое должна была обеспечить Корея приглашенным инструкторам: в месяц заведующему обучением офицеру 200 долларов, остальным офицерам 100 долларов, а нижним чинам 10–15 долларов. Помимо этого, каждому должна была быть предоставлена квартира, прислуга и лошадь с содержанием. Также были оговорены условия для отпуска, который для офицеров составлял 28 дней, а через три года отпуск предоставлялся на 4 месяца и без потери содержания, для нижних чинов через три года был дан отпуск всего на месяц и с сокращением содержания. По окончании обучения Корея должна была предоставить инструкторам деньги на обратную дорогу.

Совершая свою поездку по Корее в 1895–1896 гг. полковник В.П. Карнеев обратил внимание на плохое состояние оружия: «Против третьего здания – деревянный сарай, в котором стояло 10 митральез (пулеметов) Гатлинга (все испорчены); здесь же 6 стальных 7,5 см орудий Креппа с клиновым затвором также приведены в негод-

²⁶ РГВИА Ф. 846. Оп. 2. Д. 96. Л. 19.

²⁷ Там же.

ность, лафеты без колес. Два исправных пулемета были отправлены с отрядом на Кончжю (Конджу. – А.Р.). Больно было вчуже видеть в каком печальном виде все это содержалось»²⁸. Поэтому в проекте обучения корейской армии полковник не забыл включить и оружие: «три тысячи ружей системы Бердана...; четыре легких полевых и четыре горных орудий последнего образца со всей материальной частью заряженный приспособленный к малорослым лошадям и походной кузнице...; по 300 патронов на руки или тройной комплект снарядов на какое-нибудь орудие»²⁹. Сюда же еще были включены седла для низкорослых лошадей и специальные подковы. Стоимость орудий, патронов и различного инвентаря не была рассчитана, и полковник предполагает, что, если у корейского правительства не будет возможности со всем этим расплатиться, то можно «отпустить все эти предметы вооружения и снаряжения безвозмездно»³⁰.

Несмотря на то, что план приглашения русских военных инструкторов В.П. Карнеева стал первым, он отличается достаточной тщательной проработкой деталей. Фактически это был уже готовый проект, поскольку он охватывал все ключевые вопросы: количество инструкторов, их содержание, а также необходимый инвентарь.

Однако самой главной проблемой был недостаток денежных средств, таким образом стало понятно, что у Кореи нет возможности пригласить слишком большое число инструкторов и соответственно создать достаточный для обороны Корейского королевства контингент войск. В основном из-за нехватки средств и была отвергнута эта самая первая программа присылки русских военных инструкторов. Данный проект был также отвергнут из-за

²⁸ Тягай Г.Д. По Корею: путешествия 1885–1896 гг. С. 190.

²⁹ Россия и Корея. Некоторые страницы истории (конец XIX века): К 120-летию установления дипломатических отношений: Документы и материалы. С. 129.

³⁰ Там же.

нежелания русского правительства проводить слишком активную политику в Корее сразу после переезда корейского короля в русскую миссию. Русский поверенный в делах К.И. Вебер в том же письме от 7 февраля 1896 г. настоятельно советовал как можно быстрее прислать русских инструкторов и во главе их поставить В.П. Карнеева, поскольку, путешествуя по Корее в 1895–1896 гг., полковник стал свидетелем важнейших политических событий, происходящих в Корее, поскольку тот «знает ее условия»³¹. Однако, опасаясь открытого противодействия со стороны Японии, Россия медлила, поэтому проект так и остался неосуществленным.

Примечательно, что это единственный проект, который рассматривал исключительно обучение корейских военных подразделений, а не охранной стражи короля.

Проект Военного министерства

План обучения охранной стражи короля был разработан уже в апреле 1896 г. Узнав о желании вана Коджона обратиться к русским военным инструкторам в военном министерстве 5 апреля было созвано специальное совещание. Состав совещания был следующий: председатель – генерал-адъютант Н.Н. Обручев, командующий войсками Приамурского военного округа генерал-полковник С.М. Духовской, управляющий делами военно-ученого комитета Главного штаба генерал-лейтенант Ф.А. фон Фельдман, начальник азиатской части Главного штаба генерал-лейтенант Порценко, а также полковники Генерального штаба Д.В. Путята и Евтюнин.

По плану охранная стража должна была состоять из одного батальона пехоты количеством в 1000 человек, по 250 нижних чинов в 4 ротах³². «Обучение стражи коман-

³¹ РГВИА Ф. 846. Оп. 2. Д. 96. Л. 16 об.

³² Там же. Л. 27.

дование ею и заведывание хозяйством должны быть поручены русским офицерам и нижним чинам, командиремым в следующем числе: один штаб-офицер в должности командира батальона, 4 обер-офицера для командования ротами, 1 обер-офицер в должности адъютанта и казначей, 4 фельдфебеля, 8 унтер-офицеров, 1 горнист, барабанщик, 1 врач»³³. Таким образом, для обучения охраны короля нужно было командировать 21 человека. Военные инструкторы должны были быть командированы из Приамурского военного округа сроком на три года. Корея должна была выплачивать командующему русскими инструкторами 100 долларов в месяц, плюс 300 долларов на дополнительное содержание, офицеры должны были получать 16 долларов в месяц, плюс 175 долларов на дополнительное содержание, а все младшие чины – 12 долларов в месяц, плюс 30–20 в месяц на дополнительное содержание. Помимо этого, в проекте оговаривалось, что каждому инструктору должны быть предоставлены переводчик, казённое помещение и лошадь. Ван Коджон одобрил данный план и, помимо этого, внес предложение о том, чтобы командированные инструкторы, могли бы помимо обучения охраны заняться обучением и остального корейского войска, которое на тот момент состояло всего из 4000 человек. Однако ситуация осложнилась после того как между Японией и Россией были заключены два важнейших договора по Корее. 14 мая 1896 г. между Россией и Японией был подписан Сеульский меморандум, согласно которому обеим странам предоставлялось право держать войска на территории Кореи, но большая часть японских войск выводилась из Кореи. Это право подтвердил Московский протокол, подписанный 9 июня 1896 г., однако с одним уточнением, что контингент войск, расквартированных в Корее, должен быть равным с русской и японской стороны. Ста-

³³ РГВИА. Ф. 448. Оп. 1. Д. 9. Л. 2–2 об.

раясь не разрушить установившиеся отношения с Японией, программа посылки русских военных инструкторов и создания охранительного отряда для корейского короля, созданная специальным совещанием военного министерства, была заморожена.

С прибытием в Петербург корейского посольства Мин Ёнхвана летом 1896 г. вопрос о русских военных инструкторах получил новое развитие.

Переговоры Мин Ёнхвана в Москве

Летом 1896 г. корейским королем было получено официальное приглашение на коронацию нового императора России Николая II. Используя это приглашение как предлог для продолжения диалога, в Россию прибыло посольство во главе с Мин Ёнхваном – племянником покойной королевы Мин. Миссия посла заключалась в том, чтобы, с одной стороны, участвовать в церемонии коронации, а с другой стороны – обсудить несколько актуальных вопросов в ходе переговоров с русским правительством:

- 1) телеграфное сообщение;
- 2) военные инструкторы;
- 3) королевские советники;
- 4) охранная гвардия для короля;
- 5) заем в 3 млн иен.

По поводу пунктов 2 и 4 инструкции данные ваном Коджоном корейскому послу гласили: «Не будучи в состоянии доверять японским инструкторам – просить инструкторов русских:

- 1) инструктора должны быть лица, безупречно знающие свое дело;
- 2) устройство военного оркестра, интендантства и ветеринарной части;
- 3) новообученных (японцами) войск в Корее теперь 2400; старых (прошедших последовательно военную школу

у китайцев, японцев, немцев и американцев) – 1000. Сколько пошлют инструкторов?

4) организация кавалерии, саперной (инженерной) части, жандармерии и полиции»³⁴.

Если сопоставить инструкции вана Коджона и проект В.П. Карнеева, то можно найти множество совпадений, так как король настаивает на организации тех же самых частей, о которых писал В.П. Карнеев, таких как кавалерия, саперная и ветеринарная части, жандармерия, полиция. Устройство военного оркестра в программе полковника, правда, не рассматривалось, однако среди нижних чинов, которых нужно было пригласить в Корею, состоял один трубач для кавалерии. Можно предположить, что план В.П. Карнеева, который активно поддержал русский поверенный в делах К.И. Вебер, был показан и корейскому королю, которого с К.И. Вебером связывала многолетняя дружба. Возможно основываясь на плане полковника В.П. Карнеева и была создана данная инструкция для корейского посла. Однако именно в этой инструкции впервые была высказана идея о создании охранной гвардии для вана Коджона. Правда, корейская сторона настаивала на том, чтобы охранный отряд состоял из русских военных: «Пока не будет обучено надежное туземное войско – просить русскую охрану для короля»³⁵. Историк Пак Чон Хё уделяет внимание тому, что вопрос о русских инструкторах и охране короля был слит корейским послом в один, т.е. русские инструкторы должны были одновременно обучать корейское войско и охранять королевский дворец³⁶. Б.Д. Пак уточняет, что возможно «само корейское правительство толковало вопрос о русских военных инструкторах именно в этом плане»³⁷. Охрана короля

³⁴ Цит по: Пак Б.Д. Россия и Корея. С. 248–249.

³⁵ Цит по: Пак Б.Д. Россия и Корея. С. 249.

³⁶ Пак Чон Хё. Россия и Корея, 1895–1898 гг. С. 47.

³⁷ Пак Б.Д. Россия и Корея. С. 251.

была нужна, прежде всего, для скорейшего возвращения вана Коджона в собственный дворец, поскольку столь долгое пребывание в русской миссии способствовало падению его авторитета в глазах корейского народа. Посол Мин Ёнхван хотел добиться разрешения использования русских матросов, обеспечивавших охрану русской дипломатической миссии в Сеуле, в охране королевского дворца, однако это предложение было отвергнуто. Несмотря на это, министерство иностранных дел России заверило Мин Ёнхвана, что корейский король может оставаться в русской миссии столько, сколько ему будет угодно. Было выдвинуто следующее предложение: послать русских военных инструкторов в Корею безотлагательно, чтобы они смогли одновременно обучать корейское войско и обеспечить надежную охрану для корейского короля. Однако и оно было отвергнуто, поскольку твердая позиция министерства иностранных дел России предполагала необходимость первоначального изучения состояния корейской армии на месте и выработки проекта отправки военных инструкторов. Для этого следовало в ближайшем времени послать в Корею офицера-специалиста. На основе данного разговора МИД России были выработаны ответные предложения корейскому послу:

I. «Король во время пребывания своего в Русской миссии, охраняется русской стражей. Он может оставаться в Миссии, сколько сам сочтет нужным и удобным, если же воспоследует возвращение Короля в свой дворец, то Русское Правительство может принять на себя нравственное ручательство за его безопасность. Русский отряд, находящийся ныне в Миссии, останется там в распоряжении Русского Посланника, и в случае надобности может даже быть усилен.

II. Для решения вопроса об инструкторах, в Сеул будет отправлен в ближайшем времени высокопоставленный и

опытный русский офицер, которому Русское правительство поручит вступить в переговоры с Корейским по сему предмету. Сказанному офицеру прежде всего поручено заняться вопросом о сформировании отряда телохранителей Короля...»³⁸.

По остальным поставленным корейским послом вопросам русское правительство дало в целом положительный ответ, однако в той же уклончивой форме. Лишь вопрос о телеграфном сообщении был решен без всяких оговорок. Формально Мин Ёнхван также получил ответ на вопрос и о русских военных инструкторах, и об охране для короля, однако в форме, несколько отличающейся от предполагаемых корейским правительством. За безопасность короля русское правительство ручалось лишь только «нравственно», а вопрос о военных инструкторах получил отсрочку до того момента как в Корею будет отправлен русский офицер, который непосредственно на месте составит программу отправки военных инструкторов. Затягивание решения со стороны русского правительства объяснялось тем, что Россия была связана соглашениями с Японией, оставлявшими открытым вопрос о том, кто будет формировать вооруженные силы Кореи. В условиях Сеульского меморандума и Московского протокола Россия беспокоилась, что посылка большого количества русских инструкторов может нарушить условия действующих договоров с Японией. Промедление вызвало недовольство некоторых корейских государственных деятелей, часть которых не исключала возможность диалога с Японией. Корейский посол Мин Ёнхван, получив столь расплывчатые ответы от русского правительства, принял решение остаться в Петербурге, чтобы наблюдать за выполнением «Ответных пунктов корейскому послу».

³⁸ Россия и Корея. Некоторые страницы истории (конец XIX века): К 120-летию установления дипломатических отношений: Документы и материалы. С. 138.

Вскоре после переговоров с корейским послом, летом 1896 г. русское правительство решило отправить в Корею полковника Генерального штаба Д.В. Путятю для переговоров о военных инструкторах и охранительном отряде короля. Осенью 1896 г. он прибыл в Корею, вместе с ним в Сеул прибыли 13 (с декабря 1896 г. – 14) русских военных инструкторов. Занятия начались 3 ноября 1896 г. Весной 1897 г. обученный русскими инструкторами батальон стал демонстрировать первые успехи, и вскоре – в начале лета 1897 г. – было принято решение отправить вторую партию военных инструкторов в Корею, которые прибыли в Сеул 29 июля 1897 г. Приступить к обучению они смогли лишь 13 октября. Столь длительная задержка была связана с ослаблением влияния России. Ван Коджон к тому времени уже покинул русскую дипломатическую миссию, и, помимо этого, западные державы и Япония всеми силами старались воспрепятствовать сотрудничеству между Россией и Кореей. В это же время русское правительство решает уступить Корейское королевство Японии, чтобы та не препятствовала расширению влияния России в Маньчжурии. В самой Корее набирает силу новое патриотическое движение, стоящее на позиции независимости королевства от какого-либо иностранного влияния. Новое движение было направлено не только против Японии, но, также против России и любого ее участия во внутренних делах Кореи. Антирусские настроения постепенно растут, и в Сеуле проводится несколько митингов, участники которых направляют письмо министру иностранных дел Кореи с требованием отказаться от услуг русских военных инструкторов, а также русского финансового советника, который помогал корейскому министерству финансов с октября 1897 г. Сложив все факторы вместе, русское правительство решает отозвать инструкторов и финансового советника, что и произошло в марте 1898 г.

На примере первых проектов отправки русских военных инструкторов видно, что русское правительство выбрало осторожную линию ведения политики в Корее. Полковник Генерального Штаба В.П. Карнеев разработал план обучения корейских войск, который полностью соответствовал нуждам Корейского королевства, а именно создание действующей корейской армии, независимой от влияния японцев. Несмотря на одобрение данного проекта корейской стороной, в России он не нашел поддержки. На специальном совещании военного министерства был разработан новый план отправки русских военных инструкторов и обучения охранной гвардии корейского короля, однако данный проект получил развитие только после того, как были заключены Сеульский меморандум 14 мая 1896 г. и Московский протокол 9 июня 1896 г. В это же время в Санкт-Петербург прибывает посольство Мин Ёнхвана с инструкциями от вана Коджона, которые по ряду пунктов схожи с проектом В.П. Карнеева: в них говорится о создании армии и создании охранного отряда для короля из русских офицеров. Однако несмотря на все обсуждения министерство иностранных дел России осталось на своем – русские военные инструкторы будут отправлены в Корею только для обучения королевской охранной гвардии. Именно этим и занимались русские военные инструкторы вплоть до того, как были отозваны назад в Россию в марте 1898 г. Несмотря на то, что В.П. Карнеев, Д.В. Путята и корейский король настаивали на обучении корейского войска, русское правительство, опасаясь вызвать недовольство со стороны других стран и боясь потерять поддержку со стороны корейского народа, от активной политики отказалось. По результатам деятельности русских инструкторов в Корее было создано два охранных батальона. Наиболее недовольных отъездом русских инструкторов корейских офицеров отправили на службу в корейские провинции. В дальнейшем король Коджон занимался расши-

рением корейской армии и довел ее численность до 15000 чел., однако это не были профессиональные войска и осуществляли они скорее полицейские функции.

Источники и литература

Архивные источники

1. РГВИА. Ф. 846. Оп. 2. Д. 96. Материалы о внутреннем положении Кореи.

2. РГВИА. Ф. 448. Оп. 1. Д. 9. Переписка Военно-Ученого комитета с министром иностранных дел и русской миссией в Корею о посылке в Корею русских инструкторов.

3. РГВИА. Ф. 448. Оп. 1. Д. 10. Переписка Военно-Учредительного комитета с азиатским департаментом министерства иностранных дел.

Литература

1. Афанасьев 1-й, Грудзинский Н. Русские инструкторы в Корею в 1896–1898 гг. Хабаровск, 1898.

2. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке: Военно-политический потенциал России. М., 1973.

3. Волков С.В. Корейская армия во второй половине XIX века // Вопросы истории стран Азии и Африки. М., 1980. Вып. 2.

4. Волков С.В. Русские офицеры – исследователи Кореи конца XIX – начала XX века // Российское корееведение. Альманах. Вып 3. М.: Муравей, 2003.

5. Всемирная история. М., 1955–1965. Т. 1–10.

6. Жуковский В.П. Военное образование в России: преемственность, опыт, традиции // Под ред. Г.П. Корнеева. Саратов, 1999.

7. Иванова Л.В. Русские инструкторы в Корею в 1896–1898 гг. // Четвертые Гродековские чтения: материалы регион. науч.-практ. конф. «Приамурье в ист.-науч. контексте России». Хабаровск, 2004. Ч. 1. URL: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=31266> (дата обращения: 14.06.2016).

8. История Кореи: С древнейших времен до наших дней. М., 1974. Т. 1, Т. 2.

9. Ким Ен-Су. Русские военные инструкторы в Корее и корейская армия // Русский сборник: исследования по истории России. М., 2006. Т. II.

10. Ким Чжон Хон. Русско-корейские дипломатические отношения в 1884–1904 гг. М., 2000. URL: <http://www.dissercat.com/content/russko-koreiskie-diplomaticheskie-otnosheniya-v-1884-1904-gg> (дата обращения: 14.06.2016).

11. Корея глазами россиян (1895–1945). Тула, 2008.

12. Корея и Россия: традиции и современность. К 150летию со дня рождения Ли Пом Чина. М., 2002.

13. Курбанов С. История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб., 2009.

14. Михайлов А.А. Руководство военным образованием в России во второй половине XIX – начале XX века. Псков, 1999.

15. Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. М., 1956.

16. Нихамин В.П. Дипломатия русского царизма в Корее после японо-китайской войны (1895–1896 гг.) // История международных отношений, история зарубежных стран. М., 1957.

17. Описание Кореи. Сокращенное переиздание. М., 1960.

18. Описание Кореи. Ч. 1–3. СПб., 1900.

19. Очерки о Японии, Корее и Маньчжурии. М., 1904.

20. Пак Б.Б. Корейская миссия Мин Ен Хвана в Россию летом 1896 г. // Вестник центра корейского языка и культуры. СПб, 1997. Вып. 2.

21. Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. Книга первая. М., 1998; Книга вторая. 1888–1897. М., 2004.

22. Пак Б.Д. Россия и Корея. Изд. второе, доп. М., 2004.

23. Пак М.Н. Взгляд на историю российско-корейских отношений (XIX–XX вв.) // Россия и Корея. Модернизация, реформы, международные отношения. М., 1997.

24. Пак Чон Хё. Россия и Корея, 1895–1898 гг. М., 1993.

25. Пак Чон Хе. Корея во внешней политике России и Русско-японская война. (1897–1907 гг.). М., 1995.

26. Поездка Генерального штаба полковника Карнеева и поручика Михайлова по Южной Корее в 1895–96 гг. СПб., 1901.

27. Пролог Русско-японской войны: материалы из архива графа С.Ю. Витте / Под ред. Б.Б. Глинского. Пг., 1916.

28. Романов Б.А. Очерки дипломатической истории Русско-японской войны (1895–1907). М. – Л., 1947.

29. Россия и Корея. Некоторые страницы истории (конец XIX века): К 120-летию установления дипломатических отношений: Документы и материалы. М., 2004.

30. Сборник договоров России с другими государствами: 1856–1917. М., 1952.

31. Сим И.Г. Корея во внешней политике России и Японии в 1895–1905 гг. (по материалам официальных опубликованных документов) // Личность, общество, культура в историческом процессе: Сборник научных статей. Волгоград, 2002.

32. Сувилов Н.С. Корея: страна и её история последнего времени. СПб., 1904.

33. Сухопутные и морские силы Японии и Кореи с указанием важнейших статистических данных. СПб., 1904.

34. Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи. Том. 1: С древнейших времен до 1904 г. М., 2011.

35. Толпежников В.А. Подготовка военных специалистов в России XIX – начала XX в. // Вклад в победу над фашистской Германией сибирских формирований Красной армии в годы Великой Отечественной войны: материалы региональной научно-практической конференции, 25 апреля 2008 года. Томск., 2008.

36. Тягай Г.Д. По Корею: путешествия 1885–1896 гг. М., 1958.

37. Тягай Г.Д. Очерк истории Кореи во второй половине XIX в. М., 1960.

38. Хохлов А.Н. Д.В. Путята и его план модернизации корейской армии (1896–1898) // Вестник Центра корейского языка и литературы. Вып. 15. 2013. URL: <http://koryo-saram.ru/d-v-putyata-i-ego-plan-modernizatsii-korejskoj-armii-1896-1898/> (дата обращения: 14.06.2016).

39. Шмидт Ю. Страна утреннего спокойствия: Корея и её обитатели. Изд. 2. СПб., 1904.

40. Pavlov D.B. The Russian 'Shanghai Service' in Korea, 1904–05 // Eurasian review, Volume 4, November 2011. P. 42–51.

41. Wikinson W.H. The Korean government: constitutional changes. Shanghai, 1897.

А. В. Пак

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР
В РОССИЙСКО-КОРЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Alexander V. Pak

RELIGIOUS FACTOR
IN RUSSIAN-KOREAN RELATIONS
IN THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES

Аннотация. Впервые мысль об открытии Православной Миссии в Корее высказали не священники, а русские дипломаты. В 1889 г. представитель российского МИД Н.А. Шуйский составил весьма любопытный документ, в котором содержался план основания православной миссии в Корее. В нём, в частности, подчёркивалось, что поскольку Корея представляет для России интерес с точки зрения её политики на Дальнем Востоке, то «это должно побуждать озаботиться изысканием мер к приобретению там культурного влияния как составляющего фундамента, на котором строится влияние политическое...».

Деятельность Российской Духовной Миссии (РДМ) в Сеуле, несмотря на широко заявленные в первоначальном плане задачи усиления культурного влияния в Корее практически с самого начала своей деятельности столкнулась с многочисленными проблемами и трудностями. Отсутствие материальных средств и непростая политическая ситуация в Корее привели к тому, что России пришлось понизить планку своих первоначальных притязаний и ограничиться более скромными целями. Православный храм так и не был построен. Для этого, к сожалению, не хватило ни необходимого финансирования, ни энергии православных миссионеров, ни нужного политического решения. Недооценка влияния религиозного фактора, наряду с просчётами наших дипломатов и сменой приоритетов во внешней политике России, оказались в числе многих объективных факторов, закономерно

приведших к тому, что Россия отказалась от проведения активной политики в Корею перенеся центр своих интересов в соседнюю Маньчжурию. Слова Шуйского о важности культурного влияния, которое переходит в политическое, сбылись, но, к сожалению, не для России.

Ключевые слова: Н.А. Шуйский, Российская Духовная Миссия (РДМ), православный храм, религиозный фактор, культурное влияние

Abstract. For the first time, the idea of opening the Orthodox Mission in Korea was expressed not by priests, but by Russian diplomats. In 1889, the representative of the Russian Foreign Ministry, N.A. Shuisky compiled a very curious document, which contained a plan for the establishment of an Orthodox mission in Korea. In particular, it emphasized that since Korea is of interest to Russia from the point of view of its policy in the Far East, «this should prompt us to look for measures to acquire cultural influence there as a constituent foundation on which political influence is built ...».

The activity of the Russian Spiritual Mission (RDM) in Seoul despite the widely stated in the original project objectives of strengthening the cultural influence in Korea almost from its inception has faced numerous problems and difficulties. The lack of material resources and a difficult political situation in Korea has led to the fact that Russia had to lower the bar of their initial claims and to confine itself to more modest goals. The Orthodox Church was never built. This, unfortunately, had neither the necessary funding nor the energy Orthodox missionaries, no need for a political solution. The underestimation of the impact of the religious factor, along with the miscalculations of diplomats and a change of priorities in Russian foreign policy, was among the many objective factors naturally led to the fact that Russia did not conduct active policy in Korea by shifting the center of their interests in neighboring Manchuria. The words of Shuisky of the importance of cultural influence, which goes to the political come true, but unfortunately, not for Russia.

Key words: N.A. Shuisky, a Russian Orthodox Mission (RDM), an Orthodox Church, the religious factor, cultural influence

Сегодня концепция «мягкого культурного влияния» посредством активного продвижения своих культурных ценностей используется практически всеми развитыми

государствами мира, включая США и Южную Корею. Об успехах американцев и южнокорейцев в области пропаганды своей культуры говорят не только популярность музыкальной культуры и киноиндустрии этих стран, но даже (в случае с Республикой Корея) создание положительного образа национальной кулинарии.

К сожалению, Россия в плане популяризации и продвижения своей национальной культуры стоит далеко не на первом месте. А ведь ещё сравнительно недавно, каких-нибудь два столетия назад, она была одной из великих держав, пытавшихся активно продвигать на Востоке не только свои государственные, но и культурные ценности. И в этой связи весьма поучительной будет история основания и укрепления православия в Корее в конце XIX – начале XX вв.

История первых контактов между Россией и Кореей уходит своими истоками в XVII в., когда после открытия официальных сношений с Китаем россияне получили доступ к сведениям о Корее.

Эпоха «открытия Кореи» положило собой начало соперничеству великих держав за господство в этой стране. Однако помимо военного, экономического и политического соперничества здесь развернулась борьба за человеческие души – иностранные миссионеры стали активно проповедовать христианство. Каждая из ветвей христианства была представлена интересами одной из великих держав, боровшихся в то время за преобладание на полуострове.

Католицизм представляла Франция, интересы которой в Корее, на всём протяжении проникновения туда христианства оставались незначительными. Однако поскольку католики являлись там первопроходцами, им поначалу принадлежал приоритет в Корее.

Протестантское направление было представлено большим разнообразием стран, среди которых бесспорными лидерами были США, которые помимо заинтересованности

в христианизации, имели здесь свои политические и экономические интересы.

Что касается православия, то оно пришло на полуостров позже других христианских конфессий. Российская Духовная Миссия (РДМ) была учреждена там лишь в 1897 г.¹

Для сравнения отмечу, что первые католики сумели проникнуть в Корею ещё в XVIII в., а протестанты – в 80-х гг. XIX в. Положительное влияние на создании РДМ сыграл факт массового переселения корейцев в конце XIX – начале XX вв. на территорию Российской империи и работа православного духовенства в их среде. Основными причинами для вынужденного переселения были неурожаи, стихийные бедствия, голод и жестокие притеснения со стороны феодального правительства.

Корейцы, осевшие на российской территории, для закрепления своего положения сами хлопотали о российском подданстве и выражали желание принять «русскую веру». Причём процесс добровольного принятия корейцами православия был столь значителен, что уже к 70-м гг. XIX в. в Уссурийском крае насчитывалось уже 2083 крещёных корейца².

Ещё до появления корейцев в российских пределах осознанию важности миссионерского служения Русской православной церкви на Дальнем Востоке способствовал граф Е. В. Путятин, который ещё в 50-х гг. XIX в. совершил путешествие на фрегате «Паллада» вблизи корейских берегов. В своём письме министру просвещения А. С. Норову он, в частности, писал:

«К стыду нашему, все католические и даже протестантские нации, при всяком открытии политических и торговых связей с новыми племенами, первым делом считают

¹ Шкаровский М. В. Русская православная духовная миссия в Корее [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bogoslov.ru/greek/>.

² История Российской духовной миссии в Корее. М., 1999. С. 120.

распространение между ними истин религиозных и тем всегда успевают образовать партию, расположенную к ним не из одних материальных выгод. Будучи лишены этой святой ревности, мы ещё хвалимся пред всеми, что прозелитизм не есть свойство православия, тогда как в этом нам служит укором вся история христианства, начиная с апостольских и до наших времён. Пора выйти из этого заблуждения и неслыханное равнодушие к этому предмету заметить тем большим рвением к проповеди евангельской, чем долее мы находились в теперешнем усыплении»³.

Однако лишь начале 80-х гг. XIX в. объективно сложились условия, способствовавшие российско-корейскому сближению, к числу которых можно в первую очередь отнести увеличение притока корейских поселенцев в Россию и рост объёмов приграничной торговли. Настал весьма благоприятный момент для открытия в этой стране проповеднической деятельности.

Впервые мысль об открытии Православной Миссии в Корее высказали не священники, а русские дипломаты. В 1889 г. представитель Российского МИД Н.А. Шуйский составил весьма любопытный документ, в котором содержался план основания православной миссии в Корее. В нём, в частности, подчёркивалось, что поскольку Корея представляет для России интерес с точки зрения её политики на Дальнем Востоке, то «это должно побуждать озаботиться изысканием мер к приобретению там культурного влияния как составляющего фундамента, на котором строится влияние политическое...»⁴. Шуйский считал, что Россия не сможет укрепиться в этой стране экономически, и ей следует с выгодой для себя использовать православную миссионерскую деятельность с тем, чтобы со временем завоевать симпатии со стороны местного населения.

³ Мельник В. И. Гончаров и православие. М., 2008. С. 29.

⁴ История Российской духовной миссии в Корее. С. 173.

Отдавая дань исторической справедливости, следует отметить, что записка Шуйского на момент её написания нашла немало приверженцев среди прогрессивно мыслящих российских дипломатов, работавших на корейском направлении. В частности, в одном из комментариев к ней было отмечено, что следует обратить особое внимание на организацию РДМ и на состав её будущих членов, которые, помимо высокого нравственного уровня должны были обладать большим запасом знаний. Причём помимо знания местного языка особое внимание уделялось навыкам практического плана (обиходная медицина, знание некоторых ремёсел и даже основ сельского хозяйства), поскольку только так можно было показать корейцам выгоды и удобства жизни цивилизованных народов⁵.

Примечательно, что и американские проповедники, которые в это время только присматривались к Корее как к перспективному полю для обширной христианской деятельности, также не обошли своим вниманием этот момент. Вот что писал в 1884 г. из Китая своим коллегам – протестантским миссионерам, находящимся в Японии, пастор Джилберт Рейд:

«Я считаю, что для работы там (в Корее. – А.П.) нужны не столько проповедники, сколько учителя и врачи. Они должны приехать сюда хорошо снабженными, с надлежащими учебниками для того, чтобы преподавать английский язык, а врач обязательно с медицинскими книгами и инструментами. Тем самым они сразу сумеют завоевать уважение народа, в то время как иная политика возбудит подозрение и даже ненависть со стороны местного населения»⁶.

Несмотря на усилия дипломатов Н.А. Шуйского, З.М. Поляновского и личное одобрение императора Нико-

⁵ «Краткий очерк распространения христианства в Корее в связи с вопросом об учреждении там Православной Духовной Миссии» // АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 37. Л. 35.

⁶ Paik L. G. The history of protestant missions in Korea 1832–1910. Seoul, 1987. P. 75.

лая II, Святейший Синод лишь спустя одиннадцать лет, в 1897 г., утвердил этот проект, но с оговоркой, что главной целью Миссии является «обслуживание русских православных, проживающих в Корее» и лишь **«по возможности»** (выделено автором) насаждение христианской веры среди местного населения⁷. Столь долгую паузу между планом и его практической реализацией российские историки объясняют тем, что верховные иерархи тогдашней РПЦ попросту не были заинтересованы в расширении деятельности православных миссионеров за рубежом⁸.

Кроме того, следует учитывать и тот факт, что российская дипломатия в начале 80-х гг. XIX в., делая первые шаги на корейском направлении, выжидала более благоприятного момента для укрепления здесь своего политического и экономического влияния. Он наступил в 1896–1897 гг., когда после бегства вана Коджона в здание русского консульства и назначения нового корейского правительства из которого были удалены все японские ставленники, а позиции России в Корее значительно усилились. Именно в это время в страну прибывают русские военные инструкторы и финансовый советник, которые благодаря своей своевременной и успешной деятельности сумели приобрести высокий моральный авторитет среди тогдашней корейской правящей элиты⁹. Не случайно именно в это время российский дипломат в Корее З.М. Поляновский обратился с прошением направить православного священника в Сеул и построить там храм. Эта просьба была связана с увеличившимся числом православного населения в столице Кореи, которое, по подсчетам вице-консула, составляло 150 человек и основную массу которого составили российские военные инструкторы, военные агенты, учителя русской школы

⁷ История Российской духовной миссии в Корее. С. 181.

⁸ Там же. С. 323.

⁹ Пак А.В. Общество независимости в Корее. М., 2011. С. 191–192.

и российские корейцы, работавшие по найму в различных секульских государственных учреждениях¹⁰.

Деятельность РДМ в Сеуле несмотря на широко заявленные в первоначальном плане задачи усиления культурного влияния в Корее практически с самого начала своей деятельности столкнулась с многочисленными проблемами и трудностями. Одной из главных стало отсутствие храма для проведения богослужений. Несмотря на то, что путём сложных переговоров с корейским правительством подходящий участок земли для сооружения православного храма был приобретён уже в 1898 г.¹¹ И он, к сожалению, остался лишь бумажным прожектом, так и не сумевшим обрести под собой реальной почвы¹².

Основными причинами такого исхода дела стали с одной стороны нежелание российского МИД слишком активно вмешиваться в корейские дела, чтобы не вызвать осложнения с Японией, а с другой – равнодушие тогдашнего руководства Русской православной церкви (РПЦ) к нуждам православных миссионеров, работавших за границей. Однако помимо них были и другие, не менее значимые, к коим можно отнести смену приоритетов во внешней политике России в конце XIX – начале XX вв., неимения у нас достаточного количества надлежащим образом подготовленных проповедников, сильной конкуренцией со стороны иностранных христианских миссий (католиков и протестантов), а также Русско-японскую войну, которая окончательно поставила крест на планах России по усилению культурного и политического влияния в Корее¹³.

Отсутствие материальных средств и непростая ситуация в Корее привели к тому, что России пришлось пони-

¹⁰ История Российской духовной миссии в Корее. С. 180.

¹¹ Там же. С. 198.

¹² План постройки церкви в Сеуле // АВПРИ. Ф. 150 Японский стол. Оп. 493. Д. 37. Л. 106.

¹³ Извлечение из письма д. с. с. Н. Г. Матюнина от 30 сентября 1897 г. // АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 37, Л. 55.

зить планку своих первоначальных притязаний и ограничиться более скромными целями. Соответственно этому были выделено и финансирование, которое составляло примерно 7–10 тыс. руб. в год, при том что для постройки хотя бы одного приличного храма по сведениям, содержащимся в мемуарах православных священнослужителей, требовалась на тот момент сумма никак не меньше 30–40 тыс. руб.¹⁴ По мнению же российских дипломатов, работавших в Сеуле, денег требовалось даже больше. Вот что отмечал тогдашний российский поверенный в делах в Сеуле М.Н. Матюнин:

«Мне представляется преждевременным учреждать здесь теперь же отдельную духовную миссию и строить для неё особый храм. В материальном отношении отпущенного на это кредита в 25 000 рублей (он был отпущен в 1898 г. указом Святейшего Синода. – А.П.) совершенно недостаточно: половина этой суммы уйдёт на уплату за землю и ограду... Остальная половина уйдёт на жилой дом и необходимые хозяйственные постройки миссии, следовательно, для храма необходимо новое ассигнование и если принять в соображение, что на католический собор (имеется в виду католический храм Мёндон. – А.П.), строившийся с лишком четыре года и весьма хозяйственно, уже затрачено 60 000 долларов, то нашему правительству вряд ли возможно будет ограничиться для отдельной церкви суммой меньше этой»¹⁵.

Поэтому Российское министерство иностранных дел, тщательно взвесив все факты и внимательнейшим образом ознакомившись со мнением православных священников и с экспертными оценками наших дипломатических

¹⁴ История Российской духовной миссии в Корею. С. 182.

¹⁵ Письмо Н.Г. Матюнина министру иностранных дел графу В.Н. Ламздорфу от 10 мая 1898 г. из Сеула // АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 37, л. 94.

представителей в Корее, пришло к заключению, что возведение в Сеуле отдельного храма, как это первоначально предполагалось, является преждевременным, поскольку постройка церкви потребовала бы неоправданно больших расходов, в несколько раз превышающих уже выделенную на это сумму. Поэтому министерство решило ограничиться пристройкой к зданию российского консульства помещений для домово́й церкви и переименовать духовную миссию в Корее в причт церкви при дипломатической миссии¹⁶.

Такое компромиссное решение этого вопроса, давая немедленное удовлетворение духовной потребности малочисленной российской колонии, проживавшей на тот момент в Сеуле, представляло бы возможность того, что в будущем, когда наступит более благоприятный момент, российские дипломаты смогут вернуться к первоначальному плану постройки православного храма и вновь учредить там Духовную Миссию.

Однако благоприятный момент так и не представился. Православный храм так и не был построен. Для этого, к сожалению, не хватило ни необходимого финансирования, ни энергии православных миссионеров, ни нужного политического решения. Поэтому в 1910 г., когда практически вся Корея покрылась широкой сетью католических и протестантских храмов, русская церковь продолжала ютиться в маленьком помещении при российской дипломатической миссии. А.С. Сомов – российский дипломат, работавший тогда в Сеуле подводя своеобразный итог работе русских православных миссионеров отмечал:

«Члены нашей Духовной Миссии глубоко преданы своему делу, ревностно изучают корейский язык и стяжали себе всеобщее уважение. К сожалению деятельность их

¹⁶ Письмо управляющего МИД М. Н. Муравьева Обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву от 10 октября 1898 г. // АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 37. Л. 124–125.

мало плодотворна... Нашей Духовной Миссии невозможно соперничать с Миссией католической и миссионерами протестантскими, располагающими миллионными средствами. Кореец, желающий принять христианство обратится не в Православную Миссию с церковью, помещающеюся в душной комнате, с плохим пением, со смешанной службой на русском и корейском языке, без проповедников, а в Католическую или Протестантскую, где он находит роскошные храмы, прекрасное пение, службу на корейском языке, школы, библиотеки, больницы, докторов, сестёр милосердия, амбулатории, богодельни, приюты, общественные собрания и проч.»¹⁷.

Несмотря на скудость финансирования и относительно малочисленность штата церковных служащих, в Российской Православной Миссии практически с момента её основания трудились талантливые проповедники – настоящие подвижники своего дела. К таковым безусловно можно отнести таких священников, как Архимандриты Амвросий, Хрисанф и Павел Ивановский, которые не только приложили немало усилий в деле пропаганды православия среди корейцев, но и оставили после себя массу бесценных исторических свидетельств, в которых подробнейшим образом освещалась как работа наиболее значимых христианских миссий в Корее, так описание традиций, обычаев и нравов самих корейцев.

Изучая материалы по Корее, написанные православными священниками и российскими дипломатами той поры, возникает убеждение, что основными противниками на поле религиозного влияния они видели католическую церковь. Этому способствовало, с одной стороны, исторически сложившиеся непростые отношения между католиками и православными, а с другой реальный опыт стол-

¹⁷ Делеша д. с. с. А. С. Сомова из Сеула от 8 октября 1910 г. // АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 38. Л. 39.

кновения с католическими прозелитами в других странах, где они прямо характеризуются как «мастера политических интриг»¹⁸. На протестантов же до определённого момента представители российского духовенства и наши дипломаты смотрели с изрядной долей скептицизма, характеризуя, в частности тех же американских миссионеров, как «тунец и неудачников», способных лишь к заботе о собственной выгоде¹⁹.

Между тем начиная с 90-х гг. XIX в. за очень короткий срок на первый план стали выдвигаться именно американские миссионеры. Проповедники из США были первыми, кто в конце XIX – начале XX в. привнес в тогда ещё единое корейское государство прогрессивные идеи западной культуры. В своей деятельности американцы успешно использовали принципы Джона Невиуса, которые отметили российские священники, но отнеслись к ним снисходительно, посчитав их «протестантским чудачеством»²⁰.

Между тем среди десяти пунктов, сформулированных Невиусом, содержались по меньшей мере два, которые без всякого преувеличения можно назвать новаторскими. Это опора в религиозной работе на простонародный корейский национальный алфавит «хангыль» и то, что пропаганду христианства в Корее должны были вести сами корейцы, а не чуждые им по культуре и внешнему облику европейские миссионеры²¹.

Поэтому очень скоро помимо самих американских миссионеров, которые активно стали открывать в Корее свои церкви, школы, типографии и больницы, по всей стране с целью пропаганды нового вероучения начали

¹⁸ История Российской духовной миссии в Корее. С. 175.

¹⁹ Секретная телеграмма А. Н. Шпейера из Сеула от 15 мая 1898 г. // АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 8, Л. 63.

²⁰ Ивановский П. Современное положение христианских миссий в Корее. Владивосток, 1904. С. 44.

²¹ Wanne J. J. A cultural history of modern Korea. Seoul, 2000. P. 536–537.

ездить «квонсо» – добровольные помощники миссионеров из числа местных корейцев, на которых помимо распространения Библии была возложена и роль популяризаторов христианства. Часто религиозная деятельность «квонсо» сочеталась с ликвидацией неграмотности среди местного населения и обучением простонародья «хангыль». Не случайно именно в это время в Корее появилась народная поговорка – «нет более великой трибуны для проповеди, чем обувь квонсо»²². Практически тем же самым занимались и «чхондо пуин», только уже в среде корейских женщин²³.

Ничего подобного православные священники в своей практике, к сожалению, не использовали.

Немалые трудности представляло для русских миссионеров и изучение корейского языка. На это обратил особое внимание российский дипломат в Корее Н.Г. Матюнин, который, говоря о деятельности европейских миссионеров, писал: «Успех европейских миссионеров истекает из того, что он в совершенстве владеют корейским языком, на котором ведут проповедь и обучают детей... Много лет потребует наш миссионер, чтобы изучить язык, отличающийся отменной сложностью речи, а без этого они не найдут искренних прозелитов»²⁴.

Российские же священники пошли по традиционному пути своих духовных предшественников в Китае, решив использовать уже переведённые на китайский язык религиозные тексты, поскольку они посчитали, что иероглифы являются универсальным ключом к традиционной культуре всех народов Дальнего Востока²⁵.

²² Чан Джэён. Первоапрельское движение 1919 г. и корейская протестантская церковь. М., 1997. С. 67.

²³ Hyaeweol Choi. Gender and mission encounters in Korea: new women, old ways. Berkeley, 2009. P. 67.

²⁴ Письмо М.Н. Матюнина министру иностранных дел графу В.Н. Ламздорфу от 10 мая 1898 г. из Сеула // АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 37, л. 94.

²⁵ История Российской духовной миссии в Корее. С. 194.

При этом ими, к сожалению, не был учтён тот факт, что китайский язык и литературу знали лишь достаточно образованные слои корейского общества. Работа по переводу, начатая ещё в 1899 г. при Архимандрите Хрисанфе, была закончена лишь при Павле Ивановском в 1910 г., когда весь Корейский полуостров уже покрылся многочисленными католическими и протестантскими церквями.

Что касается принципа использования самих корейцев в пропаганде христианских идей, то православные священники предпочитали использовать в своей работе корейцев, уже перешедших в российское гражданство, при том что последние сами стремились максимально «русифицироваться», поскольку с приобретением нового статуса они приобретали немало выгод²⁶.

К корейцам же в самой Корее, искавшим путь в православие с целью материальных выгод, они относились резко отрицательно, следуя идеалистически-консервативному принципу не допускать в лоно церкви людей с мирскими интересами.

Американские протестанты, напротив, с самого начала выстроили пропаганду христианства среди корейцев не через формальные проповеди, а посредством образовательно-благотворительной деятельности. При этом создание ими школ, больниц и богоугодных заведений, столь хорошо известных российским востоковедам, были лишь внешней стороной их деятельности.

С одной стороны, не без участия протестантских миссионеров шла трансформация традиционной корейской культуры – появлялись новые виды спорта (футбол, теннис, бейсбол, регби и т. д.), европейская музыка, новые увлечения и пристрастия. Главным механизмом ненавязчивого внедрения новых ценностей стали миссионерские школы, которые являлись не только чисто образовательными

²⁶ Пак Б. Д., Бугай Н. Ф. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. М., 2004.

учреждениями, но и своеобразными центрами культурной жизни для местных корейских общин. Не случайно в протестантских колледжах часто проходили зрелищные спортивные соревнования, концерты самодеятельных ансамблей, которые пользовались заслуженной популярностью у местных жителей²⁷.

Причём этот процесс постепенного изменения традиционных конфуцианских ценностей шёл в равной степени как среди корейской элиты, которая видела в идеях протестантизма духовный двигатель обновления и модернизации, так и в среде простонародья, которое благодаря обучению в христианских школах приобщалось к новым знаниям.

Не случайно успехи в просветительной деятельности начатой американскими миссионерами в конце 80–90-х гг. XIX в. совпали по времени с движением корейского «Общества независимости» («Тоннип хёпхве»), большинство членов которого были протестантами. Наряду с пропагандой прогрессивных идей социального равенства, прав граждан и демократических свобод это Общество стало главным орудием части корейской элиты и заинтересованных держав, направленным против усиления влияния России в Корее.

Недооценка влияния религиозного фактора наряду с просчётами наших дипломатов и сменой приоритетов во внешней политике России оказались в числе многих объективных факторов, закономерно приведших к тому, что мы отказались от проведения активной политики в Корее, перенеся центр своих интересов в соседнюю Маньчжурию. Слова Шуйского о важности культурного влияния, которое переходит в политическое, сбылись, но, к сожалению, не для России.

Сегодня как востоковеды, так и историки православной церкви высказывают различные мнения в отношении

²⁷ Fisher J. E. Democracy and mission education in Korea. New York, 1928. P. 95.

того, почему православию не удалось занять в Корее места, достойного великой державы. В числе многих объективных причин случившегося основной, на взгляд автора, было равнодушие высшего руководства РПЦ к реальным нуждам своих проповедников, работавших за пределами России.

Вот что писал русский священник, работавший в начале XX в. в соседнем Китае, где позиции РДМ были гораздо более весомы, чем в Корее: «Дело миссии не есть дело только её членов, это дело всей церкви, всего православия. И, если инославные поставляют в Китай тысячные полки своих миссионеров и тратят миллионы на внешнее представительство своих церквей, то русскому человеку, должно всеми силами поддерживать работоспособность нашей миссии»²⁸.

Однако ни аналогичные отчёты наших дипломатов, работавших в Корее²⁹, ни просьбы православных миссионеров не нашли отклика у высших иерархов РПЦ.

Некоторым утешением российским политикам может служить тот факт, что не мы одни не сумели своевременно оценить влияние христианских идей на корейское общество. Когда Корея в 1905–1910 гг. окончательно потеряла свою национальную независимость, став частью Японской империи, корейские христиане сыграли важную роль в национально-освободительном движении. Протестантская церковь, набравшая к 1910 г. значительную численную силу, имевшая широкие коммуникационные связи по всей стране и пользовавшаяся большим моральным авторитетом среди корейцев, стала серьёзным оппонентом колониальной власти.

И сегодня религиозный фактор продолжает играть важную роль в жизни современного южнокорейского общества, являясь, с одной стороны, достойной частью традици-

²⁸ Пётр Иванов. Из истории христианства в Китае. М., 2005.

²⁹ История Российской духовной миссии в Корее. С. 375.

онной корейской истории, а с другой – одним из духовных источников новых идеалов, которые необходимы РК в эпоху всемирной глобализации.

Источники и литература

Архивные источники

1. Депеша д. с. с. А.С. Сомова из Сеула от 8 октября 1910 г. // АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 38. Л. 39.
2. Извлечение из письма Д.С.С. Н.Г. Матюнина от 30 сентября 1897 г., АВПРИ. Ф.150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 37, Л. 55.
3. Краткий очерк распространения христианства в Корее в связи с вопросом об учреждении там Православной Духовной Миссии // АВПРИ. Ф.150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 37. Л. 35.
4. Письмо М.Н. Матюнина министру иностранных дел графу В.Н. Ламздорфу от 10 мая 1898 г. из Сеула // АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 37. Л. 94.
5. Письмо управляющего МИД М.Н. Муравьёва Обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву от 10 октября 1898 г. // АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 37. Л. 124–125.
6. План постройки церкви в Сеуле // АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 37. Л. 106.
7. Секретная телеграмма А.Н. Шпейера из Сеула от 15 мая 1898 г. // АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 8. Л. 63.

Литература

1. Ивановский П. Современное положение христианских миссий в Корее. Владивосток, 1904.
2. История Российской духовной миссии в Корее. М., 1999.
3. Мельник В.И. Гончаров и православие. М., 2008.
4. Пак А.В. Общество независимости в Корее. М., 2011.
5. Пак Б.Д., Бугай Н.Ф. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. М., 2004.
6. Пётр Иванов. Из истории христианства в Китае. М., 2005.

7. Чан Джэён. Первоапрельское движение 1919 г. и корейская протестантская церковь. М., 1997.

8. Шкаровский М.В. Русская православная духовная миссия в Корее [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bogoslov.ru/greek/>.

9. Fisher J.E. Democracy and mission education in Korea. New York, 1928.

10. Hyaeweol Choi. Gender and mission encounters in Korea: new women, old ways. Berkeley, 2009.

11. Paik L.G. The history of protestant missions in Korea 1832–1910. Seoul, 1987.

12. Wanne J.J. A cultural history of modern Korea, Seoul, 2000.

С. К. Колтунова

РОССИЙСКАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ В КОРЕЕ
И ПОЛИТИКА РОССИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
(1897–1917)

Svetlana K. Koltunova

RUSSIAN ORTHODOX MISSION IN KOREA
AND POLICY OF RUSSIA IN THE FAR EAST
(1897–1917)

Аннотация. Тема данной статьи – Российская духовная миссия в Корее и политика России на Дальнем Востоке в период 1897–1917 гг. Деятельность миссии вписана в общий геополитический контекст отмеченного периода и описывается в контексте влияния на внешнюю политику России на Дальнем Востоке и отношения с Кореей и другими странами региона.

Это исследование находится на стыке нескольких исторических областей: религиозной, политической и культурной истории, и внимание акцентируется на деятельности Русской Православной Церкви на Дальнем Востоке как способе расширения влияния Российской империи. Православная Миссия в Корее существовала с 1897 по 1949 год, но временные рамки были ограничены 1917 годом, потому что после мы не можем рассматривать эту миссию как часть имперской политики.

Ключевые слова: российско-корейские отношения, духовные миссии, православие за рубежом

Abstract. The topic of this article is «Russian Orthodox Mission in Korea and Russian Policy in the Far East (1897–1917)». The mission's activities are inscribed in the general geopolitical context of the period and described in the context of the impact on Russia's foreign policy in the Far East and relations with Korea and other countries of the region.

This study is located at the crossroads of several historical areas: religious, political and cultural history and is focused on the

activities of the Russian Orthodox Church in the far East as a way to expand the influence of the Russian Empire. The Orthodox Mission in Korea existed from 1897 to 1949, but the time frame was limited to 1917, because after that we cannot consider this mission as part of Imperial policy.

Key words: Russian-Korean relations, Orthodox missions, Orthodoxy abroad

Если говорить о христианстве в Корее, то на сегодняшний день Южная Корея является страной, где значительная часть населения, в отличие от других азиатских стран, исповедует христианство. Четверть населения в 1990-х гг. составляли христиане, по большей части – протестанты. Согласно статистическим данным за 2005 год, к протестантам себя относят 8,5 миллионов человек (18,3%), а число католиков составляет 5 млн человек, то есть 10% от общего населения страны¹. В целом, протестантская и католическая церковь сыграли огромную роль в распространении грамотности, развитии здравоохранения в Корее конца XIX – начала XX века. Существует множество монографий, посвященных деятельности миссионеров этих ветвей христианства, но, как в отечественной, так и в зарубежной историографии, исследования, посвященные активности православной церкви в Корее немногочисленны. Тем не менее православная церковь действовала и действует сегодня и в Южной, и в Северной Корее, несмотря на небольшое количество прихожан. Самое большое количество православных верующих традиционно жили в Сеуле. К сожалению, точные данные отсутствуют, но известно, что на воскресные богослужения Сеульского кафедрального собора св. Николая обычно приходят чуть менее 100 человек².

Данные о количестве прихожан в Северной Корее также отсутствуют. Несмотря на декларируемую свободу

¹ Епископ Феофан (Ким) Современное положение православия на Корейском полуострове // Православие и корейцы. М., 2014. С. 380.

² Там же. С. 382.

вероисповедания, христианство в КНДР было представлено лишь несколькими католическими и протестантскими храмами. Отправной точкой для возвращения православия стало посещение Ким Чен Иром в 2002 г. храма св. Иннокентия Иркутского в Хабаровске. После этого северокорейский лидер дал указание о строительстве первой православной церкви в Пхеньяне, посещение которой составляет программу всех российских, а также некоторых зарубежных иностранных делегаций.

Данная статья посвящена истории Российской Духовной миссии в Корее и ее роли в политической и культурной экспансии России на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX века. Миссия существовала с 1897 по 1949 г., однако в данной работе затрагивается её история только до 1917 года, так как после Революции 1917 г. Духовную миссию уже нельзя рассматривать как часть имперской политики. Основной вопрос исследования – какую роль православная миссия сыграла в дальневосточной политике России.

В качестве источников в данной работе используются в основном материалы личного происхождения: очерки и воспоминания миссионеров, которые часто публиковались в изданиях Российской православной церкви – «Православный благовестник», в котором на протяжении двух десятилетий (1894–1917 гг.) печатались отчеты и очерки миссионеров, а также «Церковные ведомости» – еженедельный журнал Святейшего правительствующего Синода. Из сочинений миссионеров незаменимыми являются работы священников Хрисанфа Щетковского, Павла Ивановского, а также Феодосия Перевалова, который написал подробную историю миссии за 25 лет. Использовались также материалы Русского общества ориенталистов, а именно доклад С.В. Недачина о принятии корейцами христианства и российского подданства, а также работа 1906 года студента Харьковского университета Ф. Прохоренко о работе духовных миссий в Японии и Корее.

Литература по данной теме немногочисленна, исключая одну диссертацию и монографию, полностью посвященных Православной миссии в Корее³. Автор монографии поставил перед собой цель комплексно изучить распространение православия среди как корейцев, мигрировавших в Российскую империю, так и среди населения Кореи. Также отдельная глава посвящена деятельности духовной миссии РПЦ в Японии и ее разрывом с миссией в Корее во время Русско-японской войны. Чо Чон Хваном были использованы издания РПЦ, отчеты миссионеров, а также корейская пресса. Его работа – это одна из первых попыток изучить основательно деятельность православной миссии на территории Кореи.

Несмотря на то, что в советское время было написано огромное количество работ о российско-корейских отношениях, внимание в них уделялось в основном политическому и экономическому аспекту отношений. Тема культурной экспансии и использования “soft power” в прошлом в отношениях между странами – относительно новая для историографии.

Появление корейцев на Дальнем Востоке России и начало «русификации»

В 1860-х гг. наблюдался мощный миграционный поток из Кореи в Российскую империю. Первые массовые переселения в Южно-Уссурийский край были зафиксированы в 1863 г., что было вызвано стихийными бедствиями, голодом, малоземельем и произволом корейских чиновников на северных территориях Кореи, мало подконтрольных Сеулу⁴. Такие данные были представлены историком В.И. Вагиным, однако Б.Д. Пак, основываясь на «Записке о

³ Чо Чон Хван. Русская Православная миссия в Корее. М., 1997.

⁴ Чо Чон Хван. Русская Православная миссия в Корее. С.8.

корейцах, желающих принять подданство России» штабс-капитана П.А. Гельмерсона, утверждает, что официальной датой начала корейской эмиграции в Россию нужно считать 1864 г.⁵ В целом царское правительство положительно относилось к корейской иммиграции, так как дальневосточный регион был мало заселён, и корейцы играли одну из ведущих ролей в развитии сельского хозяйства в российском Приморье. Корейские переселенцы изначально получали от российской администрации помощь в обустройстве и имели возможность возделывать такое количество земли, какое были в силах обработать. Налогом они не облагались, поэтому могли пользоваться всем урожаем. В то же время РПЦ начала миссионерскую деятельность среди корейских переселенцев. Для последних крещение также составляло часть символического обряда перехода в российское подданство. Корейцы, воспитанные в традициях шаманизма, вообще придавали глубокое значение обрядам и символике, при этом искажая смыслы, о чем писали и русские, и зарубежные миссионеры. Однако православная церковь радушно принимала корейских беженцев, и не последнюю роль здесь играли политические мотивы. Известный путешественник Николай Пржевальский отмечал большое количество православных корейцев на территории России и считал религию важным фактором русификации переселенцев⁶.

Довольно часто в отчетах и очерках миссионеров встречается вопрос: «Могут ли корейцы вообще быть религиозными?». Миссионер Павел Ивановский пишет, что ему часто высказывали мнение, что кореец принимает православие «в силу материальных соображений, или по соображениям только рассудочного характера, если он смотрит на христианство, допустим, как на культурную силу,

⁵ Пак Б.Д. Россия и Корея. М., 2004. С. 77.

⁶ Там же. С.11.

полезную для практической жизни»⁷. Сам же он считает, что невозможно судить о религиозности целого народа и в оправдание корейцев пишет, что «у людей, как земных существ с поврежденной духовной природой, постоянно смешивается земное с небесным, и это тем более неизбежно и понятно у лиц, непросвещенных крещением»⁸.

Переселение корейцев и принятие ими христианства вызывало недовольство японских властей. В японской газете «Хоци», например, высказывается мнение, что «причины распространения христианства среди корейцев и столь быстрый переход в христианство объясняется не глубокой верою корейцев в новую религию, а тою выгодой с одной стороны, что, будучи христианином, кореец терпит меньше притеснений...с другой – успех христианства можно объяснить тем, что антияпонское движение явилось стимулом к принятию корейцами христианства, которые надеются этим путем получить помощь со стороны новых своих единоверцев»⁹. Можно рассудить, что в целом мнение о том, что корейцы принимали христианство скорее ради личной выгоды.

С установлением официальных дипломатических отношений Россия и Корея стали совместно решать проблему переселенцев на переговорах, проходивших в 1885–1888 гг. Их итогом стала Российско-корейская конвенция о пограничных сношениях 1888 г., согласно которой все корейцы, прибывшие в Россию до 1884 г., считались ее полноправными подданными. Остальные должны были получать специальные билеты, по истечении срока которых возвращались обратно на Родину. По данным Первой Всерос-

⁷ Иеромонах Павел. Современное положение христианских миссий в Корее. Владивосток, 1904. С. 5.

⁸ Там же. С. 92.

⁹ Недачин С.В. К вопросу о принятии корейцев в христианство и в русское подданство (Доклад Общему Собранию О-ва Русских ориенталистов 17 января 1912 года). СПб., 1913. С. 5.

сийской переписи населения 1897 года в дальневосточном регионе проживало 25 тыс. 868 корейцев, что составляло 11% от общей численности местного населения¹⁰. Накануне Первой мировой войны же в Уссурийском крае проживало 64 309 корейцев¹¹.

Для корейцев, оседавших на российском Дальнем Востоке, были устроены церковно-приходские школы. Царское правительство настаивало, чтобы посредством образования и религии как можно скорее русифицировать корейцев, однако представители РПЦ чаще не жаловали прагматического подхода к религии, который оправдывали политические деятели¹². Отчасти поэтому их деятельность была не такой эффективной, как католических и протестантских миссионеров. Лишь на рубеже веков церковные власти стали делать упор на развитии религиозности путем образования. К 1900 г. было принято решение запретить использование корейского языка при обучении и перейти полностью на русский.

Первым миссионером, проповедовавшим православие корейцам, стал иеромонах Валериан, однако наибольшая известность в этом деле принадлежит священнику Василию Пьянкову, к опыту которого впоследствии будут обращаться русские миссионеры в Корее. Пьянков устроил в Тизинхе первую часовню и первую корейскую школу, путешествовал по всему Южно-Уссурийскому краю, распространяя свою веру. Известно, что только лишь за 1871 г. он крестил 697 человек¹³. Нередкими в то время стали случаи усыновления и удочерения корейских детей русскими семьями. В. Крестовский, путешествуя по Южно-Уссурийскому краю

¹⁰ Пак В. Первые корейские семьи Южно-Уссурийского края // Корё Сарам: записки о корейцах. URL: <https://koryo-saram.ru/valentin-pak-pervye-korejskie-semi-yuzhno-ussurijskogo-kрая/> (дата обращения: 14.06.2017).

¹¹ Чо Чон Хван. Русская Православная миссия в Корее. С. 14.

¹² Там же. С. 15.

¹³ Ким Г.Н. Православное миссионерство и церковные школы для корейцев русского Дальнего Востока // Православие и корейцы. М., 2014. С. 350.

в начале 1880-х гг. отмечал, что эти дети прекрасно говорили по-русски и полностью переняли православную веру¹⁴. Просветительская политика церкви принесла свои плоды, и уже к 1903 г. доля крещеных корейцев составляла от 60 до 90% в различных деревнях¹⁵.

Церковно-приходские школы стали в большом количестве открываться в конце 1880-х гг. Иеромонах Павел Ивановский, ставший начальником духовной миссии в Корее в 1904 г., пишет следующее о школьном деле среди корейцев Уссурийского края: «Корейцы не только не препятствуют своим детям посещать русские школы, но и щедро жертвуют из общественных сумм на постройку школьных зданий, так и на содержание учителей... Излишне распространяться о том, что школа есть самая главная помощница миссионера... Первая задача миссионера – “шедше, научите” – здесь является первоочередной». Тем не менее он категорически выступал против ассимиляции корейцев путем насаждения христианской веры: «Христианство никого не обезличивает, и каждый народ должен вносить в церковную сокровищницу свои национальные черты, вложенные в него Раздавателем даров Господом Богом»¹⁶. Мнения миссионеров на местах разнились зачастую с официальной позицией царского правительства и церковных властей. Тем не менее церковно-приходские школы стали важным фактором в ассимиляции корейцев на новой земле, их христианизации и воспитании патриотических чувств в отношении России посредством преподавания Закона Божьего, истории и географии. К опыту миссионеров Уссурийского края неоднократно обращались русские миссионеры, направленные в Сеул.

¹⁴ Там же. С.351.

¹⁵ Там же. С.354.

¹⁶ Иеромонах Павел (Ивановский). Очерк миссии среди корейцев Южно-Уссурийского края // История Российской Духовной Миссии в Корее. М., 1999. С. 147–148.

Создание и деятельность миссии

Толчком к обсуждению вопроса об организации духовной миссии послужила записка секретаря и драгомана Российской дипломатической миссии в Корее Николая Алексеевича Шуйского, направленная в МИД весной 1889 г., спустя пять лет после подписания Русско-корейского договора о дружбе и торговле и установления официальных дипломатических отношений между Россией и Кореей. Шуйский писал о необходимости основания фундамента культурного влияния, на котором строилось бы влияние политическое¹⁷. Он считал, что торгово-промышленное и интеллектуальное влияние в Корее затруднено ввиду превосходства западных держав в этих сферах, в то время как Корея открыта для воздействия с помощью религии. Религиозная деятельность, по мнению Шуйского, была не менее важна, чем дипломатическая. Для облегчения финансирования он предлагал разделить бюджет миссий в Пекине и Сеуле (эту же идею намного позже отстаивал и Феодосий Перевалов, ставший начальником миссии в 1917 г.). О записке Шуйского высоко отзывался российский посланник в Пекине А.М. Кумани и всячески пытался обратить на нее внимание МИД. Тема создания миссии обсуждалась в узких кругах в конце 1880-х, но верховные иерархи РПЦ не были заинтересованы в этом предложении и расширении деятельности миссионеров, так как их не хватало и в пределах страны. На долгое время дело об основании православной миссии в Корее было отложено в дальний ящик, пока в 1897 г. инициативу не проявил С.Ю. Витте, который после победы Японии в Японо-китайской войне 1894–1895 гг., обратил на Дальний Восток особенное внимание. Его целью было сбалансировать влияние держав в регионе, не допустить геге-

¹⁷ Волохова А. Из истории российской политики на Дальнем Востоке // История российской духовной миссии в Корее. М., 1999. С. 320.

мории Японии и усилить позиции России. В своем письме директору Азиатского департамента МИД он упоминает записку Шуйского. Вслед за Шуйским мысль о необходимости открытия миссии в Корее высказывал один из чиновников дипломатической миссии З.М. Поляновский. Его доклад 1889 г. почти полностью повторял идеи Шуйского. Помимо прочего, он сравнивает духовные миссии с политическими партиями и утверждает, что миссионеры «по самому роду своей деятельности, стоя близко к населению и имея вследствие того больше средств для изучения страны, чем люди других профессий, могли бы снабжать правительство необходимыми с точки зрения наших государственных интересов сведениями...».

Официально миссия была основана лишь в 1897 г. Изначально штаб миссии состоял из трех человек: архимандрита, иеродиакона и псаломщика. Общий бюджет миссии составлял примерно 10 170 р. в год. На место начальника Св. Синодом был назначен смотритель Бийского катехизаторского училища иеромонах Амвросий, с возведением его в сан Архимандрита. Вместе с иеродиаконом Николаем (Алексеевым) и псаломщиком А.В. Красиным он отбыл к месту назначения в 1898 г. Однако корейские власти отказались пускать миссионеров на территорию страны, так как король Коджон решил, что организацию миссии по политическим соображениям лучше отложить, и им пришлось отправиться во Владивосток¹⁸. Все перипетии, связанные с созданием православной миссии, имели под собой политическую подоплеку, поэтому в конце 1890-х гг. российский МИД решил прислушаться к корейским властям и временно воздержаться от открытия в церкви в Сеуле. Постройку отдельного здания храма также посчитали преждевременным в связи с незначительным количеством православных в Сеуле, поэтому было решено в более благоприятный момент устроить

¹⁸ Чо Чон Хван. Русская Православная миссия в Корее. С. 69.

церковь в одной из комнат дипломатической миссии. Впоследствии лишь Николай Алексеев смог добраться до Кореи в 1899 г., став, таким образом, первым русским миссионером на корейской земле. С собой он также привез походную церковь в разобранном виде.

Вместо Амвросия на свободную должность был назначен архимандрит Хрисанф, оставивший после себя множество письменных воспоминаний, в которых уделяет много внимания устройству корейского быта и местным обычаям¹⁹. В январе 1900 г. он благополучно прибыл в Корею с псаломщиком Ионом Левченко. Сразу после прибытия перед ними стояла задача благоустройства временной церкви, которую было решено открыть в здании Российской дипломатической миссии и совершить богослужения для русских, проживавших в то время в Корее и крещеных корейцев, число которых было на тот момент около 30 человек²⁰. По большей части это были корейцы, которые состояли переводчиками у русских офицеров, а также те, кто, встав на ноги в России, вернулся в Корею из Уссурийского края. В своей заметке в «Церковных ведомостях» Хрисанф пишет, что трое из прибывших корейцев окончили курс учения в церковно-приходских школах на российском Дальнем Востоке, один из них закончил позже три класса Благовещенского духовного училища, а еще пять прибыли в Корею в 1894 г. по приглашению корейского короля, чтобы помогать русским военным инструкторам²¹.

17 февраля 1900 г. церковь была торжественно освящена и открыта для прихожан. Об этом было напечатано в корейских и японских газетах, издаваемых в Сеуле.

¹⁹ См., например: Епископ Хрисанф. От Сеула до Владивостока. // История Российской Духовной Миссии в Корее. М., 1999. С. 6–114.

²⁰ Архимандрит Феодосий. Российская Духовная Миссия в Корее (1900–1925 гг.) (Печатается по изданию 1926 г., Харбин) // История Российской Духовной Миссии в Корее. М., 1999. С. 191.

²¹ Епископ Хрисанф. Православная Корейская Духовная миссия в Сеуле // Корея глазами россиян. Тула, 2008. С.118.

В последних распространялся слух, будто русские миссионеры каждому пришедшему послушать проповедь корейцу выдают по 10 долларов, из-за чего в первые дни открытия миссии церковь не вмещала всех же пришедших. С каждым пришедшим Хрисанф беседовал отдельно, опровергая слух и разъясняя им цель своего приезда. Каждому он кратко изложил суть православной веры и предложил приходить на проповеди ежедневно. Большинство, разочаровавшись, прекратили хождения в церковь и на квартиры миссионеров, но около 40 человек продолжали исправно посещать беседы²². Периодически на проповеди приходили заинтересованные корейские чиновники и ученые. «Корейскими интеллигентами миссионерская деятельность не воспринималась как вмешательство империалистического Запада. В их представлении принятие христианства было началом просвещения, которое способствует росту государственного богатства и безопасности»²³. По мнению Павла Ивановского, который в будущем заменил Хрисанфа, приходили на такие лекции из любопытства, из восхищения могуществом и размерами России, из-за «соседского чувства».

В октябре 1900 г. для корейских детей в Сеуле была открыта русская школа. в 1900–1901 гг. в школе обучалось 12 человек, а в 1901–1902 гг. – 10 человек. Уменьшение количества учащихся было связано с отсутствием хороших учителей. Школа содержалась за счет самих членов миссии, поэтому недостаток средств также отрицательно влиял на качество обучения. Преподавание русского языка также не прельщало корейцев в школе при миссии, так как для этого уже имелись специальные курсы при корейском правительстве. С началом Русско-японской войны школа, к сожалению, была закрыта. Дефекты школьного дела восполнялись благодаря симпатиям корейцев к православным обрядам.

²² Там же. С.120.

²³ Чо Чон Хван. Русская Православная миссия в Корее. С. 52.

Воспитанные в конфуцианских обычаях, они уважали последовательное исполнение всевозможных церемоний.

В самом начале XX в. началось активное расширение миссии, у французских католиков был куплен в Сеуле участок земли для постройки новых необходимых зданий. Земля была куплена под предлогом нужд Русско-корейского банка, и впоследствии передана миссии. Были построены следующие сооружения: школьное здание с квартирой для учителя и классной комнатой, флигель для переводчиков, сторожка, амбар, двухэтажный дом для миссионеров и кухня с баней. Церковь, ранее располагавшаяся в дипломатической миссии, была перенесена в духовную. По окончании всех работ именно это место стало средоточием православной жизни в Корее. Хрисанф продолжал ратовать за постройку полноценного православного храма, на что в конце 1903 г. выделил деньги Св. Синод, но именно в это время нарастал русско-японский конфликт, который и стал причиной того, что церковь так и не была построена царским правительством.

На работу миссий во многом повлияло возрастающее влияние Японии на Корейском полуострове, которое стало результатом ее победы в японо-китайской, а затем и Русско-японской войне. Русские миссионеры застали начало Русско-японской войны в Сеуле. Им спешно пришлось покинуть Корею и оставить все имущество на попечение французской дипломатической миссии. Архимандрит Хрисанф, другие миссионеры, учителя и даже некоторые ученики отправились в Шанхай, где временно получили приют в Китайской православной миссии, а затем отправились в Россию. К происходящим событиям Хрисанф относился, как к испытаниям: «олго ли продлится наше изгнание, – трудно предугадать; все же, несмотря на то, что мы устроились относительно хорошо, тоска душит, и все мысли – в Сеуле... Господь послал нам испытание и надобно

терпеть»²⁴. Таким образом, во время войны, миссия полностью прекратила свою работу.

После войны положение Кореи на мировой арене существенно изменилось. Согласно японо-корейскому договору 1905 г. Корея становилась протекторатом Японии, теряла право решать вопросы внешней политики, а контроль над внешней торговлей перешел к японцам. Однако миссионерам было разрешено вернуться в Корею, и начальником миссии стал Павел Ивановский, который вслед за Хрисанфом пытался обустроить в Сеуле православный храм. Ему пришла идея устроить храм – памятник русско-японской войны с усыпальницей для погибших солдат, но на территории самой миссии свободного места не имелось, а на покупку нового участка не хватало финансовых средств. В дальнейшем ситуация с финансированием не стала лучше, и Феодосий Перевалов, который возглавил миссию уже в 1917 г. писал: «Миссия по-прежнему оставалась импровизированной церковкою, ютящейся в школьном здании, и не может, конечно, мечтать о построении приличного храма в будущем»²⁵.

Павел Ивановский, став главой Миссии, начал активно проповедовать и расширять поле деятельности миссии. В 1907 году во Владивостоке, где проживало около 10 тысяч корейцев, было устроено подворье Миссии. За время своей службы в Корее он крестил 322 корейца, создал миссионерские станы в деревнях, о которых уже говорилось ранее, семь школ для корейских детей, а также четыре молитвенных дома в тех же деревнях, где были открыты станы. В период после Русско-японской войны в составе миссии работали семь сотрудников: начальник миссии, два иеродиакона, учитель, регент и два русских певчих. Большое

²⁴ Епископ Хрисанф. Из писем корейского миссионера. Казань, 1904. С. 40.

²⁵ Архимандрит Феодосий. Российская Духовная миссия в Корее (1900–1925 гг.). С. 249.

внимание Павел уделял переводам богослужебных книг, а с 1910 г. почти все богослужения проводились на корейском языке. После шести лет успешной службы в Корее архимандрит Павел был отозван на Дальний Восток России, чтобы продолжить проповедовать для корейцев, живущих на территории империи. Период его и службы его предшественника были самими плодотворными для корейской миссии. Даже когда в 1910 г. Корея была оккупирована Японией и превратилась в колонию, это по факту не отразилось на работе миссии.

Следующими дореволюционными начальниками миссии были: в 1912–1914 гг. – архимандрит Иринарх (Шемановский), в 1914–1917 гг. – игумен Владимир (Скрижалин) и в 1917 г. – всего три с половиной месяца – иеромонах Палладий (Селецкий). На Иринарха начальство возлагало большие надежды, во-первых, как на человека с опытом миссионерства на крайнем Севере, а во-вторых, и сам Иринарх неоднократно заявлял, что «Миссию сумеет поднять на такую высоту, как никто до него»²⁶. Едва приехав в Сеул, он взялся за изучение корейского языка, но прекратил занятия через несколько месяцев. Через некоторое время оказалось, что и к проповеди он потерял интерес. До Владивостокской епархии, в ведении которой корейская миссия находилась с 1908 г., стали доходить слухи о том, что он совсем перестал заниматься проповедью, чудит, занимается садоводством и собиранием корейских редкостей²⁷. Начальство незамедлительно отозвало его во Владивосток.

После него в управление вступил игумен Владимир Скрижалин, который в принципе тяготился должностью, не дававшей ему никаких особенных привилегий, но при этом требовавшей постоянных забот и попечений. Его уведомили, что на посту он находится, пока не будет най-

²⁶ Там же. С. 252.

²⁷ Там же. С. 254.

дена подходящая кандидатура. Однако он был главой миссии целых три года, но за все это время мало что изменилось в ее деятельности, кроме того, что стали нередки случаи бытовых неурядиц. Корейцы, служившие в миссии, злоупотребляли своими обязанностями на службе и прибегали к обману в хозяйственных делах²⁸. Чтобы уладить эту проблему, из Владивостока был прислан новый псаломщик, только что окончивший духовную семинарию, П.А. Афанасьев. В 1917 г. Владимир оставил пост, и ему на замену был прислан иеромонах о. Палладий. Он отличился своей необычной манерой обхождения с прихожанами и служителями миссии. «Например, к начальству стал относиться критически, к подчиненным – высокомерно и пренебрежительно, особенно к корейцам, которых называл не иначе, как неотесанными дубинами, глупыми корейцами и т.п.»²⁹. Первое, что он сделал на новом посту, это – закрыл школу при миссии, распустив всех учеников и учителей. Сделал он это по руководству Павла Ивановского, который считал, что в революционном хаосе школу невозможно будет финансировать³⁰. Епископский Совет Владивостокской Епархии был недоволен постоянными жалобами на нового главу миссии, и спустя три месяца он был отослан обратно во Владивосток. Феодосий Перевалов, который стал начальником после о. Палладия, считал, что закрытие школы стало непоправимым ударом для миссии. Что касается самого Феодосия, он стал главой уже в то время, когда Св. Синод доживал свои дни, и Духовная миссия в Сеуле действовала уже независимо от высших церковных властей. Он оставил после себя сочинение, в котором подробно изложил историю миссии, и на которую я во многом опиралась в данной работе.

²⁸ Там же. С. 258.

²⁹ Там же. С. 260.

³⁰ Там же.

Таким образом, наиболее плодотворными для миссии стали годы пребывания на посту главы архимандрита Хрисанфа и Павла Ивановского. Успех миссионерской деятельности во многом зависел от их личного участия и инициативы, которую не проявляли остальные начальники.

«Православные миссионеры не занимаются политикой, они чужды вмешательства в дела гражданского управления, Царства Божия они не смешивают с царством мира сего. А ведь это очень важно. Правда, что политика в руках ловких миссионеров Запада подчас создает блестящие успехи миссии, но такие успехи, достигнутые силой чело- века, не могут быть прочными и для нас желаемыми... Православным миссионерам чужды ухищрения политиканов, и, дай Боже, чтобы над Кореей скорее воссияло солнце православия, воссияло уже светом невечереющим»³¹. Эта цитата из сочинения Павла Ивановского емко выражает политику русских миссионеров в Сеуле. Несмотря на то, что они признавали то, что религия может стать важным инструментом в политической игре, они пытались максимально абстрагироваться от официальной политики Российской империи, занимаясь своим делом – проповедью и обучением.

Заключение

Деятельность российских миссионеров так и осталась лишь попыткой проведения российского культурного и политического влияния. Успешной миссионерской работе препятствовал целый ряд причин: изменение стратегии внешней политики Российской империи в начале XX века, относительно пассивная миссионерская традиция РПЦ, а также отсутствие эффективной практики использования культурного влияния в российском имперском дискурсе. Российское правительство к тому же было не готово финан-

³¹ Иеромонах Павел. Современное положение христианских миссий в Корее. С. 92.

сировать миссию, так как Государственное казначейство выделяло Св. Синоду на Духовные миссии за границей ограниченные суммы. Такая проблема не беспокоила католиков и протестантов, миссии которых щедро финансировались. Российское правительство отчасти недооценило миссионерство как ценный ресурс для распространения русского влияния. Инициативу в создании миссии проявляли отдельные личности (работники Дипломатической миссии в Корее и С.Ю. Витте), но это не было одним из основных направлений деятельности российской политики. В то время как Европа и США уделяли серьезное влияние развитию католической и протестантской миссии, и до сих пор Корея является страной, где наиболее среди других государств Восточной Азии распространено христианство. Православная миссия могла бы быть эффективным инструментом расширения российского влияния, но она была недооценена правительством и ее деятельность из-за сложных внешнеполитических условий была ограниченной.

Источники и литература

Архивные источники

1. РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 57. «Отчет о деятельности Корейской духовной миссии (в Сеуле) за 1900–1901».
2. РГИА Ф. 796. Оп. 205. Д. 494. «Путятина, гр. Е. по делам Японской миссии».
3. РГИА Ф. 796. Оп. 205. Д. 490. «Николая, епископа, начальника русской миссии в Японии, митр. Исидору по делам миссии».

Литература

1. «Я здесь совершенно один русский...» (Письма Ревельского епископа Николая (Касаткина) из Японии). СПб., 2002.
2. Архимандрит Сергей (Страгородский). На Дальнем Востоке: письма японского миссионера. Арзамас.

3. Архимандрит Сергей (Страгородский). По Японии (Записки миссионера). М., 1998.
4. Архимандрит Феодосий. Российская Духовная Миссия в Корее (1900–1925 гг.) (Печатается по изданию 1926 г., Харбин) // История Российской Духовной Миссии в Корее. М., 1999.
5. Белов М.В. Русская православная церковь и корейцы. 1865–1917. Автореф. дисс. на соискание ученой степени к.и.н. М., 1995.
6. Бесстремянная Г.Е. Японская православная церковь: история и современность. Сергиев-Посад, 2006.
7. Волохова А. Из истории российской политики на Дальнем Востоке // История российской духовной миссии в Корее. М., 1999.
8. Дневники святого Николая Японского: в 5 т. СПб., 2004.
9. Епископ Феофан (Ким). Современное положение православия на Корейском полуострове // Православие и корейцы. М., 2014.
10. Епископ Хрисанф. Из писем корейского миссионера. Казань, 1904.
11. Епископ Хрисанф. От Сеула до Владивостока // История Российской Духовной Миссии в Корее. М., 1999.
12. Епископ Хрисанф. Православная Корейская Духовная миссия в Сеуле // Корея глазами россиян. Тула, 2008.
13. Ефимов А.Б. Очерки миссионерства Русской Православной Церкви. М., 2007.
14. Иеромонах Павел (Ивановский). Очерк миссии среди корейцев Южно-Уссурийского края // История Российской Духовной Миссии в Корее. М., 1999.
15. Иеромонах Павел. Современное положение христианских миссий в Корее. Владивосток, 1904.
16. Ким Г.Н. Православное миссионерство и церковные школы для корейцев Русского Дальнего Востока // Православие и корейцы. М., 2014.
17. Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб., 2008.
18. Малягин В. Ю. Святитель Николай Японский. М., 2014.
19. Недачин С.В. К вопросу о принятии корейцев в русское подданство (Доклад Общему собранию О-ва Русских ориенталистов 17 январ 1912 года). СПб., 1913.

20. Пак Б.Д. Россия и Корея. М., 2004.
21. Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. М., 1998.
22. Прохоренко Ф. Русская Духовная Миссия в Японии и Корее. Харьков, 1906.
23. Саблина Э.Б. Православная церковь в Японии в конце XIX- начале XX в. и ее основатель Святитель Николай. Автореф. дисс. на соискание ученой степени к.и.н. М., 2003.
24. Саблина Э.Б. 150 лет Православия в Японии. История Японской Православной Церкви и ее основатель Святитель Николай. М., 2006.
25. Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009.
26. Трухин В.Н. Российская духовная миссия в Японии в документах и материалах. 1870–1879 гг. М., 2013.
27. Федоров В.А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917 гг. М., 2003.
28. Чо Чон Хван. Русская Православная миссия в Корее. М., 1997.
29. Чой Доккю. Россия в Корее: 1893–1905 гг. (Политика Министерства финансов и Морского министерства). СПб., 1996.
30. Япония накануне и во время войны с Россией глазами Святого равноапостольного Николая Японского. Л., 1991.
31. Lehmann J.P. «French Catholic Missionaries in Japan in the Bakumatsu and Early Meiji Periods», *Modern Asian studies* (1979).
32. Lensen G.A. The Russian push toward Japan. Princeton. 1959.
33. Lensen G.A. Korea and Manchuria between Russia and Japan, 1895–1904. Sophia University, 1968.
34. Malozemoff A., Russian Far Eastern policy, 1881–1904: With special emphasis on the causes of the Russo-Japanese war. California University Press, 1958.
35. Park Chung-Shin, Protestantism and Politics in Korea. L., 2003.
36. Spae J. The Catholic Church in Japan // *Japanese Journal of religious studies*, No 3 (1963).

ABSTRACTS

Bella B. Pak

Karl I. Waeber's contribution in the strengthening of Korea's independence and enhancement of Russo-Korean cooperation during Kojong's sojourn in the Russian Mission

The article is devoted to the actions of the first Russian diplomatic representative in Seoul K.I. Weber, aimed at neutralizing the encroachments of Japan, China and other powers on Korean sovereignty, establishing the closest friendly relations between Russia and Korea, which were most developed during Kojong's stay in the Russian diplomatic mission (from January 30, 1896 to February 8, 1897.), where he found salvation from the threat of being deprived of the throne and directly from his life by the Japanese. Being within the walls of the Russian mission, Kojon ruled the country from there for more than a year, which was an unprecedented case in world history. These 375 days of the stay of the Korean monarch on the «Russian territory of Seoul» were also marked by the highest upsurge in Russian-Korean relations, both in the field of politics and economy, and cultural ties.

Igor V. Lukoyanov

Briner's concession as the mirror of Korean policy of Russia in the end of XIX century

The article deals to the history of the receipt by the Vladivostok merchant Yu.I. Briner a forestry concession on the Korean bank of the Yalu River. The concession and its further fate were closely intertwined with Russian-Korean relations and Russian policy in the region. If its provision was associated with an attempt by the Kojon to attract Russian entrepreneurs to Korea in 1896–1897, then later the fate of the enterprise reflected the change in Russian policy in Korea. Ultimately, it became the pretext for the formation of an influential unofficial group, named after the name of its leader, «Bezobrazovtsy», which, with its aggressive actions, contributed to the start of the Russo-Japanese War of 1904–1905.

Bella B. Pak

**Russo-Japanese negotiations on Korean affairs
(1902 – October 1903)**

The article based on unpublished archival documents stored in the Foreign Policy Archive of the Russian Empire most fully traced the Russian-Japanese negotiations on Korean affairs, presented the position of the Russian Foreign Ministry and diplomats in Seoul and Tokyo on the Korean issue, the Japanese and Russian projects of the agreement.

Roman S. Avilov

**Through Korea to Port Arthur: military research expedition
of Lieutenant Colonel V.A. Oranovsky in 1898–1899**

This article examines the history of the unknown Russian reconnaissance expedition to Korea and Manchuria in 1898–1899, which had been realized under the command of Lieutenant colonel Vladimir A. Oranovskiy. In June of 2017 in the Collection of Manuscript of Russian State Library it was been founded the final expeditionary report. This manuscript of 976 pages consists of five chapters, include two appendices, regrettably, without maps, and full information about the expedition. The detachment was sent for to investigate the ways from village Novokievskoye to Port-Arthur, for to explore if it is possible in a case of war to redeploy the Russian forces from Priamur Military District to Port-Arthur by the near way through North part of Korea. Another goal was the investigation of Korean peninsula in military and geographical sense. The well-appointed expedition traveled in winter from Novokievskoye to Port-Arthur and backwards, and it had assembled a lot of information, not only military, but also geographical and ethnographical. This data was very useful 4 years later, during the Russo-Japanese War of 1904–1905.

Alexandra Yu. Ruchkina

**The first projects of training the Korean army
by Russian military instructors**

The article describes the initial stage of military cooperation at the end of the XIX century between Russia and Korea, namely the first Russian training projects for the Korean army. A detailed analy-

sis of unapproved but partially implemented projects of sending Russian military instructors to Korea was conducted. For the first time, attention was paid to the plan of V.P. Karneev, who has not been specifically studied in Russian historiography. The main sources of research are the records of Russian citizens who visited Korea during this period. Both published (from RGIA, AVPRI, RGIADV, GARF) and unpublished sources (RGVIA funds) are considered. The main research methods are: analysis and systematization of the information contained in the sources. Thanks to the work done, it becomes possible to understand political situation of that time and the position of the Russian Empire in relation to its future activities on the Korean Peninsula.

Alexandr V. Pak

**The religious factor in Russian-Korean relations
in the late 19th – early 20th centuries**

For the first time, the idea of opening the Orthodox Mission in Korea was expressed not by priests, but by Russian diplomats. In 1889, the representative of the Russian Foreign Ministry, N.A. Shuisky compiled a very curious document, which contained a plan for the establishment of an Orthodox mission in Korea. In particular, it emphasized that since Korea is of interest to Russia from the point of view of its policy in the Far East, «this should prompt us to look for measures to acquire cultural influence there as a constituent foundation on which political influence is built ...».

The activity of the Russian Orthodox Mission (RDM) in Seoul despite the widely stated in the original project objectives of strengthening the cultural influence in Korea almost from its inception has faced numerous problems and difficulties. The lack of material resources and a difficult political situation in Korea has led to the fact that Russia had to lower the bar of their initial claims and to confine itself to more modest goals. The Orthodox Church was never built. This, unfortunately, had neither the necessary funding nor the energy Orthodox missionaries, no need for a political solution. The underestimation of the impact of the religious factor, along with the miscalculations of diplomats and a change of priorities in Russian foreign policy, was among the many objective factors naturally led to the fact that we did not conduct active policy in Korea by shifting the center of their interests in neighboring Manchuria.

Svetlana K. Koltunova

**Russian Orthodox Mission in Korea and policy of Russia
in the Far East (1897–1917)**

The topic of this article is «Russian Orthodox Mission in Korea and Russian Policy in the Far East (1897–1917)». The mission's activities are inscribed in the general geopolitical context of the period and described in the context of the impact on Russia's foreign policy in the Far East and relations with Korea and other countries of the region.

This study is located at the crossroads of several historical areas: religious, political and cultural history and is focused on the activities of the Russian Orthodox Church in the far East as a way to expand the influence of the Russian Empire. The Orthodox Mission in Korea existed from 1897 to 1949, but the time frame was limited to 1917, because after that we cannot consider this mission as part of Imperial policy.

ОБ АВТОРАХ

Авилов Роман Сергеевич – к. и. н., старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; главный библиотекарь Научной библиотеки ДВФУ (г. Владивосток).

E-mail: avilov-1987@mail.ru

Колтунова Светлана – студентка первого курса магистерской программы «Бизнес и политика в современной Азии» Высшая школа экономики в Санкт-Петербурге. Бакалавр истории, Образовательная программа «История» Высшая школа экономики в Санкт-Петербурге.

Лукоянов Игорь Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник СПбИИ РАН.

E-mail: lukoianov@yandex.ru

Пак Бэлла Борисовна – д. и. н., ведущий научный сотрудник, руководитель Кабинета (Лаборатории) истории и культуры Кореи Института востоковедения Российской академии наук.

E-mail: pakbell7@gmail.com

Пак Александр Вадимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела сравнительного культуроведения Института востоковедения РАН.

fenixmirage@yandex.ru

Ручкина Александра Юрьевна – магистр истории.

E-mail: alexana007@mail.ru

GENERAL DATA ABOUT THE AUTHORS

Avilov Roman S. – Candidate of Science in History, senior researcher at the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Chief Librarian of the Scientific Library of the Far Eastern Federal University.

Koltunova Svetlana K. – student of the MA program «Business and Politics in Modern Asia» Higher School of Economics in Saint-Petersburg. Bachelor of History, Educational program «History» Higher School of Economics in St. Petersburg.

Lukoyanov Igor V. – Doctor of Science in History, leading researcher, Deputy Director for Research Saint-Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

Pak Bella B. – Doctor of Science in History, leading researcher, Head of the Cabinet (Laboratory) of Korean History and Culture, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

Pak Alexander V. – Candidate of Science in History, senior researcher of the Department of Comparative Cultural Studies of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

Ruchkina Aleksandra Yu. – Master of History.

Научное издание

РУССКИЕ В КОРЕЕ

СБОРНИК СТАТЕЙ

Редактор М. С. Грикурова

Корректор М. Я. Колесник

Верстка Н. В. Макеева

Подписано в печать 20.12.2021
Формат 60х90/16. Бумага офсетная
Усл. печ. л. 13,75. Уч.-изд. л. 10,1
Тираж 500 экз. Зак. №

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Федулов
E-mail: ivran.izd@gmail.com

Отпечатано в ООО «Белый ветер»
115054, г. Москва, ул. Дубининская, дом № 68, корпус 3, оф. 6
тел.: (495) 651-84-56
e-mail: wwprint@mail.ru